Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1974

Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

Труды Выпуск 47

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

53141

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1974

1977
Библиотека

9 (С 147)
И 889

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. В. Заварзин, А. Е. Кильмяшкин, Н. В. Полин

И $\frac{0-1-6-1-028}{М\ 130\ (03)-74}$ 133—74

© Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, 1974

Н. В. ПОЛИН

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Империалистическая война оказала заметное влияние на промышленность Мордовии. Огромные прибыли, преимущество в снабжении сырьем и материалами, легкий сбыт приводили к тому, что предприниматели стали перестраивать свои заведения на удовлетворение заказов военного ведомства. Некоторые фабрики были подчинены непосредственно Главному интендантству и выполняли его заказы. Так, суконная фабрика Суворова в Ширингушах выполняла заказы военного ведомства и выпускала солдатское сукно для обмундирования армии. Только с сентября 1915 года по январь 1916 года она произвела 455 000 аршин серошинельного сукна и 100 000 аршин портяночного[1]. Весь товар был выгодно продан армии.

Целям войны подчиняется и деревообрабатывающая промышленность. Лесопильные предприятия изготовляли ящики для снарядов и гранат, черенки для саперных лопат, патронные двуколки и т. д. Например, лесопильный завод Овечкина в селе Оброчном в сентябре 1915 года получил заказ на изготовление 60 000 ручек для лопат[2], а завод Медведевых при станции Зубова Поляна изготовил 4 000 ящиков для гранат по заказам Главного интендантства[3]. Бондарное производство Беляевой в селе Соколовка Саранского уезда выполняло заказы Министерства земледелия, а во время войны — Военно-промышленного комитета и Всероссийского земского союза[4].

Все крупные мукомольные предприятия: Тургеневская мельница Попова и К° (Ардатовский уезд), мельницы Свечкина, Петрова, Якушева в Саранске и Арапова в Воскресенской Лашме обслуживали заказы армии[5].

Кузнечно-слесарная мастерская Корнилова в Саранске по заказам Петроградского Военно-промышленного комитета готовила подковы. В январе 1916 года эта мастерская сдала военному ведомству 20 000 подков[6].

Особенно выгодным для буржуазии было производство корпусов гранат и снарядов. Предприятия по их производству

обеспечивались в первую очередь сырьем и притом бесплатно. Казна же за выполненный заказ платила огромные деньги. Вот почему мельница Попова и К° в Тургеневе принимала заказы на изготовление снарядов к бомбометам[7].

Большую роль в переходе промышленности на нужды обороны в России в целом и Мордовии в частности сыграли Военно-промышленные комитеты, созданные в 1915 году по примеру крупных промышленных центров и городов в уездах Мордовии (Военно-технический комитет в Темниковском уезде и Военно-промышленные комитеты в Саранском и Краснослободском уездах). Эти комитеты способствовали заключению договоров с предпринимателями на выполнение военных заказов, участвовали при распределении сырья и т. д. Основная же цель ВПК была обеспечить получение максимальных прибылей, сырья и материалов предпринимателями. Для того чтобы получить сырье и топливо, предприниматели широко рекламировали свою работу на оборону. Эта тенденция особенно ярко проявилась с началом государственного регулирования сырья, топлива, железнодорожных перевозок.

Заказы военного ведомства способствовали некоторому увеличению производства промышленной продукции в Мордовии. Если в 1914 году табачные фабрики вырабатывали продукции на сумму 81 009 руб.[8], то в 1917 году — на 483 968 руб.[9], или на 402 959 руб. больше. Вальцовая мельница Арапова в 1913 году произвела продукции на сумму 181 329 руб.[10], а в 1915 году на 366 000 руб.[11]

Аналогичную картину мы видим на фабрике в селе Тезикове Наровчатского уезда. В 1913 году здесь было произведено продукции на сумму 286 185 руб.[12], а в 1916 году — на 1 209 852 руб.[13] Если в 1913 году на этой фабрике один рабочий производил продукцию на 1 635,3 руб., то в 1916 году — на 6 141,3 руб. Рост производства спичечной фабрики в Тезикове был обусловлен наличием в уезде дешевых рабочих рук, сырья — леса, большим спросом на спички и их дороговизной.

В условиях военного времени из-за массовых мобилизаций трудоспособного мужского населения происходит изменение в количественном составе рабочих. Число рабочих на предприятиях Мордовии сокращается. Если в 1914 году на махорочных фабриках Никитиных работало 89 рабочих[14], то в 1916 году только 63[15]. Подобную картину мы видим и на спичечной фабрике в Тезикове, где в 1913 году было занято 311 рабочих[16], а в 1916 году 197 человек[17].

Однако сокращение количества рабочих не влияло на сокращение производства. Предприниматели путем удлинения рабочего дня и усиления эксплуатации добивались прироста промышленной продукции. Фабричный инспектор Пензенской губернии в отчете за 1916 год писал: «... повышенная производительность труда достигается только полностью широким при-

менением на фабриках сверхурочных, воскресных и праздничных работ и разрешимой ночной работы подростков и женщин»[18].

Чтобы восполнить убыль рабочей силы, предприниматели широко применяли женский и детский труд. Об изменениях, происшедших в половом составе рабочих во время войны, говорят сведения по промышленным заведениям Пензенской губернии, которые были подчинены надзору фабричной инспекции. При общем сокращении рабочих в 1916 году по сравнению с 1913 годом на 22,8% количество мужчин уменьшилось на 35,9%. Вместе с тем происходит рост удельного веса женщин, занятых в промышленном производстве. В 1913 году их доля составляла 23,4%, а в 1916 году уже 36,5%[19].

Увеличивается также применение труда детей и подростков. В 1913 году на предприятиях по обработке шерсти работало 358 малолетних[20], а в 1915 году на тех же предприятиях Пензенской губернии насчитывалось 513 несовершеннолетних[21]. Если в 1913 году количество детей и подростков равнялось 16% к общему количеству рабочих[22], то в 1915 году —22,6%[23], то есть за 2 года применение труда малолетних увеличилось на 41,3%.

Аналогичную картину мы видим и в уездах, вошедших в состав современной Мордовии. Например, в кузнечно-слесарной мастерской Корнилова в Саранске в 1916 году 46,1% всех рабочих составляли подростки[24]. На суконной фабрике Суворова в Ширингушах, по данным на ноябрь 1916 года, было занято 459 рабочих. 171 из них[25], или 37,2%, были женщины и подростки. По всем промышленным предприятиям уездов Мордовии, входивших в состав Пензенской губернии, только за один 1916 год количество работниц увеличилось на 286 человек[26], или на 48%.

Предпринимателям была предоставлена возможность использовать дешевый принудительный труд военнопленных. Так, на винокуренном заводе Пукалова в селе Большие Березники Карсунского уезда из 15 рабочих 7 было военнопленных[27]. На мукомольной мельнице Киселева на станции Чамзинка МКЖД с октября 1916 по январь 1917 года работало 16 человек, 12 из них — военнопленные[28]. На мельнице Арапова в ноябре 1916 года было занято 150 рабочих[29], из них 50 человек — военнопленные[30].

Применение труда военнопленных было выгодно предпринимателям. Например, владелец мельницы на станции Чамзинка Киселев местному рабочему платил 40 руб., а пленному — 28,3 руб.[31] На мельницах Арапова в Лашме пленному выдавали в 1915 году только 12 руб.[32] Подсчеты показывают, что Арапову содержание одного военнопленного обходилось в 20 руб.[33] Средняя заработная плата рабочего в 1916 году в Мокшанском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах составляла около 79 руб.[34] Разница между заработной платой пленного и рабочего по найму равнялась 59 руб.

Предприниматели от эксплуатации принудительного труда военнопленных получали большие барыши. Кроме того, использование труда военнопленных позволяло им, при все возрастающей дороговизне продуктов первой необходимости, сдерживать рост заработной платы работника по вольному найму.

Продолжающаяся война привела к развалу в работе транспорта, что в свою очередь вызвало перебои в снабжении промышленных предприятий Мордовии сырьем и материалами. Транспорт был занят перевозкой войск и военных материалов и не мог справиться с перевозкой сырья. Особенно тяжелое положение создалось на Московско-Казанской железной дороге, которая и до войны имела малую пропускную способность и недостаточное количество подвижного состава. На станциях скапливались громадные грузы, которых с нетерпением ждали промышленность и население. Только на двух станциях МКЖ дороги, Атяшево и Ардатово, на 18 ноября 1915 года скопилось 43 478 пудов[35] невывезенного груза. На отдельных станциях накапливалось такое количество грузов, что принимать новый было некуда и станцию объявляли закрытой.

На имя губернаторов, председателей Особых совещаний, фабричным инспекторам посылались телеграммы и прошения с мольбами о предоставлении вагонов для доставки сырья. Так, в октябре 1915 года крупный фабрикант Мордовии Овечкин в прошении на имя старшего фабричного инспектора Пензенской губернии объясняет, что для маслобойного завода и вальцовой мельницы сырье покупает на станциях вблизи Саранска. Сырье им было закуплено, но железная дорога не выделила вагонов. Его предприятия находились под угрозой остановки, и поэтому он просит выдать ему удостоверение на внеочередную погрузку и перевозку 85 вагонов конопляного и 25 вагонов льняного семени, 25 вагонов ржи. Овечкин просит выделять ему по 11 вагонов[36]. Из-за железнодорожных затруднений сокращает производство крупнейшая в Мордовии мукомольная мельница Попова и К° в Тургеневе[37]. Лесопильный завод А. А. Горелышева к 2 марта 1915 года сокращает производство на 30% из-за несвоевременной подачи вагонов[38]. Транспортные затруднения не в меньшей мере затрагивали и те предприятия, которые выполняли заказы армии. Так, владелец Ширингушской суконной фабрики Суворов в феврале 1916 года сообщал заводскому совещанию Нижегородского промышленного района, что выполнение заказа задерживается «вследствие несвоевременной доставки железной дорогой шерсти и материалов, несмотря на наряды, данные интендантством и комитетом по делам суконной промышленности»[39].

Топливный голод, охвативший хозяйство России, был одним из многих причин сокращения промышленного производства и в Мордовии. Промышленные предприятия Мордовии ощущали острую нехватку нефти, мазута и угля. Например, мельни-

ца Арапова в декабре 1915 года размолола до 250 000 пудов ржи[40], а в январе 1916 года только 111 016 пудов[41]. Из сообщения управляющего мельницей видно, что такое резкое сокращение помола произошло из-за отсутствия топлива (антрацита)[42]. Мельница и зерносушильный завод Петрова в Саранске в сентябре и октябре 1916 года не работали также из-за отсутствия топлива (нефти)[43].

До первой мировой войны Пензенская губерния, в том числе и уезды, вошедшие в состав Мордовии, занимали одно из первых мест по производству спирта-сырца. В начале войны винокурение прекращается. Владельцы винокуренных заводов не несли убытков от этого. За прекращение производства спирта они получали от государственной казны солидную по тому времени сумму — 25 000 руб.[44] Кроме того, убытки от закрытия винокуренного завода хозяин перекрывал продажей припасов (картофеля, ржи) населению по вольным высоким ценам. О прекращении винокурения говорят такие цифры: в Наровчатском уезде все шесть заводов были закрыты[45], в Краснослободском бездействовали пять[46], в Саранском из четырех заводов работали только два[47].

По данным фабричного инспектора, в Пензенской губернии (Мокшанский уезд и уезды, вошедшие в Мордовию: Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Саранский) только в 1916 году закрылось 48 заведений с 844 рабочими[48].

Особенно в тяжелом положении оказались кустарные предприятия по обработке металла. Нехватка сырья приводила к свертыванию производств и к закрытию их. По данным 1911 года, в Темникове 3 чугунолитейных завода кустарного типа производили изделий до 100 тысяч пудов[49], а в 1916 году пять таких же заводов производили продукцию на сумму от 19 до 422 руб. в год[50]. В Краснослободском уезде, по данным 1917 года, был один чугунолитейный завод, но и тот бездействовал[51].

В 1916 году кризис охватил и промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья — мукомольную и маслобойную. Например, в 1913 году маслобойный завод Овечкина в Саранске давал продукцию на 525 тыс. руб.[52], а в 1915 году — только на 10 тыс. руб.[53], его же паровая мукомольная мельница в 1913 году давала продукцию на 330 тыс. руб., а в 1915 году — на 190 тыс. руб.[54]

Мельница Арапова при станции Арапово Наровчатского уезда в 1915 году переработала зерна на сумму 366 тыс. руб., в 1916 году она дала продукцию только на 112 152 руб.[55], т. е. только за один год производство этой мельницы сократилось более чем в 3 раза.

Фабричный инспектор в своем отчете за 1916 год, анализируя работу предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, так описал работу мукомольных мельниц: «Из всех мукомольных мельниц Пензенской губернии работали мало-мальски

сносно лишь только те мельницы, кои получили заказы г. Уполномоченного Министерства земледелия. Остальные мукомольные мельницы, если и работали, то крайне неаккуратно и ненормально, с частыми и продолжительными простоями, вызванными то недостатком зерна, то невозможностью получить топливо или невозможностью перевести муку и зерно»[56]. Эта оценка приемлема и для мельниц тех уездов губернии, которые вошли в состав Мордовской автономии.

В связи с мобилизацией мужского населения в армию приходит в упадок крестьянская кустарная промышленность. Прекращаются работы в маслобойных, мукомольных, бондарных и других предприятиях крестьян. Только в одном Темниковском уезде к ноябрю 1915 года согласно данным журналов уездного собрания, из списков земского сбора в связи с закрытием были исключены следующие заведения: 19 мельниц, 13 просодранок, 11 кузниц, 7 маслобоен, 6 кирпичных заводов, 5 шерстобоен, 3 крахмальных заведения, 2 овчинных заведения и 2 солодоварни[57]. Основная причина их закрытия — отсутствие рабочей силы. Эти заведения принадлежали зажиточной верхушке крестьянства, но их закрытие ударило и по бюджету семей тех бедняков, которые были заняты работой на них. Закрытие кузниц, кроме того, лишало крестьянство ремонтной базы несложных сельскохозяйственных орудий.

Изучая состояние промышленного производства в годы первой мировой войны, мы приходим к выводу, что в Мордовии, как и в целом по России, в начале войны промышленное производство расширяется. Отдельные предприятия увеличивают выпуск продукции. Открываются новые промышленные заведения по переработке кож и шерсти, пошивочные и валяльные мастерские. Однако разруха транспорта, сырьевой кризис и топливный голод привели к тому, что уже в 1916 году предприятия резко сокращают свое производство. Многие закрываются. В годы войны увеличивается доля женского и детского труда. Большие прибыли получали предприниматели от применения эксплуатации военнопленных и беженцев.

Война расстроила крестьянскую промышленность. Закрываются мельницы, кузницы, кустарные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, кирпичные и гончарные заведения.

О состоянии промышленности в Мордовии во время войны свидетельствуют такие данные: в 5 уездах бывшей Пензенской губернии — Мокшанском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском в 1916 году действовало 36 заведений с 2656 рабочими. А в одном только Городищенском уезде в том же году действовало 28 предприятий с 3822 рабочими[58]. И по количеству заведений, и по количеству рабочих в них уезды Мордовии уступали Городищенскому уезду той же губернии.

В годы войны усиливается эксплуатация рабочих, отменяются те куцые «рабочие» законы, которые были завоеваны рабочими. Усиление эксплуатации, рост дороговизны, спекуляция порождали у рабочих антивоенные, антиправительственные настроения.

---

[1] ГАТО, ф. 441, оп. 322, д. 120, л. 30.

[2] Там же, д. 62, л. 10.

[3] Там же, ф. 441, д. 120, л. 42.

[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, стр. 465.

[5] ГАГО, ф. 441, оп. 322, дд. 120, 214, 230, 221, лл. 25, 50, 78, 265, 266, 274.

[6] Там же, д. 147, л. 99.

[7] Там же, д. 432, л. 275.

[8] Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложения к всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915.

[9] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 763, л. 102.

[10] Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза, 1924, стр. 91.

[11] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, стр. 465.

[12] Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза, 1924, стр. 110.

[13] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 763, л. 42.

[14] Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложения к всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза. 1915.

[15] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 713, л. 42.

[16] Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза, 1924, стр. 110.

[17] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 713, л. 42.

[18] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 142, л. 2 (об).

[19] Народное хозяйство в 1916 году. Вып. VII. Пг. 1922, стр. 132—133.

[20] Статистический сборник за 1913—1917 гг. Труды ЦСУ, т. V, Вып. 1. Москва, 1921, стр. 215.

[21] Там же.

[22] Там же, подсчет автора.

[23] Там же, подсчет автора.

[24] ГАТО, ф. 441, оп. 322, д. 230, л. 78.

[25] Там же, д. 236, л. 72.

[26] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 141, л. 35.

[27] ГАУО, ф. 165, оп. 33, д. 8, л. 142.

[28] ГАГО, ф. 441, оп. 332, д. 345, л. 23.

[29] Там же, оп. 322, д. 230, л. 50.

[30] Там же.

[31] Там же, д. 245, л. 23.

[32] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 137, л. 28.

[33] Выведены по данным: ГАПО, ф. 11, д. 1805, л. 39; ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 137, л. 28. (12 рублей на руки+3 рубля отсылал на депозит фабричного инспектора+питание 14,9 коп.×30 дней=4,47 руб.=20 руб.).

[34] Подсчет автора по данным ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 141 и выведена делением общей суммы заработной платы рабочих на количество рабочих по данным 1916 года.

[35] ГАУО, ф. 76, оп. 3, д. 580, л. 23.

[36] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 466.

[37] ГАУО, ф. 195, оп. 32, д. 3, лл. 4—7.

[38] Там же.

[39] ГАГО, ф. 441, оп. 322, д. 234, л. 67.

[40] ГАГО, ф. 441, оп. 322, д. 221, л. 21.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] Там же, д. 184, л. 108.

[44] Журналы Темниковского уездного земского собрания. Темников. 1916, стр. 57.

[45] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 769, л. 117.

[46] Там же, л. 119.

[47] Там же, л. 105.

[48] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 141, л. 16.

[49] ЦГА МАССР, ф. 51, оп. 1, д. 2, л. 59.

[50] Там же, д. 12, л. 36.

[51] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 769, л. 119.

[52] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 476.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 763, л. 42.

[56] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 142, л. 2.

[57] Журналы Темниковского уездного земского собрания. Темников, 1915, стр. 150—213.

[58] ГАПО, ф. 177, оп. 1, д. 141, лл. 16, 17.

Е. И. КРИВЯКОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА РОДИНЕ

Аграрный вопрос в России встал на повестку дня в середине прошлого века и на протяжении почти шестидесяти лет был в центре внимания передовой общественности. В. И. Ленин подчеркивал, что он «составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции»[1].

Важным в аграрном вопросе является проблема переселения крестьян. Однако В. И. Ленин считал ее подчиненной «по отношению к аграрному вопросу в центре страны»[2].

Одной из сторон переселенческого движения является социально-экономическое положение переселенцев на родине. Большинство буржуазных историков вопрос социально-экономического положения переселенцев на родине не разрабатывали. В обширной литературе по крестьянским переселениям встречаются только высказывания о том, кто и почему переселяется. А. А. Исаев утверждал, что в основном переселяется беднота, А. А. Кауфман, А. М. Беркенгейм и другие — среднее крестьянство, И. Л. Ямзин — зажиточные. И только И. А. Гурвич уделил много внимания социально-экономическому положению переселенцев на родине, поставил и обосновал проблему влияния переселений на положение крестьянства как на родине, так и в местах водворения. Его работе «Переселение крестьян в Сибирь» (М., 1888) высокую оценку дал В. И. Ленин[3].

Переселенческому движению большое внимание уделяют советские историки. Но и они социально-экономическое положение переселенцев на родине освещают недостаточно. Например, в фундаментальном труде Л. Ф. Склярова этому вопросу уделено всего 12 страниц, из них социальному составу — только 2[4].

Специальных исследований не только по социально-экономическому положению, но и по крестьянским переселениям вообще в мордовской историографии нет. Местные историки вопрос о переселениях рассматривали в общих работах по истории Мордовии в годы первой русской революции и проведения

столыпинской аграрной реформы. В их работах имеются сведения о численности переселенческого движения, причинах, побудивших крестьян оставить свои родные места, об обратных переселенцах. Социально-экономическое же положение переселенцев из Мордовии авторами не рассматривается.

Социальный состав переселенцев-мордвы в пореформенный период затрагивается только доктором исторических наук В. И. Козловым[5]. На примере хозяйственного положения 36 семей Спасского уезда, образовавших в 1891 году в Мариинском уезде Томской губернии пос. Островский, автор дает анализ социального состава переселенцев и делает неправильный вывод, что основной фигурой переселенца из Мордовии был середняк. Между тем А. А. Кауфман, проводивший в 1894 году обследование хозяйственного положения переселенцев, водворившихся в Томской губернии, указывал, что переселенцы из Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний, значительная часть которых была мордовского происхождения, относились к крестьянской бедноте[6].

Данная статья является первой попыткой систематического освещения экономического положения и социального состава мордовских переселенцев. При написании статьи использованы как архивные материалы, так и опубликованные источники.

Наряду с архивными документами, важнейшим источником для изучения социально-экономического положения переселенцев из Мордовии являются материалы, составленные в результате обследования переселенческих хозяйств, и статистические сведения, полученные при опросе переселенцев при их следовании через Челябинск. Авторы обследований и статистических материалов дают группировку переселенческих хозяйств по размеру земельных наделов и посеву, рабочему скоту и инвентарю, денежным средствам, вырученным от ликвидации имущества, и провозимому багажу. Некоторые сведения о причинах переселений дали обзоры Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний.

Землевладение и землепользование

По данным поземельной статистики 1877 года, общий земельный фонд Мордовии определялся в 2 466 051 десятину, который по категориям землевладельцев распределялся совершенно неравномерно.

Основными земельными собственниками являлись помещики (23,2%), казна (12,9%), удел (2,8%), купцы (1,9%), монастыри (1,3%). В руках крестьянства находилось 53,9% надельных и 1,8% купчих земель.

Крестьянская семья в среднем имела 10,5 дес., причем в пореформенный период обеспеченность крестьян надельной землей уменьшилась. По данным 1905 года, на крестьянский двор

приходилось уже 7,5 дес. земли, а к 1911—1912 годам — 6,1 дес. Сокращение среднего размера земли на двор происходило и по разрядам крестьян. Так, если в 1877 году на двор бывших государственных крестьян приходилось 13,9 дес., бывших удельных — 10,5 дес., бывших помещичьих — 5,9 дес., то в 1905 году у бывших государственных крестьян стало уже 9,5 дес., бывших удельных 7,1 дес., бывших помещичьих — 4,7 дес.

Между крестьянами надельная земля распределялась неодинаково. Крестьянская беднота, составлявшая почти 60% всех дворов, имела лишь 41,2% надельных земель; в среднем на двор приходилось 5,2 дес[7].

В. И. Ленин считал, что «для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес[8]». Давая характеристику крестьянам, имевшим надел до 8 дес. на двор, В. И. Ленин писал, что это были «пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»[9].

Кулачество, составлявшее лишь 2,7% всех дворов, имело 6,6% надельных земель; в среднем кулацкий двор располагал 18,6 дес., т. е. в 3,6 раза больше бедноты.

По вопросу о землевладении переселенцев из Мордовии мы имеем отрывочные сведения, но они позволяют нам дать общую картину их землевладения и землепользования. Особую ценность представляют материалы регистрации переселенцев, проходивших через Симбирск и Батраки.

По данным 1883 года, из 301 семьи переселенцев из Мордовии 15, или 5%, были безнадельными, а остальные 286, или 95%, семей имели надел не более 6 дес. Причем в опросных листах у семей, имевших надел более трех десятин, причиной, заставившей их предпринять переселение, как правило, указывалось плохое качество земли. В 1888 году через Батраки прошло на переселение 38 семей из Краснослободского уезда, из них 23 семьи имели надел от 1,5 до 2,5 дес. и 15 — по 3 дес.[10].

В 1894 году проводилось обследование хозяйств переселенцев в Томской губернии. При этом фиксировалось и землевладение и землепользование на родине. Данные по поселкам Ардашево, Каляево, Кочемасово, Воскресенский, Куликовский, Наумовский, Никулинский, Николаевка и Островский, в которых водворились переселенцы из Мордовии, показывают, что из 324 семей 8, или 2,5%, были безнадельными, 309, или 95,3%, имели надел от 1 до 6 дес., и только 7, или 2,2%, свыше 10 дес[11].

По тому же обследованию все 422 переселенческие семьи из Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний принадлежали «к наименее обеспеченным землей и вообще мало состоятельным группам крестьянства», причем значительная часть тамбовцев была «мордовского происхождения»[12].

В материалах по переселенческому хозяйству Акмолинской и Семипалатинской областей есть данные об экономическом положении на родине 636 семей из Мордовии[13].

Среди переселенцев преобладало общинное землевладение (87,4%). Во владении 636 семей было 1 640,75 дес. земли, в среднем на двор приходилось по 2,5 дес.

Из 636 семей 82, или 12,9%, были безнадельными, семей, имевших надел до 5 дес., было 478, или 75,1%, от 6,01 до 10—65, или 10,2%, от 11,01 до 15—10, или 1,6%, и свыше 15 дес.— одна семья, или 0,2%.

Таким образом, 88% семей относятся к крестьянской бедноте.

Переселенцев из Инсарского и частично Ардатовского уездов в поселках Инсарка, Ночки, Знаменское и Мих. Архангельское была 151 семья, в том числе 15 (10%) надела не имели, 120 (80%) имели надел до 5 дес., 15 (10%) — от 11 до 15 дес. Следовательно, свыше 90% семей на родине относились к бедняцким хозяйствам.

В поселках Городище и Рождественское в основном были выходцы из Саранского уезда. По обеспеченности надельной землей они выглядели так: 47 семей (18,3%) были безнадельными, 198 (76,4%) имели до 5 дес., 10 (4,0%) — от 6 до 10 дес. и 2 (0,8%) — от 11 до 15 дес.

В остальных селениях были переселенцы из разных уездов Пензенской губернии (в т. ч. вошедших в Мордовию), среди которых безнадельные составляли 9%, имевшие надел до 5 десятин—70%, от 6 до 10 дес.— 17,6 и от 11 до 15 дес.— 2,6%. Крестьянская беднота и здесь составляла около 80%. Большой процент бедняцких хозяйств показывают и данные по переселенцам из губерний, часть уездов которых составили Мордовию. Так, по обследованиям 1894—1903 годов, надельной земли не имело вовсе или имели менее 6 дес. на двор: по Пензенской губернии —92,9%, по Симбирской —93,4%, по Тамбовской — 86,8% семей переселенцев[14]. Часть переселенцев Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний в 1895—1896 гг. была опрошена в городах Омске, Петропавловске и Тюмени по особой программе, одной из задач которой было изучение экономического положения переселенцев как причины переселения (см. табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что в Пензенской губ. 84,1%, в Симбирской —84,4%, в Тамбовской —71,4% семей были безнадельными и малонадельными.

Особую ценность представляют данные о распределении обследованных семей по посевной площади (см. табл. 2).

Итак, малосеющие хозяйства составляли подавляющее большинство в составе переселяющихся. Беспосевных хозяйств вместе с сеющими до 5 дес. насчитывалось в Пензенской губ. 95,9%, в Симбирской — 92,6%, Тамбовской — 89,6%.

Особенно плохо переселенцы были обеспечены сенокосами. Например, в Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниях

Таблица 1

Распределение переселенческих семей по размерам надельной земли (обследование 1895—1896 гг.)*

Группы хозяйств	Пензенская		Симбирская		Тамбовская	
	семей	%	семей	%	семей	%
Без надела	140	8,6	27	7,8	28	6,3
С наделом до 1 дес.	231	14,1	39	11,0	26	6,0
от 1 до 2 дес.	363	22,3	68	19,6	52	11,9
от 2 до 3 дес.	205	12,6	64	18,8	58	13,3
от 3 до 4 дес.	128	7,8	42	12,3	36	8,2
от 4 до 5 дес.	165	10,1	23	6,6	51	11,7
от 5 до 6 дес.	140	8,6	29	8,3	61	14,0
Итого до 6 дес.	1 372	84,1	292	84,4	312	71,4
Имели надел от 6 до 10 дес.	205	12,6	36	10,4	62	14,1
Свыше 10 дес.	53	3,3	18	5,2	64	14,5
Итого	1 630	100,0	346	100,0	438	100,0

* Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. I, ч. II, стр. 7—8, 127—128; М., 1899, т. I, ч. II, стр. 7—8, 127—128.

Таблица 2

Распределение переселенцев из Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний по посеву на надельной земле (обследование 1895—1896 гг.) *

Группы хозяйств	Пензенская		Симбирская		Тамбовская	
	семей	%	семей	%	семей	%
Без посева	49	3,3	2	0,8	35	8,0
С посевом до 1 дес.	541	36,4	130	42,5	88	20,0
1—2 дес.	378	25,4	78	25,5	126	28,7
2—3 дес.	261	17,5	35	11,1	74	17,0
3—4 дес.	166	11,1	26	8,5	40	9,2
4—5 дес.	33	2,2	14	4,2	32	7,3
Итого до 5 дес.	1 379	95,9	283	92,6	360	90,2
6—10 дес.	57	3,9	21	7,0	38	8,6
Свыше 10 дес.	2	0,2	1	0,4	5	1,2
Итого	1 630	100,0	346	100,0	438	100,0
Общая площадь посевной площади	2 272,6		513,4		1 103,3	
Средний размер посева на одну переселенческую семью	1,86		1,66		2,62	

* Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. I, ч. II, стр. 8, 128; М., 1899, т. I, ч. II, стр. 8, 128. Разница в количестве 8 семей между семьями с надельной землей и сеющими на ней получилась потому, что они не были обследованы по этому показателю.

из 2414 переселенческих семей не имело сенокосов 1 156, или 48%, а остальные семьи, имевшие сенокосы на надельной земле, накашивали мизерное количество сена, в среднем менее воза на хозяйство. 323 семьи (34,2%) покупали корм, ими было куплено сена в 1894—1895 годах на 4 559 руб., что в среднем на двор составляет по 5 руб.; 114 зажиточных семей (5,1%) продавали корм в среднем по 9 руб. на двор[15].

В своем прошении на имя царя крестьяне д. Лопатиной Спасского уезда от 28 января 1891 года писали, что «... в нашей местности народонаселение многочисленное, а земли пахотной и сенокосной чрезвычайно мало... на душу падает 0,25 десятины, то из 145 домохозяев, бывших на сходе, 131 изъявили желание в числе 225 душ переселиться в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию на казенные земли, так как уполномоченные от нашего общества были посланы туда и удостоверились, что там есть незаселенные казенные земли, в размерах и количестве достаточном для всего нашего общества...» Они просили царя дать им разрешение на переселение и выдать «из казны денежное вспомоществование»[16].

В 1895 году из с. Пушкино Инсарского уезда переселилась партия, состоящая из 34 домохозяев с 200 душами обоего пола. В результате реформы 1861 года они получили дарственный надел в 0,75 дес. на душу[17].

В 1900 году из Краснослободского уезда переселилось в Томскую губернию 17 семей, из них до 8 дес. надельной земли имели 12 дворов и 3 — свыше 15 дес.[18].

После революции 1905 года социальный состав переселенцев становится еще более бедняцким. В 1906 году 101 домохозяин д. Шуваловки, Малой Елховки и с. Большой Елховки Саранского уезда в числе 431 наличной мужской души изъявил желание на переселение в Тобольскую губернию. По выходе из крепостной зависимости они имели меньше 1 дес. на душу, а в 1906 году — всего по нескольку квадратных сажен[19].

В телеграмме на имя царя 350 домохозяев Краснослободского уезда в 1906 году писали: «Малоземелье и неурожай гонит нас в далекую Сибирь... Всемилостивейший государь, не откажите нам в нашей слезной просьбе о переселении на указанный участок в Сибирь»[20].

В примечании описания имущественного положения 16 семей с. Сивини Краснослободского уезда, переселившихся в 1909 году в Томскую губернию, записано, что все семьи «земельного надела не имеют»[21].

Преимущество переселения крестьянской бедноты показывают и данные по Наровчатскому уезду. Группировка переселенческих семей из этого уезда в 1909 году по надельной земле говорит о том, что 80% семей относились к крестьянской бедноте[22].

В 1910 году 486 семей Краснослободского уезда заявило о переселении. По количеству надельной земли они распределялись так: 16 семей имели надел до 1 дес., 105 — от 1,01 до 2 дес., 143 — от 2,01 до 3 дес. и 222 — от 3,01 до 5 дес., т. е. все они так же относились к бедняцким хозяйствам[23].

В 1912 году 25 семей, переселившихся из Темниковского уезда, имели следующее землеобеспечение: 8 семей были безземельными, 8 — имели по 1 дес. на двор, 4 — по 1 дес. 180 кв. сажен, 1—6 дес., 1—7,5 и 1—8 дес.[24], т. е. все относились к малообеспеченным в земельном отношении хозяйствам.

Таблица 3

Распределение семей Краснослободского уезда, переселившихся в 1912 году по надельной земле*

Группы хозяйств	Всех дворов	%
Безземельные	109	24,8
С наделом до 1 дес.	8	2,0
1—3 дес.	71	17,6
3—6 дес.	84	20,9
6—8 дес.	52	12,9
Итого до 8 дес.	315	78,2
8—12 дес.	49	12,1
12—15 дес.	21	5,2
Итого от 8 до 15 дес.	70	17,3
с 15—20 дес.	14	3,5
Свыше 20 дес.	4	1,0
Итого свыше 15 дес.	18	4,5
Всего по уезду	403	100

* ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 121, лл. 214—233.

И здесь мы видим громадное преобладание в числе переселенцев деревенской бедноты. Средние по наделу крестьяне составляли всего лишь 17,3%, а зажиточные —4,5%.

18 дворов в числе 85 душ мужского пола Спасского уезда в 1913 году вынуждены были переселиться, так как имели надельной земли всего лишь по 1,5 дес. на душу[25].

Из 9 семей Темниковского уезда, переселившихся в 1914 году, 1 была безземельной, 3 имели до 2 дес., 4 — по 4,5 дес. и 1 семья —5 дес. на двор[26].

В августе — сентябре 1907 года переселенческие чиновники в Алтайском округе опросили 1 002 переселенческие семьи, из которых 81% было безземельных и малоземельных, более 84% безлошадных и однолошадных[27]. По подсчетам Н. В. Турчанинова, среди переселенцев за Урал в течение 1907—1911 годов только одни безземельные и имевшие на родине от 1 до 3 дес. земли составили 63,1%[28].

53141
Библиотека МИНИЯЛИЭ

А. Домрачев отмечал, что в Тамбовской губернии самое большое количество безземельных и исключительно малоземельных (от 1 до 3 дес.) переселенцев падает на 1906—1909 годы, т. е. на наивысший подъем переселенческого движения[29]. Такое же положение было в Пензенской и Симбирской губерниях.

По данным обследования переселенцев в Томском уезде Алтайского округа, проведенного осенью 1907 года, имущественное положение крестьян из губерний, часть территории которых вошла в состав Мордовии, было следующим: не имело земли 19 семей, или 26,5%, от 1 до 6 дес. имело 42, или 58,3%, от 6,01 до 10 дес.—11 семей, или 15,2%. Таким образом, безнадельные и малонадельные хозяйства составляли 84,8%, крестьяне среднего достатка—15,2%[30].

В 1909 году переселенцы Пензенской, Тамбовской губерний были обследованы в четырех таежных поселках (Ян Бобровский, Буды, Красный Яр, Нечаевский) Томской губернии. Обследователи отмечали, что среди переселенцев преобладали выходцы из лесных губерний и уездов. В Пензенской губернии к таковым относится Краснослободский, а в Тамбовской — Темниковский и Спасский уезды.

В этих поселках, в числе водворившихся в них 146 семей, 12 хозяйств, или 8,2%, на родине не имело ни земли, ни недвижимого имущества, ни скота, т. е. в полном смысле были пролетариями. В среднем на переселенческую семью приходилось по 6 дес. надельной земли. 22 семьи, или 15%, были безнадельными. 114 семей из 124, имевших надельную землю, засевало в среднем по 2,7 дес. Не имевших надела и беспосевных на надельной земле было 32 семьи, или 22%[31].

Характерно отметить, что переселенцы из губерний, часть уездов которых вошла в состав Мордовии, была обеспечена надельной землей хуже, чем в среднем по Европейской России. Если в Европейской России средний размер надела составлял 11,1 дес. на один наличный и 4,6 дес. на переселенческий двор, то в Пензенской губернии—7,5 (на 32,5% меньше) и 3,9 дес. (на 15,2% меньше), в Симбирской—6,8 (на 38,9% меньше) и 3,2 дес. (на 30% меньше), в Тамбовской — 7 (на 37%) и 3,8 дес. (на 17,4% меньше)[32].

В среднем за 9 лет (с 1896 по 1905 год) крестьянский надел у переселенцев Пензенской губернии равнялся 2,9 дес., Симбирской—2,6 дес., Тамбовской—3,3 дес. Это значительно ниже, чем приходилось в среднем на один крестьянский двор в конце XIX— начале XX века в этих же губерниях.

Переселенцы имели надельной земли в 2,6 раза меньше в конце XIX в. и в 2,4 раза — в 1905 году по сравнению с обеспеченностью надельной землей крестьян этих губерний[33].

Интересно отметить, что безземельные составляли (в процентах):

	В общей массе крестьян	Среди переселенцев
В Пензенской губ.	4,2	16,2
В Симбирской губ.	4,8	16,2
В Тамбовской губ.	2,9	7,0
В среднем по 3 губ., т. е. почти в 3 раза выше	3,9[34]	11,1

Надельная земля не обеспечивала крестьян средствами для жизни. Поэтому они прибегали к покупке и аренде частновладельческих и других земель. Но цели покупки и аренды были различными: у бедноты и середняков — из нужды, у зажиточных — для организации предпринимательского хозяйства. Поэтому и распределялись эти земли неравномерно, особенно купчая земля, которая сосредоточивалась в основном в руках зажиточных крестьян. «Покупка земли крестьянами,— писал В. И. Ленин,— выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии»[35]. В пореформенной Мордовии лишь незначительная часть зажиточных крестьян имела купчую землю. По данным поземельной переписи 1877 года, в руках этой группы было уже 42 898 дес. земли. В последующие годы процесс концентрации купчих земель шел еще быстрее. По материалам подворных переписей 1910—1912 годов, у крестьян Мордовии находилось уже 282 489 дес. купчих земель, т. е. в 6,6 раза больше, чем в 1877 году[36].

Купчие земли имели и некоторые переселенческие семьи, но в значительно меньших размерах. Из 644 семей, переселившихся из Мордовии в Акмолинскую и Семипалатинскую области, только 9 семей (1,4%) имели купчую землю, из которых одна имела 18 дес., другая — 35 дес., все остальные — от 1 до 6 дес[37].

Из 146 семей, поселившихся в таежных районах Томской губернии, купчую землю имели две семьи: одна — 20 дес., другая — 8,4 дес. Соответственно они засевали — первая 15 дес., вторая — 3 дес.[38]

На незначительность числа крестьян, имевших купчую землю, показывают и данные о переселенцах из Пензенской и Тамбовской губерний.

Из таблицы 4 видно, что купчую землю по трем губерниям имели всего лишь 58 семей, или 2,4%, обследованных домохозяев. Из них 55 хозяйств имели в среднем по 1 дес. пашни и три по 10 дес.

По посеву на купчей земле семьи распределились так: не сеяло — 9, сеяло от 1 до 3 дес.— 40, по 3 дес.— 2, 6 дес.— 1. 7 семей на купчей земле имели сенокос, накашивая в среднем по 20—25 пудов сена. Основная масса крестьянства посредством покупки земли не могла улучшить своего положения.

Таблица 4

Распределение купчих земель между переселенцами из Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний (обследование 1895—1896 гг.)*

Губернии выхода переселенцев	Число хоз-в с купчей землей	Куплено десятин		Число хоз-в, имев. на купчей земле только усадьбу	Сеяли на купчей		Имевших сенокосов на купчей земле
		всего	пахотной		число хозяйств	десятин	
Пензенская	19	17,0	12,0	8	6	6,4	1
Симбирская	21	52,4	39,4	1	34	40,8	4
Тамбовская	18	57,5	20,0	—	3	12,6	2
	58	126,9	71,4	9	43	59,78	7

* Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. СПб., 1898, т. 1, ч. II, стр. 9, 129. То же, СПб., 1899, т. 1, ч. II, стр. 9, 129.

В более широких размерах крестьянство прибегало к земельной аренде. Крестьянство Мордовии арендовало главным образом пахотные земли, а затем уже сенокосные и выгонные угодья. Так, из 211,885 дес. крестьяне Мордовии арендовали: пашни 180 648 дес., или 85,3%, сенокоса 18 199 дес., или 8,6%, и выгона 13 038 дес., или 6,1%. В конце XIX—начале XX века наблюдался дальнейший рост вненадельной аренды. Так, в Ардатовском уезде вненадельная аренда в 1881 году составляла 28 271 дес. (14,7% к удобной надельной земле), а по данным подворной переписи 1911 года она увеличилась до 31 164 дес. (17,2%). В Спасском уезде в 1882 году крестьяне арендовали 15 497 дес. (9% к надельной), а в 1912 году—19 248 дес. (11,2%)[39].

Около 50% дворов поселенцев прибегало к аренде и на родине. Особенно высокий процент арендующих хозяйств был среди крестьян пп. Инсарка и Ночки Инсарского уезда (соответственно 81,8% и 60%) и п. Городище Саранского уезда (74,2%). Из общего количества переселенческих дворов (636) 44 двора, или 14,3%, имели посевы только на арендованной земле. На один двор приходилось в среднем по 2,7 дес. пашни[40].

Для выяснения причин переселений существенное значение имеют условия арендования земли крестьянами. Анализ сборника «Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь» показывает, что в Пензенской губернии преобладала аренда из части урожая—67% («испольщина»), а в Тамбовской и Симбирской губерниях — денежная (соответственно 65,3% и 50,6%)[41].

К натуральной аренде прибегало в Пензенской губернии 941 хозяйство, в Тамбовской—127 и в Симбирской—123 хозяйства. Испольщина преобладала над арендой за обработки в Пензенской и Симбирской губерниях (соответственно 91,5% и

66,7%), в Тамбовской губернии преобладала аренда за отработки (62%). Доля, снимаемая из части у крестьян Пензенской губернии, составляла 1,74 дес., Симбирской — 2,14 дес., Тамбовской — 0,5 дес.[42]

В среднем за 3 дес. арендованной земли крестьяне Пензенской губернии отрабатывали 2,64 дес., в Симбирской — за 2,7 дес. по 3,3 дес., в Тамбовской — за 1,5 дес. по 1,58 дес.

Своим тяглом, инвентарем и рабочей силой крестьяне Пензенской губернии фактически должны были обрабатывать 5,64 дес., в Симбирской — 6,0 дес., Тамбовской — более 3 дес. «Для громадного большинства крестьян,— писал В. И. Ленин,— аренда есть кабала[43].

При денежной форме аренды преобладающей была аренда на один посев или укос (краткосрочная аренда). Этот вид аренды являлся наименее рациональным, исключая какие-либо земельные улучшения, приводил к истощению почв, облегчал землевладельцам постоянное повышение арендной платы, был источником кабалы для крестьян.

Неизмеримо реже встречается долгосрочная аренда. Наблюдается превышение процента арендуемой долгосрочно земли над процентом долгосрочно арендующих хозяйств. Так, в Пензенской губернии доля долгосрочных арендаторов составляла 17%, а доля арендуемой ими земли 31% всей арендованной за деньги площади. Это с очевидностью указывает на то, что долгосрочная аренда концентрировалась в руках зажиточного слоя крестьян. В среднем на одно хозяйство в Пензенской губернии приходилось по 5,2 дес., в Симбирской и Тамбовской — по 3,5 дес. на одно долгосрочно арендующее хозяйство, тогда как при ежегодной аренде на арендующий двор приходилось соответственно в Пензенской губернии 2,4 дес., Симбирской — 2,1 дес., Тамбовской — 2,6 дес. пахотных и сенокосных угодий. Причем недостаток в сенокосах особенно остро ощущался в Тамбовской губернии, где из 223 семей ежегодно арендовали сенокосы 107 семей в среднем по 1,6 дес. на семью. За вычетом сенокосных угодий доля арендованной пашни у этих 107 семей составляла всего лишь по 1 дес. Среди переселенцев из Пензенской губернии снимали сенокосы 26 семей по 0,9 дес. на двор, в Симбирской — 19 по 1 дес., т. е. эти семьи арендовали пашни соответственно в первой — по 1,5 дес. и во второй — по 1,1 дес. Размеры краткосрочной денежной аренды земельных угодий свидетельствуют о том, что это были крестьяне, которые арендовали из нужды. Аренда здесь играла главным образом продовольственную роль. В. И. Ленин писал, что «...если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отработочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендующих дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды»[44].

Если крестьяне снимали за деньги небольшие клочки земли из нужды, то тем более это должно отнести к хозяйствам, прибегавшим к натуральным арендам. В. И. Ленин писал: «... натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги»[45].

Значительная часть крестьян Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний арендовала частновладельческие земли исполу или за отработки. Для отработочной системы,— писал В. И. Ленин,— «необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков»[46]. И далее: «Есть деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков»[47].

Задавленная полукрепостнической кабалой значительная часть крестьянской бедноты была не в состоянии вести хозяйство на своем наделе и сдавала его в аренду.

По данным поземельной переписи 1882 года, в Спасском уезде из 15 446 крестьянских дворов 908, или 5,9%, прибегало к сдаче своих надельных земель, в Темниковском из 17 669 дворов — 879, или 5%.

В 1890 году из 29 891 хозяйства Лукояновского уезда сдавало надельные земли 7 920, или 26,5%, из них сдавали свои наделы полностью 3 980, или 50,2%.

По материалам подворной переписи 1911 года, в Ардатовском уезде прибегало к сдаче в аренду своих надельных земель 3 387 крестьянских дворов, или 19,5%, общего числа дворов по уезду.

Сдача надельных земель крестьянами в аренду к началу XX века заметно увеличилась. Так, если в 1882 году в Спасском уезде сдавало в аренду надельные земли 908 дворов (5,9%), то в 1912 году их уже стало 2 441, или 11%; в Темниковском уезде соответственно 879 (5%) и 1 349, или 6,3%, крестьянских дворов[48]. В. И. Ленин отмечал, что «сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные»[49].

Наибольшее число крестьян, сдававших свои надельные земли в аренду, было в Тамбовской губернии (10,3%), несколько меньше их было в Симбирской (0,9%) и Пензенской (3,3%). В среднем каждое из 102 семей сдавало в аренду по 2,0 дес. надельной земли. Причем 23 семьи в Пензенской губернии и 9 в Тамбовской[50] сдавали всю надельную землю «из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь дозарезу в деньгах»[51].

Основную массу арендаторов частновладельческой и надельной земли составляла сельская буржуазия и крестьяне среднего достатка.

По пяти переселенческим семьям в 1900—1901 годы было произведено бюджетное обследование, которое также содержит данные о землевладении и землепользовании (см. табл. 5).

Таблица 5

Обеспеченность землей переселенческих семей по бюджетному обследованию 1900—1901 гг.[52]

Из какого уезда семья	Разряд крестьян	Душ обоего пола в семье	Имели земли в десят.		
			надельная и купчая пашня	арендованная пашня	Итого пашни
Ардатовского	бывш. госуд.	6	3	2	5
Инсарского	бывш. помещ.	5	4,0	2	6
—»—	дарствен.	9	0,5	4	4,5
Краснослободского	дарствен.	5	1,5	—	1,5
Лукояновского	бывш. госуд.	5	3,0	—	3

Из данной таблицы видно, что на родине все пять семей относились к бедноте. В таежных поселках Томской губернии 30 семей, или 20,6%, не имели посева, а остальные засевали в среднем по 3,1 дес[53]. Таким образом, материалы по землевладению и землепользованию 60—90-х годов XIX и начала XX века свидетельствуют, что основной социальной фигурой переселенцев из Мордовии являлась крестьянская беднота.

Распределение скота между крестьянами-переселенцами

Обеспеченность крестьянского двора скотом, и в первую очередь рабочим, является одним из признаков его состоятельности. По подсчетам И. И. Фирстова, с 1882 по 1912 год число крестьянских дворов в Мордовии увеличилось на 33,8%, а количество лошадей всех возрастов сократилось на 8,1%, рабочих — на 19,8%. Крестьянский двор стал иметь лошадей всех возрастов меньше на 31,5%, а рабочих — на 40,2%[54]. Уменьшение количества лошадей на двор объясняется тем, что рост поголовья лошадей значительно отставал от роста крестьянских дворов. Среди крестьянских дворов наблюдается быстрое увеличение числа безлошадных, что свидетельствует о дальнейшем обнищании мордовской деревни, разорении бедняцко-середняцких слоев

крестьянства. Так, если в 1888—1891 годах безлошадные дворы составляли 28,9%, то в 1912 году уже — 32,8%. Соответственно увеличилось число и однолошадных дворов, с 36% до 38,2%.

Безлошадного крестьянина В. И. Ленин называл сельским пролетарием, который жил не землей, а продажей своей рабочей силы. Это — безземельный или исключительно малоземельный крестьянин. Однолошадные крестьяне немногим дальше ушли от безлошадных. Это тоже масса бедноты и нищеты. Хозяйство однолошадного всегда было в упадке, скот был плохим, корму всегда было мало, земли у него было совершенно недостаточно, и ту обрабатывал кое-как, а многие даже и ее сдавали в аренду. Однолошадный был наполовину хозяином, наполовину наймитом. В. И. Ленин называл его полупролетарием[55]. Хозяйства с тремя и более лошадьми В. И. Ленин относил к зажиточным. В 1888—1891 годах в Мордовии таких хозяйств было всего 22 481, или 15,2%, но в их руках находилось 42,7% общего числа лошадей. Если отнести к сельской буржуазии все хозяйства с 4 и более лошадьми и 3/4 — трехлошадных, то общее число кулацких дворов в Мордовии составит 19 252, или 13% общего числа дворов. С 1888—1891 по 1905 год число безлошадных и однолошадных хозяйств в Мордовии увеличилось с 96 197 до 133 494 (на 38,8%), число же многолошадных, наоборот, сократилось с 22 481 до 20 343 (на 10,5%). При обеднении лошадьми крестьянства Мордовии в целом, что свидетельствует об общем упадке крестьянского хозяйства, следует иметь в виду, что уменьшение численности рабочего скота у сельской буржуазии не означало сокращения тягловой силы в этих хозяйствах, ибо кулаки, сокращая численность рабочего скота, улучшали его качество.

Неравномерно между крестьянами распределялся и крупный рогатый скот. Бескоровные и однокоровные хозяйства в Мордовии составляли 86,5%. Так же как и по лошадям в Мордовии наблюдался рост количества бескоровных и однокоровных крестьянских дворов. Например, если в Спасском уезде в 1882 году бескоровные составляли 8%, в Темниковском — 10,9%, то в 1912 году этот процент соответственно увеличился в первом до 20%, во втором — до 18,9%[56].

Крестьяне-переселенцы из Мордовии лошадьми и крупным рогатым скотом были обеспечены еще хуже (см. табл. 6)[57].

Данные таблицы 6 явствуют, что 11,2% семей переселенцев было безлошадных и 63,2% — однолошадных, т. е. 74,4% семей относились к крестьянской бедноте, а в Наровчатском, Карсунском и Темниковском уездах их удельный вес составлял от 92 до 100%. Следовательно, основная масса переселенцев относилась к категории бедняков. Об этом говорят и нижеприведенные факты.

В 1882—1885 годах через Симбирск проследовало из уездов Мордовии 1 187 семейств на 1 530 подводах. Из них однолошадных было 844, или 71,1%, и 343, или 28,9%, двухлошадных[58].

Таблица 6

Распределение лошадей между крестьянами-переселенцами из Мордовии в 1883 году

Уезды	Всего семей	Безлошадных	%	Семей, имевших			
				1 лошадь	%	2 и более	%
Инсарский	21	—	—	14	66,7	7	33,2
Карсунский	7	4	57,1	3	42,9	—	—
Краснослободский	107	9	8,0	58	55,0	40	37,0
Наровчатский	24	4	17,0	18	75,0	2	8,0
Саранский	74	1	1,3	45	61,0	28	37,7
Темниковский	68	16	23,6	52	76,4	—	—
Всего	301	34	11,2	190	63,2	77	25,6

А. Кауфман в 1894 году провел обследование хозяйственного положения переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. По его сведениям, из Мордовии в Томскую губернию переселилось 104 семьи, из них безлошадные и однолошадные составляли 79,4% (81 семья). А в таких поселках, как Островский, Воскресенский и Наумовский, крестьянская беднота среди переселенцев составляла 80,6%, 83,3 и 90%[59].

Материалы обследования переселенцев Степных областей 1900—1901 годов также свидетельствуют о том, что основную массу переселенцев из Мордовии составляли бедняки.

Из 642 переселенческих хозяйств 62 семьи, или 11,1%, не имели никакого скота. Безлошадные и однолошадные составляли 72,5%, двухлошадные —19,3%, трех- и более лошадные —8,2%. В среднем на переселенческую семью приходилось по 1,11 коровы и 1,18 лошади[60].

Подобная картина наблюдается и среди переселенцев в более позднее время.

В 1910 году из Краснослободского уезда переселилось 403 двора, из них безлошадных было 140, однолошадных — 189 дворов[61]. Бескоровных дворов было 115, или 28,6%, однокоровных —212, или 52,6%, 49, или 12,8, с двумя коровами и 27, или 6,7%, с тремя и более коровами. 37 домохозяев, бывших помещичьих крестьян, в числе 37 ревизских и 110 наличных душ д. Николаевки, т. е. все общество, получили в надел 110 дес. 2 280 кв. сажен, из которых за неплатеж оброка в пользу помещика Енгалычева в 1878 году у них было отрезано 30 дес. пашни и 25 дес. лугов. У всех домохозяев имелась 41 лошадь, 39 голов крупного рогатого скота и 104 мелкого. Земля была очень плохого качества, поэтому крестьяне вынуждены были прибегать к заработкам: часть из них плотничала, а часть работала на фаянсовой фабрике Енгалычева. В своем ходатайстве о переселении крестьяне отказались от надела. Губернское присутствие

и Министерство внутренних дел признало возможным переселение крестьян на казенные земли с пособием от правительства[62].

Следует отметить, что в губерниях, из которых была выделена Мордовия, также основную массу переселенцев составляли бедняки. Так, в Пензенской губернии на переселенческую семью приходилось 0,9 лошади и 0,7 коровы, в Симбирской соответственно 0,8 и 0,66 и в Тамбовской — 1,1 и 0,8. Не имело никакого скота в Пензенской губернии 14,8%, Симбирской — 18,5%, Тамбовской — 15,5% семей. Безлошадных семей в Пензенской губернии было 25,6%, Симбирской — 28,4%, Тамбовской — 26,3%. С одной лошадью соответственно 57,3%, 57,5% и 49,3%. Среди переселенцев беднота составляла: в Пензенской губернии 82,9%, в Симбирской 85,9% и в Тамбовской 75,6%[63].

По сравнению с обеспеченностью лошадьми процент бескоровных и однокоровных был еще выше: в Пензенской — 93,9%, Симбирской — 93,8%, в Тамбовской — 87,8%. Среди переселенцев Пензенской, Тамбовской губерний, водворившихся в Томском уезде Алтайского округа, 86% семей были безлошадными и однолошадными и 97,2% —бескоровными и однокоровными[64].

Таким образом, материалы по обеспеченности рабочим и продуктивным скотом также свидетельствуют о преобладании среди переселенцев крестьянской бедноты.

Промысловые занятия

Наряду с земледелием на надельной, купчей и арендной земле крестьянство пореформенной Мордовии занималось различными промыслами. По данным земских подворных переписей 1880—1913 годов, промыслами занимались 54,2% крестьянских хозяйств[65].

Особенно высокий процент хозяйств, занимавшихся промыслами, был в Темниковском (74,2%), Ардатовском (62,2%) и Спасском (59,2%) уездах. Промысловая деятельность крестьян в пореформенном периоде возрастала. Рост числа промысловых хозяйств является показателем дальнейшего разложения крестьянства. Промыслами занимались все социальные группы крестьянства. Крестьянская беднота не могла существовать за счет своего хозяйства и занималась промыслами, в которых преобладала продажа их рабочей силы. Сельская буржуазия, наоборот, заводила промышленные и торговые предприятия.

Абсолютное большинство хозяйств, прибегавших к промыслам, было сосредоточено в группе крестьянской бедноты. В Ардатовском уезде они составляли 75%, в Алатырском—81,8% и Карсунском — 79%. Группа сельской буржуазии в числе промысловых хозяйств составляла: в Ардатовском — 8,9%, Алатырском — 8,8% и Карсунском — 7,3%. Промысловая деятельность среди переселенцев была развита еще сильнее[66].

По данным А. Кауфмана, в четыре поселка (Валериановский, Куликовский, Никулинский и Островский) Томской губернии из Мордовии переселились 86 хозяйств, из них 81 занималось промыслами[67]. Следует отметить, что только в поселке Куликовском 25% хозяйств не имели сторонних заработков, а в остальных все семьи прибегали к промысловой деятельности для поддержания своего хозяйства.

Высокая занятость переселенцев промыслами была и в последующие годы.

Материалы обследования 1900—1901 годов показывают, что из 636 хозяйств, переселившихся в Степные области, промыслами занимались 468 (73,7%). Особенно значительный процент промысловых хозяйств был среди переселенцев Инсарского и Ардатовского уездов (пп. Инсарка, Знаменское, Мих. Архангельское, Ночки), несколько меньше — в Саранском уезде (п. Городище, Рождественское).

Доля промысловых хозяйств в таежных поселках Томской губернии к общему числу переселенческих семей из Пензенской, Тамбовской губерний по подворному обследованию 1909 года составляла: по пос. Нечаевскому — 38,8%, Буды — 55,5%, Ян-Бобровскому — 66,6%[68].

Беднейшие крестьянские хозяйства кроме основных работников к занятиям промыслами привлекали женщин и подростков. Особенно широко использовался труд женщин и подростков на поденщине, сроковых и сдельно-земледельческих работах, причем подростки, как правило, отчуждались на время большее, чем женщины.

По группам занятий 5 358 переселенцев Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний в 1895—1896 годах распределились так: 3 354 человека, или 62,5%, были заняты на отхожих, сроковых работах и поденщине; 916, или 17,2%,— на сдельно-земледельческих работах и 1 088 человек, или 20,3%,— в местных промыслах. 68 домохозяев, или 3,2%, имели промышленные предприятия. Это — сельская буржуазия, а около 80% семей, работавших по найму,— сельский пролетариат.

Значительная доля наличного населения переселенцев занималась промыслами. Как показывают данные, среди переселенческих семей из Мордовии промыслами было занято в среднем 18,2%, а в таких поселках с переселенцами из Инсарского уезда, как Инсарка,— 27%, Мих. Архангельское — 27%, Знаменское — 45%; Саранского уезда — п. Городище 20,6%— еще выше[69].

Среди переселенческих семей в поселках Акмолинской и Семипалатинской областей на родине 129 семей (из 556) занимались извозом, торговлей и ремеслами, остальные 427 семей, или 76,8%, нанимались на сельскохозяйственные и земельные работы. Отсюда можно предположить, что эти семьи были бедняцкими[70].

Земледельческий наем и сдельно-земляные работы были основным занятием у переселенцев Инсарского (п. Инсарка — 90,9%, Ночки — 87,6%, Знаменское — 100%, Мих. Архангельское — 68,7%) и Саранского (п. Городище — 82,8%, Рождественское — 97,0%) уездов. Переселенческие семьи из Пензенской, Тамбовской губерний, водворившиеся в таежных поселках Томской губернии, в 1909 году, за исключением одной семьи, занимались батрачеством, отхожими заработками, сплавом леса и т. п.[71]

Итак, среди переселенцев Мордовии промысловая деятельность была развита в широких размерах. Основную массу среди крестьянских «промышленников» составляли наемные рабочие. Все это свидетельствует о том, что среди переселенцев преобладала крестьянская беднота.

Прочие виды имущественного положения переселенцев

Данные об имущественном положении — обеспечение переселенцев постройками, сельскохозяйственным инвентарем, своим хлебом, количество вырученных от распродажи имущества денежных средств, провозимого по железной дороге багажа — также говорят о преобладании бедноты среди переселенцев.

По материалам обследования, проведенного в 1895—1896 годах, около 84% семей составляли либо бездомовые, либо оценившие свои постройки менее чем по 100 рублей[72].

Обеспеченность большей части семей земледельческими орудиями была крайне недостаточна. Так, из 1 630 семей Пензенской губ. 271, или 16,7%, не имели сох и плугов, в Симбирской — из 336—55, или 16,4%, в Тамбовской — из 437—71, или 16,2%. Таким образом, у 1/6 части переселенцев на родине не было земледельческих орудий, а у остальных — в основном деревянные сохи[73].

По данным подворного обследования Степных областей в 1900—1901 годах, из 639 семей не имело своего жилья 22 хозяйства, или 3,4%, а 129, или 20%, были без сельскохозяйственного инвентаря[74].

На вопрос, какие социальные группы крестьян переселились из Мордовского края, помогают дать ответ и данные об обеспеченности переселенцев на родине своим хлебом.

Из материалов обследования (1895—1896 годов) видно, что своим хлебом на весь год было обеспечено 768 семей, или 32%, а 68% или его не имели, или имели не на весь год. Поэтому значительная часть крестьян вынуждена была хлеб покупать. К покупке хлеба прибегали 57,5% семей; в среднем каждое хозяйство покупало на 18 руб. 25 коп. Цена пуда ржи в пятилетие 1896—1900 годов в губерниях выхода переселенцев колебалась от 44 до 46 копеек. Следовательно, каждая семья покупала 35—40 пудов ржи[75].

Продавало хлеб 15,5% семей. Ими было продано его на сумму 6 332 руб., что в среднем составляет по 18 руб. 25 коп. на двор. Это значит, что каждая семья продавала по 35—40 пудов хлеба[76].

Таким образом, 3/4 переселенческих семей прибегало к купле-продаже хлеба. Большинство семей, поселившихся в Степных областях, также нуждались в покупном хлебе.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что 11,1% дворов своего хлеба не имело совсем, 46,5% были обеспечены не на весь год. Особенно плохо были обеспечены своим хлебом переселенцы из Инсарского и Саранского уездов. Так, в п. Знаменское — 100%, Ночки —71,4%, Успенское —70%, Городище —64%, Мих. Архангельское — 62,3% семей не были обеспечены своим хлебом до нового урожая[77].

Обобщающим показателем состоятельности являются данные о денежных средствах, вырученных переселенцами от ликвидации ими своего имущества. До реформы Столыпина основное богатство крестьян — земля не могла продаваться. Она сдавалась в аренду или передавалась обществу. Поэтому денежные средства переселенцев складывались в основном от продажи построек, скота, инвентаря и домашнего скарба.

В опросных листах переселенческая контора в Батраках давала заключение о денежных средствах переселенцев.

Данные конторы свидетельствуют, что из 301 переселенческой семьи из Мордовии только две имели денежные средства по 100 руб., 175 — самые незначительные, а 124 — не имели их совсем[78].

Из 38 семей Краснослободского уезда, проследовавших через Батраки в 1888 году, 15 — не имели, а 23 — располагали самыми незначительными денежными средствами[79].

Тамбовское губернское по крестьянским делам присутствие относительно 141 семьи разных сел Спасского уезда в 1890 году записало:

1. «Экономическое положение переселенцев-крестьян д. Лопатиной плохое. Некоторые не имеют вовсе средств, а у других денежные имущественные средства составляют от 100 до 300 руб. И только 11 человек денег имели более 300 рублей.

2. Крестьяне д. Салазгорь денежными средствами вовсе не располагают, а имущественное положение только у двух крестьян простирается до 300 рублей.

3. У 47 крестьян Мордовских Памбур экономическое положение тоже неудовлетворительное, так как только одно хозяйство располагает имуществом до 335 рублей.

4. Имущественное положение 22 крестьян д. Гальчевки менее как удовлетворительное, т. к. только 6 человек имеет имущество более 300 руб. Поэтому губернское присутствие признало возможным удовлетворить по своему экономическому положению ходатайство только 20 домохозяев»[80].

По подворному обследованию 1894 года в четырех поселках Томской губернии переселенцы из Мордовии располагали следующими денежными средствами: 56 семей, или 74,7%, имели денежных средств менее 100 рублей, 17 (22,7%) — от 101 до 200 рублей и 2 (2,6%) — более 200 рублей[81].

Недостаточно средств было и у переселенцев, осевших в Степных областях. Из 592 семей 160 от продажи имущества выручили в среднем до 100 рублей, или 27,0%, 237 — от 101 до 175 руб. (40,1%), 187 — от 176 до 210 руб. (31,6%), 8 семей (1,3%) — от 250 руб. и выше[82]. Особенно мало средств выручили от ликвидации имущества переселенцы Инсарского и Саранского уездов (пп. Городище, Инсарка, Ночки, Успенское, Владимирское, Знаменское, Мих. Архангельское). Следует отметить, что среди переселенцев были семьи с очень значительными средствами. Так, в п. Ночки, где водворились инсарцы, одна семья выручила 4 750 руб., в Таубенском — 1 500 руб. и т. д.

В 1901 году из Саранского уезда переселились 285 человек. Все они имели не более 200 руб[83].

В материалах бюджетного обследования 1900—1901 годов указывалось, что в среднем на переселенческую семью от ликвидации имущества было выручено по 143 руб[84].

По данным обследования таежных поселков Томской губернии, у переселенцев губерний, из которых составилась Мордовия, в момент выхода с родины в результате ликвидации имущества и накопления сбережений в среднем на переселенческую семью приходилось по 177 руб[85].

В 1909 году у 16 переселенческих семей села Сивини Краснослободского уезда имущество было оценено (надельной земли не имели): до 50 руб. у двух семей, или 12,5%, от 51 до 100 руб. у трех, или 18,75%, от 101 до 150 руб. у семи, или 43,7%, от 151 до 200 руб. у одной, или 6,25%, от 201 до 250 руб. у трех, или 18,75%[86].

В 1909 году 15 семей с. Мамалаева Краснослободского уезда подали ходатайство о выдаче им удостоверений на право бесплатного проезда до места заселения. Земли эти семьи имели от 2,5 до 12,5 дес. Краснослободская уездная землеустроительная комиссия постановила: так как «земля плохого качества (песок) и вырученных от продажи имущества денег просителям не хватит на расходы по переселению на новые места и устройству хозяйства, предоставить им удостоверения на бесплатный проезд»[87].

О том, что из Мордовии в основном переселялась крестьянская беднота с недостаточными денежными средствами, подтверждают и данные по Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниям. По трем губерниям от полной ликвидации имущества 2 004 семьи выручили 223 522 руб., что в среднем на одно хозяйство составляет по 111,5 руб.

Семей, выручивших от 201 руб. и более, было всего 187

(9,1%), но на их долю приходится 57 803 руб., или 26% всех вырученных средств. Кроме того, им причиталось долгу 4 719 руб. Следовательно, всего денег у них было 62523 руб., что составляет в среднем на одно хозяйство около 335 руб. Семей, выручивших от ликвидации имущества от 50 до 200 руб., было 1 817 (90,9%), ими выручено и находилось в долгу 170 690 руб., что в среднем на хозяйство приходилось около 94 руб. В действительности они располагали значительно меньшими средствами, так как за ними числились недоимки после оставления надела в ее уплату 17 606 руб. и имели долгов на 25 316 руб. Таким образом, за вычетом 42 923 руб. фактически чистых денег у этой группы переселенцев оставалось 12 766 руб., что в среднем на семью составляет 70 руб. Кроме того, эти семьи израсходовали на предварительные сборы по переселению 10 822 руб.— в среднем на семью составляет около 5 руб. Тогда фактически перед переселением на семью приходилось по 65 руб. и группы семей, выручившей 300 и более рублей по 330 руб.[88]

58 семей Пензенской, Тамбовской губерний, водворившихся в Томском уезде Алтайского округа, в 1907 году по наличию денежных средств распределились так: до 50 руб. имели 15 семей, или 25,9%, от 51 до 100 руб.—12, или 20,7%, от 101 до 200 руб.—15, или 25,8%, от 201 до 300 руб.—11, или 19,0%, от 300 и выше —5, или 8,6%[89].

В ходе подворного обследования 1911 года 518 семей Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний сообщили, что ими было выручено от ликвидации имущества 80 617 руб., что в среднем составляет по 155,6 руб. на один переселенческий двор[90].

Приведенные материалы показывают, что абсолютное большинство переселенцев из Мордовии от ликвидации имущества имели совершенно незначительные денежные средства. Это подтверждает правильность утверждения А. Исаева о том, что «переселенцы оставляют родину с самыми незначительными средствами» и что может быть «только 10% всей передвигающейся массы обладают достаточными деньгами для устроения нового хозяйства, а тысячи не могут на свои средства достигнуть места водворения»[91].

Знаток переселенческого дела А. А. Кауфман, проводивший обследование переселенцев в Томской губернии, отмечал, что с наименьшими средствами пускались в путь такие бедняки, как пензенцы и симбирцы[92].

В 80—90-е годы XIX века губернские власти и министерства (внутренних дел, государственных имуществ) давали разрешение на переселение в том случае, если имущественное положение крестьян оценивалось не менее чем в 300 руб.

Крестьянская беднота, чтобы получить разрешение, шла на различные ухищрения, чтобы показать свое хозяйство в больших размерах, чем это было в действительности. Ярким свидетельством этого является корреспонденция бывшего писаря

Пушкинской волости Инсарского уезда. Фактическое имущественное положение 34 семей этого села оценивалось в 15—20 руб., но, несмотря на это, все они получили разрешение переселиться в Сибирь.

«... Бедняки,— писал И. Беляков,— делали так, если у него изба стоит 10 руб., то он ценит ее в 50 руб.; если свинья стоит 2 рубля, он просит сельского писаря записать ее подороже... рублей в 15, а если одна овца — он просит записать десяток, чтобы итог вышел побольше и губернское присутствие видело его такое широкое хозяйство и разрешило бы поскорее ехать в Сибирь»[93]. Разумеется, сельский писарь делал это не без вознаграждения.

Некоторые сведения о хозяйственном положении дают материалы о количестве багажа, провезенного переселенцами по железной дороге. Всех переселенцев с провозимым багажом до 15 пудов мы относим к крестьянской бедноте, с 15 до 30— к среднему крестьянству и с 30 и более — к зажиточным.

Придерживаясь нашей группировки, заключаем, что 79,8% переселенцев Пензенской, 93,4%— Симбирской, 84,1%— Тамбовской губерний относились к крестьянской бедноте. К среднему крестьянству — соответственно 14,7%, 5,5% и 9,3%. К зажиточному —3,5%, 1,1%, 6,6%.

В среднем каждая бедняцкая семья провозила: в Пензенской губернии около 5 пудов, в Симбирской — около 3, в Тамбовской —3,2. Значительная часть переселенческих семей имела только ручной багаж: в Пензенской губ.—31,5%, в Симбирской —50,5%, Тамбовской —38,4%; середняцкая семья соответственно: 20,1 пуда, 23,5 и 20,2; зажиточная семья перевезла по 40,6 пуда в Пензенской губернии, 47,4 — в Симбирской, 46,3 — в Тамбовской[94].

С течением времени беднота занимала все большую долю в составе переселенцев. Так, в Пензенской губернии доля безбагажных и с багажом до 10 пудов с 83,5% в 1903 году увеличилась до 88,8% в 1906 году, в Симбирской соответственно с 91,0% до 92,0%, в Тамбовской — с 76,2% до 82,7%. Наблюдается значительный рост безбагажных переселенческих семей. Так, если в 1894—1898, 1901 годах безбагажные семьи составляли в Пензенской губернии 31,5%, в Симбирской —50,5%, Тамбовской — 38,4%, то в 1906 году соответственно: 63,9%, 73,2%, 54,6%.

Характерно отметить, что абсолютное большинство переселенческих семей являлись недоимочными. По данным обследования в 1895—1896 годах по Пензенской губернии они составляли 86,8%, Симбирской —80%, Тамбовской —46,2%[95].

Пореформенная Мордовия являлась одним из самых отсталых районов Европейской России. Основным занятием и главным источником существования мордовского народа было земледелие. Однако около 60% крестьян Мордовии являлись безземельными и малонадельными. Это явилось одной из глав-

ных причин крестьянских переселений. Следующими немаловажными причинами были: кабальные условия аренды, высокие арендные и покупные цены на землю, разорение крестьянства, полное расстройство его хозяйства, аграрное перенаселение.

Рост переселенческого движения крестьян Мордовии происходил также в связи с неурожаями и голодовками, которые были частыми явлениями края.

Известную роль в росте крестьянских переселений оказали занятия вне своего хозяйства, т. к. участие сельского населения в промыслах неизбежно возрастает вместе с ростом разорения деревни и увеличением численности бедняцких слоев крестьянства, а также быстрое увеличение налогового бремени и правительственная пропаганда в связи с проведением столыпинской реформы.

Крестьянство пыталось ослабить остроту малоземелья и кабальный буржуазно-помещичий гнет путем переселения на окраины России. Это и определило размеры переселенческого движения из Мордовии. Переселялись крестьяне всех социальных групп, но основную массу составляла крестьянская беднота.

Царизм и помещики, напуганные революцией 1905 года, с целью ослабить остроту аграрного кризиса стремились отправить на окраины наиболее опасную в революционном отношении бедняцкую часть крестьянства.

«Известно,— писал В. И. Ленин,— что после 1905 года правительство, в связи со своей «новой» аграрной политикой в Европейской России, приложило особые усилия к развитию крестьянских переселений в Сибирь. Помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России»[96].

Таким образом, и в 60—90-х годах XIX века, и в начале XX века основной фигурой переселенческого движения из Мордовии было беднейшее крестьянство.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 403.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 70.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 175, 629.

[4] Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, стр. 112—124.

[5] В. И. Козлов. Миграции мордвы в капиталистической России. Записки МНИИЯЛИЭ, № 19. Саранск, 1958, стр. 173—200; Его же. Расселение мордвы (исторический очерк). Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. М., 1960, стр. 31—43.

[6] А. А. Кауфман. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915, стр. 267, 268.

[7] Подробнее о распределении земельного фонда смотри: И. Фирстов. К вопросу о земельной аренде в пореформенной Мордовии. Ученые записки Мордовского государственного университета, № 51. Вып. 11, серия историческая. Саранск, 1966.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 64.

[9] Там же, стр. 64.

[10] ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 8, лл. 4—543. В подсчет вошли Инсарский, Карсунский, Краснослободский, Наровчатский, Саранский и Темниковский уезды.

[11] А. А. Кауфман. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895, т. I, ч. 1, стр. 7—8, 98—101, 196—198, 214—215, 250—255; т. 1, ч. II, стр. 75—76. СПб., 1896, т. 1, ч. III, стр. 2—6.

[12] А. А. Кауфман. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915, стр. 268, 267.

[13] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайских областях, собранные и разработанные экспедицией по обследованию Степных областей. СПб., 1907, т. IV, таблица 4, стр. 38—44; т. V, таблица IV, стр. 34—35; т. VII, таблица IV, стр. 20—21.

[14] 1894 год. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1899, стр. 2—3; 1895 год. То же, М., 1898, т. 1, ч. 1, стр. 2, 8; 1896 год. То же, М., 1899, т. 1, ч. 1, стр. 2, 8; 1898 год. То же, М., 1904, стр. 25, 31; 1901 год. Сборник цифровых материалов для изучения переселений в Сибирь. Челябинск, 1905, вып. 1, стр. 5, 11; 1903 год. То же. Челябинск, 1907, ч. 1, стр. 5, 11.

[15] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 8—9, 128—129; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 8—9, 128—129. Разница в количестве семей переселенцев по надельному сенокосу получилась в том, что 73 переселенческие семьи по этому вопросу не были обследованы.

[16] ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 30, лл. 309, 311.

[17] И. Беляков. Переселенец в Сибири.—«Русское богатство», 1899, № 3, стр. 2.

[18] ГАПО, ф. 53, оп. 1, св. 7, д. 171, лл. 19, 33—34, 36—37.

[19] ЦГИА, ф. 391, оп. 3, д. 537, лл. 1—2, 13—16.

[20] Там же, д. 188, лл. 13, 18.

[21] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 94, лл. 4—10.

[22] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 67, лл. 136—138.

[23] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 119, лл. 6—9.

[24] ГАТО, ф. 26, оп. 4, св. 51, д. 1233; лл. 116, 118—119, 121—124.

[25] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 103, лл. 1—11.

[26] ГАТО, ф. 26, оп. 4, св. 89, д. 2098, лл. 108, 110—111, 134—142.

[27] Н. Синельников. Опыт исследования имущественного положения водворящихся переселенцев.—«Вопросы колонизации», 1907, № 3, стр. 190—193.

[28] Н. В. Турчанинов. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине.—«Вопросы колонизации», 1912, № 12, стр. 263.

[29] А. Домрачев. Переселенческое движение из Тамбовской губернии.—«Известия», № 40, 1910, стр. 11.

[30] Н. Синельников. Опыт исследования имущественного положения водворящихся переселенцев.—«Вопросы колонизации» 1907, № 3, стр. 192.

[31] Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 100.

[32] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 318, лл. 120, 122.

[33] ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 318, лл. 20—22. Подсчет десятин, приходившихся на один двор, произведен нами.

[34] Статистические сведения по земельному вопросу... Отд. 11, стр. 25.

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 93.

[36] И. Фирстов. Указ. соч., стр. 24.

[37] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 38—39, 44; т. V, табл. IV, стр. 34—35; т. VII, табл. IV, стр. 20—21.

[38] Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 100.

[39] И. Фирстов. Указ. соч. Ученые записки МГУ, 51, серия историческая, вып. II, стр. 39.

[40] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, стр. 38—39, 44; т. V, табл. IV, стр. 34—35; т. VII, табл. IV, стр. 20—21.

[41] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 9—13, 129—133; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 9—13, 129—133.

[42] Там же, М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 9—11, 129—131; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 9—11, 129—131.

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 90.

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 89—90.

[45] Там же, стр. 86.

[46] Там же, стр. 73.

[47] Там же, стр. 86.

[48] И. И. Фирстов. Указ. соч., стр. 41—42.

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 92.

[50] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 9, 129; М., 1899, т. II, ч. II, стр. 9, 129.

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 92.

[52] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. VIII, стр. 2—3, 176—177 (подсчеты сделаны нами).

[53] Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 101.

[54] И. И. Фирстов. Распределение скота между крестьянами Мордовии в период капитализма. Исследования по истории Мордовской АССР. Труды, вып. 43, Саранск, 1972, стр. 213.

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155—156.

[56] И. И. Фирстов. Указ. работа. Труды, вып. 43, стр. 220.

[57] ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 8, лл. 4—543 (подсчеты сделаны нами),

[58] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 486, лл. 21—105; д. 656, лл. 2—3.

[59] А. А. Кауфман. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, т. 1, ч. 1, СПб., стр. 98—101, 196—198; 214—215, 250—255; т. 1, ч. II, стр. 75—76; СПб., 1896, т. 1, ч. III, стр. 2—6.

[60] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 45; т. V, табл. IV, стр. 35; т. VI, табл. III, стр. 21—22 (подсчеты сделаны нами).

[61] ЦГИА, ф. 53, оп. 1, д. 121, лл. 214—233.

[62] Там же, ф. 391, оп. 1, д. 16, лл. 13—38.

[63] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1899, стр. 3, 9; 1895 год. То же, М., 1898, т. 1, ч. 1, стр. 3, 9; 1896 год. То же, М. 1899, т. 1, ч. 1, стр. 3—9; 1897 год. То же. М., 1901, стр. 3, 9.

[64] «Вопросы колонизации», № 3, 1907, стр. 192—193.

[65] Земские подворные переписи. 1880—1913 гг. Поуездные итоги, стр. 24—26, 210, 216—219.

[66] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 16—20, 136—140; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 16—20; 136—140 (подсчитано нами).

[67] А. А. Кауфман. Указ. работа, т. 1, ч. 1, стр. 75, 98, 99. 146, 197, 251; т. 1, ч. III, стр. 8 (подсчитано нами).

[68] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 40—41, 48; т. V, табл. IV, стр. 40—41; т. VII, табл. III, стр. 23—24 (подсчитано нами).

[69] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 37, т. V, табл. IV, стр. 48, т. VII, табл. III, стр. 23.

[70] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 40—41, 48; т. V, табл. IV, стр. 40—41, 46; т. VII, табл. III, стр. 23—24.

[71] Хозяйства таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 101, 105.

[72] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 4, 124; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 4, 124.

[73] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 7, 127; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 7, 127.

[74] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 40; т. V, табл. IV, стр. 36; т. VII, табл. III, стр. 23.

[75] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т 1, ч. II, стр. 21—22, 141—142; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 21—22, 141—142.

[76] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. СПб., 1903, ч. 1, стр. 180.

[77] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 40; т. V, табл. IV, стр. 36; т. VII, табл. III, стр. 22—23.

[78] ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 8, лл. 4.

[79] Там же, лл. 281—282, 285—286, 323—326.

[80] ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 16, лл. 276—279, 284.

[81] А. А. Кауфман. Хозяйственное положение переселенцев-водворенных на казенных землях Томской губернии. Т. 1, ч. 1, СПб., 1895, стр. 196—198, 214—215, 250—255; т. 1, ч. II, стр. 75—76.

[82] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. IV, табл. IV, стр. 49; т. V, табл. IV, стр. 4; т. VII, табл. III, стр. 24—25.

[83] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 8250, лл. 151, 153.

[84] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях. СПб., 1907, т. 8, стр. 2—3, 176—177.

[85] Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 104—105.

[86] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 94, лл. 4—10.

[87] ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 37, лл. 7, 10.

[88] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 268—271, 286—289; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 268—271, 286—289.

[89] «Вопросы колонизации», 1907, № 3, стр. 193.

[90] В. К. Кузнецов. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибирь. СПб., 1912, т. 1, вып. II, табл. III, стр. 43, 55, 61.

[91] А. Исаев. Переселение в русском народном хозяйстве. СПб., 1891, стр. 86.

[92] А. А. Кауфман. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915, стр. 273.

[93] И. Беляков. Переселенец в Сибири.—«Русское богатство», 1899, № 3, стр. 3.

[94] 1894 год. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1899, стр. 12—13, 20—21; 1895 год. То же, М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 18—19, 26—27; 1896 год. То же, М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 18—19, 26—27; 1897 год. То же, М., 1901, стр. 33, 49; 1898 год. То же, 1904, т. 1, стр. 76, 77. Данные только по Симбирской губернии. 1901 год. Сборник цифровых материалов для изучения переселений в Сибирь. Челябинск, 1905, вып. 1, стр. 200—201, 206—207.

[95] Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1898, т. 1, ч. II, стр. 23, 143; М., 1899, т. 1, ч. II, стр. 23, 143.

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 103.

Е. И. КРИВЯКОВ

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАНЯТИЯ НОВОСЕЛОВ ИЗ МОРДОВИИ В МЕСТАХ ВОДВОРЕНИЯ

Характерным показателем пролетаризации переселенческой деревни являются промысловые занятия крестьян, т. е. их работа вне своего сельскохозяйственного производства, когда последнее не могло занять рабочей силы семьи. В земской статистике к промыслам относились, как отмечал В. И. Ленин, *«все и всяческие* занятия крестьян вне надела». Однако в основной массе статистических данных крестьянские «промыслы», по мысли В. И. Ленина, могут быть отнесены «на счет продажи рабочей силы, ибо наемные рабочие преобладают обыкновенно среди крестьянских «промышленников»[1].

Если переселенец не имел денежных средств, инвентаря, достаточного количества рабочего и продуктивного скота или имел незначительный размер посева, а все средства производства состояли из одной или пары захудалых лошадей и коровенок, то такой новосел не мог ни занять в своем хозяйстве свою рабочую силу, ни прокормить семью. У него был один выход — искать заработки в хозяйстве кулака-старожила, на заводе, в городе или на железной дороге.

На факт ростовщичества и долговой кабалы в среде новоселов указывал А. А. Исаев. В партии переселенцев из Спасского уезда Тамбовской губернии, за исключением одного, все «были люди очень бедные; богатый же вез с собой до 1000 руб.». Крестьяне-переселенцы называли его «хозяином», так как они из года в год занимали у него деньги и работали на него. «Уж верно и в Сибири,— говорили они,— придется нам жить с ним и на него работать». Приведя несколько подобных фактов, А. А. Исаев писал: «Переселенцы имеют в своей среде элементы, из которых может и должно быстро развиться крупное частнокапиталистическое хозяйство»[2].

Н. М. Ядринцев отмечал, что многие переселенцы в Сибири «начинают свою жизнь... батрачеством»[3].

Подробно описал начальную стадию водворения переселенцев А. Беркенгейм. «На первых порах... когда и без того на долю

переселенцев выпадает интенсивная, экстраординарная работа по устройству своего нового гнезда... переселенцу... приходится... бросать свое собственное дело и искать заработков». Почти при полном отсутствии в Сибири фабрично-заводской промышленности и помещичьего хозяйства переселенец мог найти работу только у старожила, где ждала его «большая эксплуатация». Пользуясь крайней нуждой переселенца, старожил законтрактовывал его на страдную пору тогда, когда нужда переселенца достигала апогея, когда он бросался из стороны в сторону, чтобы добыть семье кусок хлеба. И вот тут-то он отпускал новоселу хлеб под «отработки», устанавливал цену за уборку десятины пшеницы в 2—2 руб. 50 коп., когда она стоила 7 руб.

Старожил сдирал с переселенца «три шкуры». Во-первых, он сбывал ему всякую дрянь, всякий ненужный хлам в виде старого сабана, развалившейся бани, не дающей молока коровы и т. д. Во-вторых, за каждый выданный предмет он назначал цену на 25—100% выше: так, если на базаре пуд ржи стоил 30—35 коп., то старожил назначал 45—50 коп., а нередко и вдвое; за пуд соли, стоившей 27 коп., он назначал 60—80 коп., соответственно за фунт керосина: 5 и 8 коп., корову—12 и 17 руб. и т. д. С другой стороны, предметы, получаемые старожилом у переселенца, оценивались на 75—100% дешевле. Например, копна сена, чем обычно расплачивается переселенец, на базаре стоит 4 коп.— оценивается в 3 коп. Нередко старожил за предмет брал у новосела предмет, а за проценты заставлял отрабатывать несколько дней или выполнять определенную работу. В других случаях он прямо нанимал их поденно и помесячно по ценам: 10 коп. в день, или 2—3 руб. в месяц; женщинам — и того меньше — 1—2 руб.[4]

Характеризуя классовое положение сельского населения, занятого в промыслах, В. И. Ленин писал, что *«громадное большинство крестьянских «промыслов» состоит в работе по найму...* Громадное большинство «промышленников» — представители сельского пролетариата, *наемные рабочие с наделом,* продающие свою рабочую силу сельским и индустриальным предпринимателям»[5].

Некоторое представление о развитии крестьянских промыслов в мордовской переселенческой деревне дают следующие данные (см. табл. 1).

Из таблицы видно, что почти $^3/_4$ семей на новых местах прибегали к промыслам. Особенно высокий процент хозяйств с промыслами был в поселках Воскресенский, Б. Кусково, Валериановский, Воскресенский, Наумовский, Николаевка, Никулинский, Куликовский, Островский, Ирбизино, Никольский, Покровский, Рождественский, Беловский, Успенский, где водворились переселенцы из Саранского, Спасского и Темниковского уездов. В остальных поселках доля промысловых хозяйств была несколько меньшей.

Таблица 1

Доля крестьянских хозяйств с промыслами у переселенцев из Мордовии по данным подворных обследований[6]

Поселки	Год обследования	Всего семей	Из них с промыслами	
			семей	%
Воскресенский	1893	52	52	100,0
Б. Кусково	1894	7	7	100,0
Валериановский		6	6	100,0
Воскресенский		12	9	75,0
Наумовский		10	10	100,0
Николаевка		27	22	81,5
Никулинский		25	26	100,0
Куликовский		15	15	100,0
Островский		39	39	100,0
Ирбизино		91	91	100,0
Никольский		42	42	100,0
Покровский		31	31	100,0
Рождественский		27	27	100,0
Беловский	1898	418	418	100,0
Городище	1900	106	44	40,5
Инсарка	1901	27	8	30,0
Ночки		79	14	17,7
Успенский		162	133	82,1
Владимирский		55	25	45,5
Рождественский		182	30	16,5
Таубенский		47	23	50,0
М.-Архангельский		60	30	50,0
Итого:		1521	1102	72,5

Данные о переселенцах из губерний, часть территорий которых вошла в состав Мордовии, также свидетельствуют о значительной роли промыслов в хозяйственной жизни новоселов. Доля крестьянских хозяйств с промыслами в переселенческих поселках с новоселами из Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний, по данным подворных обследований, составляла 67,7%. Это было неизбежным спутником усиливающегося разорения бедняцко-середняцких слоев переселенческой деревни. Особенно большой процент хозяйств с промыслами был среди новоселов, водворявшихся в лесных и таежных районах (82,6% и 92,7%)[7].

Данные о населении, занятом в промыслах, также свидетельствуют о том, что значительная масса разоренной переселенческой деревни была вынуждена искать заработки вне своего хозяйства. Обследование 1900—1901 годов показало, что более $^1/_{10}$ часть всего наличного населения в мордовских переселенческих поселках вынуждена была прибегать к промысловым заработкам. Особенно большое развитие крестьянские промыслы получили в поселках Владимирский (10,8%), Успенский (19,3%),

Мих. Архангельский (20,7%). Удельный вес промыслового населения среди новоселов был в полтора раза меньше, чем на родине[8].

Такое явление объясняется не улучшением благосостояния переселенцев на новых местах, а тем, что промыслами в местах водворения занимались в основном мужчины. Кроме того, в Сибири из-за плохих путей сообщения, удаленности городов и сел слабо были развиты отхожие промыслы. Так, в старожильческом поселке Беловский Алтайского округа, где водворились переселенцы из Саранского уезда, было 2 746 душ обоего пола. В промыслах было занято 22,3% всего населения, а мужчины рабочего возраста — все 100% (612 человек)[9].

Участие женщин в промыслах среди переселенцев было совершенно незначительным, так как на их плечи здесь выпадала работа в своем хозяйстве, когда мужчины уходили на заработки.

Рассмотрим виды промысловых занятий переселенцев. Например, все 52 семьи в поселке Воскресенском Тобольской губернии, где водворились новоселы из Карсунского уезда, работали поденно, а многие жили в батраках у старожилов. Кроме того, 16 дворов, или 20,5%, занимались неземледельческими промыслами, причем из них одна семья была безлошадной и одна не имела посева[10].

В поселке Б. Кусково Томской губернии, по обследованию 1894 года, все 7 семей нанимались на поденную работу. Другим источником заработка у этих крестьян была заготовка дров, сена и метелок для продажи. В поселке Валериановском все 5 хозяйств в страду нанимались сдельно и поденно к старожилам, в остальное время — на строительство железной дороги. Кроме того, 2 семьи (40%) зимой занимались валяльным промыслом. В поселке Воскресенском 4 двора из 9 (44,4%) работали поденно, а 5 (55,6%) были батраками. В поселке Наумовском все 10 хозяйств прибегали к сдельной и поденной работе. 100 семей, водворившиеся в 1863 году в поселке Николаевка, первые два года работали на винокуренном заводе, а из 22 переселившихся позднее в момент обследования 3, или 13,7%, батрачили, 14, или 63,6%, нанимались поденно и 5, или 22,7%, сами нанимали работников; в поселке Никулинском все 20 дворов отпускали работников на поденную и сдельные работы, кроме того, у 15 семей (75%) дополнительный заработок давало портняжничество; в поселке Куликовском 15 хозяйств (100%) работали поденно и сдельно; в поселке Островском из 24 дворов 17 (70,8%) нанимались, а 7 (29,2%) нанимали сельскохозяйственных рабочих. 15 семей, кроме того, нанимались пилить дрова, плотничали и занимались портняжничеством[11].

Интересно отметить, что в 1911 году, т. е. через 17 лет, в поселке Островском из 185 семей 113 (61,1%) занимались неземледельческими промыслами[12].

Приведенные данные о видах найма переселенцев из Мордовии в Томской губернии свидетельствуют о том, что в промыслах в основном были заняты бедняцкие хозяйства. Чтобы прокормить семью, они вынуждены были прибегать как к земледельческому, так и неземледельческому найму и заработкам.

Подобную же картину мы видим и среди переселенцев из Мордовии, водворившихся в Степных областях.

По обследованию 1900—1901 годов, в поселках Городище, Инсарка, Ночки, Успенской, Владимирский, Рождественский, Таубенский, Мих. Архангельский из 308 хозяйств сельскохозяйственные рабочие вместе с чернорабочими, прислугой и пр. составляли 166 дворов, или 54%, и принадлежали к самым бедным слоям крестьянства. 99 хозяйств, или 32,1%, ремесленников и кустарей в основном также существовали за счет продажи своей рабочей силы. 43 семьи, или 13,9%, сами нанимали работников или владели торгово-промышленными заведениями[13].

Из 418 семей, бывших жителей Саранского уезда, водворившихся в селе Беловское, 149, или 35,7%, являлись сельскохозяйственными поденщиками, срочниками и пастухами, 115, или 27,5%, сами нанимали работников, из них 25—батраков; 154, или 36,8%, занимались неземледельческими промыслами: плотничеством, пилкой досок, дегтярным (сидка дегтя и смолы) и т. д.

Часть промышленников была довольно зажиточна. Так, 10 хозяев имели маслобойни, на которых изготовляли конопляное масло по цене 15 коп. с закладки семян в полтора пуда. Владельцы маслобоен скупали конопляное семя не только у односельчан, но и у жителей других селений. Масло сдавали скупщикам, которые приезжали из Томска, Барнаула и Бийска. В поселке было 2 мельницы, одна на 3, другая на 2 постава. Каждая из них размалывала по 70—80 пудов. За помол пуда зерна взималась плата в размере 2,5 коп. Хозяева держали постоянно 1—2 наемных рабочих.

На имеющейся сукновальне владелец брал плату по 2 коп. с аршина. Несколько хозяев селения имели конные молотилки. За обмолот одного овина (240—250 снопов) была установлена плата в 30—40 коп. 2 семьи имели крупорушки и 25—пасеки. У одного хозяйства было 200 ульев, и пчеловодство составляло основное занятие. Кроме того, в селе Беловском имелись два мануфактурных, два мелочных и одно питейное заведения[14]. Таких хозяйств насчитывалось не менее 50, или 11,9%.

Таким образом, зажиточные хозяйства с батраками и торгово-промышленными заведениями составляли около 75 дворов, или 17,9%. По занятиям промыслами мы видим бесспорное расслоение села Беловского на «нанимателей» и «нанимаемых». Бедняцкие дворы основной доход получали от «промыслов»,

т. е. от продажи рабочей силы. «Наемная работа,— писал В. И. Ленин,— фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов»[15].

Значительное развитие промыслы получили и в других поселках Алтайского округа. Так, материальная необеспеченность в результате четырехлетнего неурожая и сокращения посевных площадей заставляли всех новоселов поселка Ирбизино уходить в страду на заработки. Многие переселенцы отрабатывали у старожилов за деньги, взятые под летние работы. Годовая плата работнику на «харчах хозяина» составляла 25—30 руб., мужчине за лето 20, женщине — 7 руб.: помесячно летом: мужчине — 5, женщине — 2 руб., зимой соответственно: 2,5 руб. и 50 коп. Поденщик на сенокосе получал 35, поденщица — 18 коп., в страду соответственно: 45 и 35 коп.

Неземледельческие промыслы в этом поселке были развиты слабо: имелось 8 плотников, из которых один зарабатывал от 20 до 70 руб., двое по 25—30 руб. и пятеро от 5 до 15 руб. в год, 3 бондаря зарабатывали по 5—7 руб. в зиму, 2 пимоката — от 7 до 12 руб., 1 портной — 10—15 руб. Кроме того, в поселке было 2 сапожника и 1 кузнец. Все «промышленники» относились, за редким исключением, к бедняцким хозяйствам[16].

Данные о видах занятий в промыслах у новоселов из Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний также свидетельствуют о том, что ими в основном занимались бедняцкие хозяйства. Так, из 425 семей, обследованных в 1893 году в Тобольской губернии, 17, или 4%, нанимались в батраки, 391, или 92%,— поденно и сдельно. Кроме того, 83 двора, или 19,5%, значительная часть которых была беспосевными и безлошадными, прибегали к неземледельческим промыслам[17]. Интересно отметить, что в поселке Кирсановском этой губернии в 1893 году все 78 семей прибегали к найму поденно или сдельно, а через 10 лет 16 (21,3%) из 75 занимались сельскохозяйственными и 14 (18,7%) неземледельческими промыслами[18]. Из 1011 хозяйств, занятых промыслами в поселках Хайрюзовка, Кипешная, Плешкова, Н.-Еловка, 462 (45,7%) нанимались: 66 (6,5%) — в батраки; 306 (30,3%), наоборот, держали работников, в том числе 109 (10,8%) — батраков; 243 (24%) прибегали к неземледельческим промыслам, из них 39 (3,9%) имели торгово-промышленные предприятия: лавки, питейные заведения, мельницы, маслобойки, крупорушки и т. п.

Приведенные данные показывают, что «промыслы» имели наибольшее значение в группе бедняцких хозяйств (45,7%). Зажиточные (14,7%) использовали промыслы как средство для получения предпринимательской прибыли[19].

323 семьи по виду занятий промыслами, по обследованию 1903—1904 годов, распределялись так: 96 (29,7%) уходили на сельскохозяйственные заработки (поденщина, сроковые работы), 53 (16,4%) работали в городе, на заводе и пр., 135 (41,8%)

занимались кустарными промыслами и 39 (12,1%) владели торгово-промышленными заведениями[20].

Обследование 1903—1904 годов поселков (Архиповский, Потанинский, Розановский, Чулковский, Ядринцовский, Калачевский и Романовский) Тюкалинского уезда Тобольской губернии выявило среди новоселов из Пензенской, Симбирской, Тамбовской губернии 743 двора, занятых промыслами. Из них у 150 (20,2%), беспосевных и засевающих до 3 дес., средний заработок составлял 115 руб., у 260 семей, засевающих от 3 до 9 дес.,— 60 руб., у 333 дворов с посевом выше 9 дес.—54 руб. Следует отметить, что среди промышленников имелось 65 (3,7%) хозяйств, которые имели торгово-промышленные предприятия: лавки, питейные заведения, маслобойни, мельницы и т. д. Учитывая большую задолженность, 515 семей были должны 32 679 руб., в среднем по 63 руб. 50 коп., и 159 семей —1 931 пуд хлеба, в среднем по 12,2 пуда на двор. Можно предположить, что основная масса «промышленников» относилась к бедноте, прибегавшей к заработкам как к источнику погашения долга и получения средств для поддержания хозяйства.

Обследователи отмечали в Тюкалинском уезде большое развитие сельскохозяйственного найма, лесного промысла, молочного хозяйства и маслоделия.

547 хозяйств, из которых 94 (17,2%) беспосевных и с посевом до 3 дес., 202, или 36,9%, с посевом от 3 до 9 дес., 251, или 45,9%, с посевом свыше 9 дес.— сами нанимали поденщиков и уборочные машины. Если учесть, что в молотилку запрягали от 6 до 10 лошадей при 10—15 рабочих и обмолачивали хлеб с 5—10 дес. в один день за 10—12 руб., то станет очевидным, что наниматель должен был быть состоятельным хозяином[21]. Очевидно, группа хозяйств, не имеющих посева, являлись крупными арендаторами.

В результате обследования 1909 года было выявлено, что в таежных поселках (Ян-Бобровский, Красный Яр, Нечаевский) Томской губернии из 116 дворов 12 (10,3%) были сельскохозяйственными рабочими (батраки, пастухи), 49 (42,2%) работали на строительстве дорог, пилке и валке леса, заводах и фабриках, 44 (38%) были кустарями (плотники, сапожники, портные и пр.) и 11 (9,5%) держали работников[22].

Таким образом, промысловые занятия, купля-продажа рабочей силы являлись неотъемлемым элементом переселенческого движения во все пореформенное время.

В промыслах участвовали все социальные группы крестьянства. Громадное развитие промыслов в переселенческих бедняцких хозяйствах было не случайным. Развитие промыслов в неимущих крестьянских хозяйствах объясняется невозможностью существовать без продажи рабочей силы. Среди «промыслов» переселенческой бедноты преобладали сельскохозяйственный наем, плотничество, заготовка дров и т. д.

Кулак также занимался промыслами и имел большой доход от эксплуатации батраков, торговли, извоза, мукомольного дела и т. д. Уже перечисление промыслов показывает, что у бедноты они были средством заработка на жизнь и формой продажи рабочей силы, а у зажиточных — предпринимательской наживы.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 85—86.

[2] А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891, стр. 87—91.

[3] Н. М. Ядренцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 154.

[4] А. М. Беркенгейм. Переселенческое дело в Сибири. М., 1902, стр. 56—57.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 110.

[6] А. Станкевич. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.), т. I. М., 1895, стр. 503. А. А. Кауфман. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, т. I, ч. I. СПб., 1895, стр. 103—256; т. I, ч. II, стр. 76—84; т. I, ч. III, СПб., 1896, стр. 12. Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, т. IV. СПб., стр. 37—205; т. V, стр. 48—163; т. VII, стр. 23—87; Алтайский сборник, т. IV, вып. II. Барнаул, 1899, стр. 144—498; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде. Вып. III. Барнаул, 1900, стр. 5—135.

[7] Выведен по данным: А. Станкевич. Указ. работа, т. I, М., 1895, стр. 116—522; Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, т. IV. СПб., 1907, стр. 198—205; т. V, стр. 160—163; т. VII, стр. 84—87; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде. Вып. III. Барнаул, 1900, стр. 4—206; Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Вып. XXXIII, ч. III. СПб., 1906, табл. IX, стр. 180—319; Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 85, 88; В. К. Кузнецов. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Вып. II, т. I. СПб., 1912, табл. II, стр. 33—51.

[8] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, т. IV. СПб., стр. 37—205; т. V, стр. 48—163; т. VII, стр. 23—87.

[9] Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде. Вып. III. Барнаул, 1900, стр. 4—5.

[10] А. Станкевич. Указ. соч., т. I. М., 1895, стр. 503; т. II. М., 1897, стр. 111.

[11] А. А. Кауфман. Указ. соч., т. I, ч. I. СПб., 1895, стр. 103—104, 147, 196—199, 216, 255—256; т. I, ч. II, стр. 76, 83—84; т. I, ч. III. СПб., 1896, стр. 12.

[12] В. Я. Нагнибеда. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. I. Томск, 1913, стр. 25.

[13] Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, т. IV. СПб., 1907, стр. 37, 56—59, 64—65, 72—73, 88—89, 193—205; т. V, стр. 48, 60—63, 68—69, 160—163; т. VII, стр. 23, 31—33, 47, 84—87.

[14] Материалы по исследованию крестьянского и иногороднего хозяйства в Бийском уезде. Вып. III. Барнаул, 1900, стр. 4—5, 11, 13, 133—135.

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 114.

[16] Алтайский сборник, т. IV. Вып. II. Барнаул, 1899, стр. 144—153.

[17] А. Станкевич. Указ. соч., т. I. М., 1895, стр. 116, 370, 373, 377—378, 391, 420, 503, 513, 522; т. II. М., 1897, стр. 39, 79, 87, 95, 111.

[18] А. Станкевич. Указ. соч., т. I, стр. 116; т. II, стр. 39. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, ч. III. Вып. XXXIII. СПб., 1906, табл. IX, стр. 232—235.

[19] Материалы по исследованию крестьянского и иногороднего хозяйства в Бийском уезде. Вып. III. Барнаул, 1900, стр. 4—206.

[20] Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, ч. III. Вып. XXXIII. СПб., 1906, табл. IX, стр. 180—319.

[21] В. К. Кузнецов. Указ. соч., т. I. Вып. I. СПб., 1913, стр. 34—35, 104; т. I, вып. II. СПб., 1912, табл. I, стр. 8—11; табл. II, стр. 33—51; табл. III, стр. 39, 51, 57.

[22] Хозяйство таежных переселенцев. Томск, 1927, стр. 11—15, 44—48, 85—93.

М. П. СОЛДАТКИН

Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ И НАСАЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ СРЕДИ МОРДВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С падением Казанского ханства мордва, как и другие народы Поволжья, была присоединена к Русскому государству. В осуществлении национально-колониальной политики царизма значительная роль отводилась православной церкви. Она выступала в качестве ревностного защитника господствующих классов. С этого времени среди мордвы и других нерусских народов стало насильственно насаждаться христианство — официальная религия царизма.

Сами церковники не скрывали, что насильственная христианизация народов Поволжья предпринята для того, чтобы полностью подчинить их власти русского царя и распространить на них общерусские феодальные порядки. Вот что по этому поводу писал церковный историк А. Можаровский: «Для одержания окончательной победы над Казанью надлежало русским победить иноверцев, инородцев Казанского края, еще нравственно — мечом духовным, победить верою, христианским православием; тогда только казанские бусурманы могли быть по духу побежденными и сделаться верными подданными русского христианского государства»[1].

В христианизации мордвы правительство видело условие ликвидации религиозной розни между ею и русскими, смут и волнений, которые могли возникать на религиозно-национальной почве и нарушать устои государства, грозить ему всякими политическими осложнениями.

Официально было объявлено, что основная цель, преследуемая христианизацией,— вывести инородцев из тьмы и невежества, осветить их православной верой.

Приступая к христианизации, царское правительство не рассчитывало на быстрый успех. Оно знало, что это дело чрезвычайно трудное и щепетильное, и поэтому выработало определенную систему и методику ее проведения.

Для этой цели в 1555 году в Казани была учреждена епархия с архиепископом и двумя архимандритами. Стали усиленно

строить монастыри как опорные пункты русской колонизации в этом крае. Основными средствами и методами христианизации были: борьба со старыми языческими верованиями мордвы, проведение насильственного крещения, указы и инструкции, предусматривающие льготы за принятие крещения, учреждение в 1731 году специальной «комиссии новокрещенских дел», переселение крещеной мордвы в северную часть современной Саратовской области, в русские селения и русских в мордовские.

Но как показало время, этих средств оказалось недостаточно для успеха дела. Поэтому правительство стало искать иные, более совершенные или «цивилизованные» средства и методы. В ряде губерний были организованы школы для подготовки священников-мордвинов и т. д. Однако дело не продвигалось. Мордва упорно не хотела принимать «русскую веру».

Все эти мероприятия переплетались между собой и имели одну цель — окончательно подчинить мордовских крестьян интересам помещичье-дворянского государства.

Действия правительства и церкви вызывали у мордвы сильнейшую ненависть к церковникам, так как православная церковь не только освещала режим насилия, но и активно осуществляла колонизаторские функции крепостнического государства. Эти антицерковные настроения мордвы с особой силой проявились в период крестьянских войн против феодально-крепостнических порядков.

Во второй половине XIX века происходит некоторое изменение в методах миссионерской деятельности, отразившейся в так называемой системе Н. И. Ильминского.

Н. И. Ильминский (1822—1891) — педагог, миссионер, посвятил себя внедрению православия среди нерусского населения Поволжья.

Образование он получил в Пензенской духовной семинарии и Казанской духовной академии. В 1846 году после окончания Казанской академии он был оставлен в ней бакалавром.

С 1851 по 1853 год Н. И. Ильминский находился в Египте и Турции, где изучал постановку миссионерской работы католического духовенства. По возвращении из-за границы он стал профессором Казанской духовной академии и Казанского университета. Одновременно с преподавательской работой Н. И. Ильминский занялся созданием школ для «инородцев», которые были проникнуты идеями православия и монархизма.

Деятельность его по созданию школ и особенно система преподавания в них представляют большой научный интерес. Раскрытие и всестороннее освещение этого вопроса особенно ценно для разоблачения утверждений духовенства о том, что будто бы православная церковь христианизацией народов Поволжья, в том числе и мордвы, вывела их на широкую дорогу общественного развития.

В данной статье поставлены задачи: исследовать некоторые

особенности миссионерской деятельности, отразившиеся в так называемой системе Н. И. Ильминского, показать непосредственное осуществление этой системы, ее результаты, сущность новых миссионерских организаций типа «Братство святого Гурия».

Система Ильминского освещена в исторической науке не полностью.

К 1917 году библиография по системе Ильминского насчитывала несколько десятков статей, брошюр и книг. Большая часть этой литературы была написана самим Н. И. Ильминским, его современниками и деятелями церкви.

Изучение работ Н. И. Ильминского и его современников о «новой системе» имеют первостепенное значение, так как в них показано изменение методов христианизации мордвы и других народов Поволжья во второй половине XIX века.

Программа по превращению и закреплению «инородцев» в православие была изложена Н. И. Ильминским в работах: «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам» (Казань, 1867), «К истории инородческих переводов» (Казань, 1883), «Программа школы для крещеных инородцев восточной России» (Казань, 1868), «О переводе православных христианских книг на инородческие языки» (Казань, 1875) и др.

Деятельность Н. И. Ильминского наиболее подробно охарактеризована в книге церковного историка П. Н. Знаменского[2]. В ней он уделил внимание тем мероприятиям, которые были выдвинуты Н. И. Ильминским по русификации этих народов.

В работах Н. И. Ильминского и церковных авторов, писавших об изменении миссионерской деятельности среди народов Поволжья во второй половине XIX века, характерными явлениями были извращения и подтасовка фактов, голословные утверждения и клеветнические вымыслы, хотя и встречались элементы научного исследования.

Обращение к церковно-миссионерской литературе как источнику тех или иных сведений о ходе христианизации требует от исследователя четкого понимания реакционной, классовой позиции ее авторов и проверки сообщаемых фактов всеми другими доступными источниками.

Буржуазная историография, говоря о положительном влиянии христианства на быт, нравы и культуру народов Поволжья, совершенно умалчивала о том, что церковь на продолжении долгих столетий играла реакционную роль.

Советская историческая наука свободна от идеализации роли церкви, которая всегда была орудием порабощения масс и затемнения их сознания.

Блестящая критика реакционной деятельности православной церкви дана в произведениях В. И. Ленина.

Советские историки ведут плодотворную работу в области изучения православия и его роли в христианизации мордвы и

народов Поволжья. Подтверждением этого являются работы П. В. Денисова, Н. Ф. Мокшина и др.[3] Однако в них отражаются не все материалы, касающиеся системы Ильминского. Документы для исследования данного вопроса содержатся в фондах Казанской духовной академии, фонде Ильминского, М. Машанова, Казанской учительской семинарии, в Государственном архиве Татарской АССР, фондах Пензенской духовной консистории, в книжном фонде областного государственного архива Пензенской области, часть из которых приводится в данной работе впервые.

Итак, в 60-х годах XIX века Н. И. Ильминский выступил со своей программой христианизации. «Новая система» получила узаконение. Это было вызвано тем, что в условиях обострения классовых противоречий в пореформенной деревне царизм уже не мог испытанными методами угнетать нерусские народы Поволжья. Применив «новую систему», правительство не отказалось от традиционных методов колонизаторской политики. Оно только видоизменило их, прибегнув к более ухищренным и «культурным» методам и средствам порабощения нерусских народов. Непосредственным выражением этой политики и явились система Н. И. Ильминского, открытие миссионерских организаций типа «Братство святого Гурия»[4].

Многолетняя принудительная христианизация не дала желаемых результатов, более того, к этому времени усилился отход крещеных народов Поволжья от православия. По признанию самих церковных служителей, в мордовских селах Краснослободского, Инсарского, Саранского и других уездов соблюдались дохристианские обряды и обычаи. Новокрещеные не очень далеко еще ушли от того состояния, в каком находились до первой половины XVIII века[5].

В 1869 году священник села Самаевка Краснослободского уезда Семен Майранов писал в Пензенскую духовную консисторию, что у мордвы указанного села сохранялось очень много обычаев и суеверий. Например, «жениха и невесту привозили в церковь с песнями и различными своими обычаями; по совершению над ними таинства брака отвозили с тем же безобразием».

В гробах покойников прорезывали с боков окна, дабы покойник мог естественными глазами глядеть и видеть, что делают его близкие родственники»[6].

Священник села Новое Синдрово Краснослободского уезда Александр Артоболевский в 1869 году доносил в духовное правление, что главное зло в его приходе — это суеверия, которые соблюдаются прихожанами свято. «Лишь только наступит осень — пойдут у мордвы молян за моляном: калдазозкс, юрт — озкс: атянь-авань озкс и др. озксы (моляны). Употребляются на молянах старинные мордовские свечи»[7].

Священник села Колопино Краснослободского уезда сооб-

щал, что его «приход состоит из одного мордовского села. Многие прихожане хотя и считаются христианами, но похожи на язычников, так как остаются у них еще языческие обряды»[8].

Священник села Волгапино того же уезда Андрей Беневосевский доносил в духовное правление, что его «приход состоит из села Волгапино—мордвы-мокши; деревни Керетино—тоже из мордвы. Прихожане его прихода еще крепко держатся своих языческих обрядов и укрывательством совершают свои языческие обряды от духовенства, а обряды, совершаемые при погребении покойников и их поминовении, имеют характер чисто языческий»[9].

Священник села Могилевки Инсарского уезда Николай Фасонов сообщал в духовное правление: «Прихожане его прихода состоят из села Могилевки и 3-х деревень: Старого Усада, Трускляй и Макаровки — из мордвы-мокши. Приняла православие мордва в первой половине XVIII столетия, но она не совсем еще отрешилась от языческих обрядов; имеет в их среде такую уживчивость, что разрушить обряды пока еще не сильно ни какое слово пастыря»[10].

Священник Яков Русанов в 1868 году писал, что «во всех селах, населенных мордвою-эрзею, Пензенской епархии Саранского уезда и Симбирской епархии Карсунского, Ардатовского и Алатырского уездов каждогодно в четверток после духова дня, или около этого времени, совершают торжество, известное под именем моляна. Этот молян есть не что иное, как остаток древнего языческого праздника мордвы, отправляемого в честь грозных явлений природы: грома и молнии, которые мордвою до принятия ими веры христианской почитались за могущественное божество. Уважение к сему моляну у мордвы так велико, что они и по принятии веры православной не оставили праздновать оный»[11].

Вышеизложенное явствует о том, что мордовское население Поволжья находилось в том состоянии языческих верований, в каком оно было до первой половины XVIII века. Кроме непринятия мордвой православия массовый отход от него новокрещенов был своеобразной формой протеста против национально-колониального угнетения, насильственной русификации и христианизации.

В связи с отходом от православия нерусских народов Поволжья в пореформенный период перед царским правительством и духовенством стояла задача сохранения и закрепления формально крещенных в православии, просвещения их в духе православной церкви и превращения из формально крещенных в истинно верующих.

Борьба с языческими верованиями мордвы и других народов Поволжья долгое время велась почти исключительно правительством. Духовенство принимало непосредственное участие в данной деятельности, но инициатива исходила от правительства.

В пореформенное время те репрессивные меры, к каким нередко прибегал царизм и церковь в XVIII—первой половине XIX века, когда народы России получили формально свободу вероисповедания, стали невозможными, был избран другой путь русификации и христианизации нерусских народов Поволжья — учреждение «инородческого школьного образования». Это заставило царское правительство и православную церковь в 60-х годах XIX века принять новую систему обрусения нерусских народов, которую разработал крайний монархист Н. И. Ильминский. Начав внедрять новый метод обрусения нерусских народов на практике с 1863 года, он отказался от старых принудительных методов христианизации и русификации. «Полицейская строгость,— писал Ильминский,— не властна проникать во внутренние святилища мысли и совести, опыт, кажется, достаточно доказал это»[12]. Он предложил использовать для проведения политики русификации представителей самих русифицируемых народностей, а не русских священников, которые, не зная языка и быта, не могли влиять на эти народности в желаемом для правительства направлении. «По моему убеждению,— писал Н. И. Ильминский,—инородческие школы нужно поддерживать, в инородческих приходах по возможности следует ставить священниками и причетниками инородцев, разумеется, хороших, благонадежных, в духе синодиального указа 1867 года»[13].

Н. И. Ильминский указывал, что «русские священники и учителя, даже при знании языка, не могут так успешно действовать на инородческое население, как природные инородцы»[14].

Основой школьного обучения в «системе» Ильминского явился родной язык русифицируемых народов. «В инородческих миссионерских школах непременным условием поставляется употребление родного языка в преподавании, в богослужении для живого и глубокого усвоения христианского учения инородцами, поэтому самым верным и действительным средством будет служить родной язык»[15]. Родной язык «должен быть орудием обучения в инородческой школе до времени основательного усвоения русского языка учащимися инородцами»[16]. Русскому языку в первоначальном обучении инородцев Ильминский отводил место как особому предмету, изучаемому посредством родного языка. «Только родной язык может успешно и основательно, а не поверхностно, двинуть народ, как массу, по христианскому пути. Напротив того, чужой язык никогда не в состоянии сделать христианство общенародным достоянием целого поколения»[17].

Для перевода на языки поволжских народов учебных пособий и, главным образом, книг религиозного содержания Ильминский разработал специальные алфавиты, основанные на алфавите русской письменности. «Книги на инородческих языках должны печататься русским алфавитом с некоторым применением алфавита к звукам инородческих языков»[18].

Схематическое изображение этой системы по книге Н. И. Ильминского «О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе» представлено в следующем виде: «Цель — сближение и объединение с русскими. Пути к цели:

1. Святое крещение инородцев.
2. Полемика с инородцами.
3. Просвещение их —

а) на инородческом, книжном с употреблением русского алфавита;

б) на живом разговорном языке с применением в письме русского алфавита;

в) на русском языке»[19].

Основное содержание системы Н. И. Ильминского сформулированно следующим образом:

«1. Святое крещение — сила этого пути основывается на силе святого таинства.

2. Полемика основывается на разрушении ложных понятий для насаждения истинных понятий о христианстве».

Ильминский писал, что «суждения мои, святое крещение и полемика взяты, впрочем, только с одной стороны — и именно с той, которая требует предварительного христианского просвещения инородцев, на котором преимущественно и сосредоточивается мысль правительства и церкви с половины XVIII и XIX столетий».

Всю эту систему пронизывали идеи православия, которые «сами по себе не видимы, не слышимы, но составляют внутреннюю, идейную сторону и опору просвещения», а русский язык «составляет внешнюю сторону просвещения — звуковую, буквенную, язычную, словесную,— получающую свой смысл и то или другое значение, великое или малое больше от внутренней»[20].

Итак, в основу новой системы обрусения Ильминский положил изучение христианской веры. Главным же средством усвоения христианства и важным орудием распространения среди мордвы, как и среди других нерусских народов Поволжья, он считал родной язык. «Только родной язык служит проводником идеи православия в самую глубь сознания»[21]. Родному языку Ильминский отводил место не только в школе, но и дома, и в церкви. Он заботился, «чтобы основа христианства стала полным достоянием инородческих детей, воплотилась в их жизнь и потом передавалась незаметно родителям»[22].

В ходе оформления и утверждения системы Ильминского христианизаторы пришли к разногласиям и образовали два главных направления в отношении русификации: сторонники новой системы стремились внедрить христианство через родной язык инородцев, приверженцы «обрусительного» направления — через внедрение русского языка[23].

Принципиальной разницы между «обрусительной» и системой Ильминского нет, так как обе они исходили из задачи распространения православия. Ильминский понимал обрусение не просто как познание русского языка, а прежде всего как принятие православия. «Просвещение инородцев ставило на первый план передачу идей русского православно-христианского просвещения, которое, воплотившись в языке, так сказать в языке инородцев, и сотворило бы дело христианского возрождения инородцев»[24].

Ильминский был одаренным ученым-ориенталистом, крупным знатоком языка, быта и истории народов Поволжья, а также дальновидным миссионером. Он понимал, что в условиях усиления национально-освободительного движения нерусских народов Поволжья решение задачи сохранения и закрепления формально крещенных народов Поволжья в православии путем полицейско-административного нажима может привести лишь к обратным результатам. Учитывая всевозрастающую тягу нерусских народов к образованию, культуре, он верно оценил возможность использовать это стремление в целях сохранения, закрепления и превращения их из формально крещенных в истинно православных.

Свое кредо Н. И. Ильминский сжато сформулировал в следующих словах: «Мои снаряды — инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт со священником во главе»[25].

Практическое внедрение системы Ильминского началось с открытия осенью 1863 года крещено-татарской школы в г. Казани[26]. При открытии этой школы Ильминский выразил свои взгляды словами из евангелия: «Ищите прежде царствие божия, и все остальное приложится Вам»[27]. Эти слова были руководящим принципом во всей школьной системе Н. И. Ильминского. Эта цель представлялась ему настолько важной, что в жертву ей он приносил все. Изучив основательно верования, быт и нравы народов Поволжья, Ильминский хорошо понимал, что светское среднее и высшее образование скорее затормозит, чем обеспечит закрепление их в православии. Свои мысли по этому поводу он развивал во многих статьях, но с особенной откровенностью высказывался в письмах к зловещей фигуре того времени к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву.

Н. И. Ильминский до конца своей жизни (27. XII. 1891 года) находился в постоянной переписке с Победоносцевым. «Правительство,— писал он,— рассчитывало на русское образование татар, но, видно, образование действует разлагающим образом на национальные и религиозные убеждения не только нас, русских». «Сие татарство и магометанство образованные татары,— говорит он в другом письме,— в глубине души свято чтут и в случае надобности крепко за него стоят». «Фанатик без русского образования и языка,—пишет он в третьем письме,—сравнительно

лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а ещё лучше аристократ, а еще лучше человек университетского образования. Вот мое мнение, если хотите»[28]. «Татарская интеллигенция вместо обычного, неуклюжего и неблаговидного фанатизма начинает усваивать точку зрения национально-политическую под видом интеллигентного прогресса»[29]. Эти высказывания Ильминского о татарах в равной степени относятся и к мордовскому народу.

Итак, по принципам Ильминского, просвещение народов Поволжья должно быть основано на почве православного перевоспитания их понятий и нравов. «Всякое другое образование,— писал Ильминский,— разрушает младенчески-наивные верования и, не давая вместо них никакой религии, извращает духовные силы инородцев, приостанавливает их духовный рост и развитие»[30].

Такое образование «инородцев» Ильминский сравнивал со слишком ранним умственным развитием детей, которые, как он говорил, «в таких случаях бывают поверхностны и недолговечны»[31].

Казанская крещено-татарская школа была первой школой, где обучение «инородцев» велось на их родном языке. Эта школа возникла как частное учебное заведение, но она стала центром по подготовке учителей для школ грамоты среди «инородцев», в частности татар. Она состояла из двух классов. В первый принимались крещено-татарские дети, получившие уже образование в начальных инородческих школах. В обоих классах занимались не менее трех лет, в зависимости от успехов учащихся[32].

Кроме крещено-татарских детей допускались для обучения в школе и другие «инородцы», если они жили по соседству с татарскими селениями и владели татарским языком[33].

В первом классе все усилия сосредоточивались на религиозном воспитании учащихся. В старшем, не упуская из виду религиозно-воспитательных целей начальной школы, они направлялись на усвоение детьми русского языка. В младшем классе языком обучения был «инородческий» язык, а в старшем — русский[34].

Крещено-татарская школа с первых же дней поддерживалась Министерством народного просвещения и Синодом.

Деятельность Ильминского по просвещению «инородцев» была неразрывно связана с деятельностью попечителя казанского учебного округа И. Д. Шестакова. И. Д. Шестаков относился к числу главных защитников этой системы в Казанском учебном округе. Он написал по этому поводу целый ряд статей, работ, а с 1864 года взял крещено-татарскую школу под свое покровительство[35].

Эта система привлекала внимание Синода, Министерства народного просвещения и самого Александра II, который в 1871 году посетил эту школу и заявил на собрании родителей: «Я

очень рад, что Ваши дети учатся здесь, и уверен, что они будут хорошими христианами»[36]. Посещение школы царем свидетельствует о том, что правительство придавало ей большое значение.

Об этом же говорят и источники финансирования школы: от императорского дома 500 руб., от Синода —700 руб., Министерства народного просвещения —1000 руб., «Братства святого Гурия» и от православного миссионерского общества — по 1000 руб.[37].

В первый год в школе обучалось 3 человека, во второй —20, в дальнейшем число учащихся продолжало увеличиваться. В 1912 году в ней обучалось 186 учеников и учениц[38].

У системы Ильминского были и противники—русское духовенство. Однако у него были, как уже выше отмечали, и влиятельные сторонники: К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой — самые крупные фигуры «очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия»[39]. Так, К. П. Победоносцев в своих письмах к Н. И. Ильминскому писал: «Соглашаюсь... с Вашим взглядом на миссионерское дело и приветствую Ваши почтенные труды и Ваших сотрудников... Замечания на Ваши труды о. Смелова помимо их привязчивости отмечают прежде всего непонимание важности церковного чтения и богослужения на инородческом языке... так как статья Ваша о преподавании церковно-славянского языка встречена Деляновым с большим сочувствием и предназначена к напечатанию в журнале Министерства народного просвещения...

Стоило бы Вам позаботиться собрать Ваши статьи и статейки, в разное время напечатанные, из коих многия и в продажу не поступали. Этот сборник весьма полезен, особливо в наше смутное время. Без сомнения нашлись бы средства для напечатания, о чем я хлопотал бы... ибо наиболее важным, необходимым стимулом всякого государственного образования и обучения наукам и грамотности... представляют изучение догматов религии, так как никто и ничто не может поколебать основного значения религии,— увековечивающей государственный строй»[10].

В 1866 году министр народного просвещения граф Д. А. Толстой инспектировал Казанский учебный округ и после проверки объявил, что «народы восточной окраины Российской империи— калмыки, киргизы, мордва, чуваши, черемисы и татары — дики, невежественны, а посему нуждаются в цивилизации путем просвещения». В этом же году в своей речи, произнесенной в Казанском университете, он призвал положить начало просвещению «инородцев» Востока «совокупным действием веры и науки». Вскоре после этого выступления была создана специальная комиссия, которой предлагалось обсудить систему Ильминского, как важнейший государственный вопрос[41]. Особый комитет, созданный в 1866 году в Казани, предложил ввести ее во всех школах нерусских народов. И, наконец, после рассмотрения в

Совете министра народного просвещения 2 февраля 1870 года система Ильминского была принята и 26 марта 1870 года узаконена циркуляром «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»[42]. В постановлении указывалось, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть народное наречие его, а учителя народных школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и притом хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответственным инородческим наречием, для подготовки таких учителей предлагалось учредить учительскую семинарию на 240 человек — пополам из русских и инородцев главнейших племен: мордвы, черемис, чуваш, вотяков и крещеных татар»[43].

В дальнейшем система Ильминского вошла составной частью в «правила об образовании инородцев», дополненные в 1906 и 1907 годах, а по духовному ведомству — в циркуляр училищного Совета от 29 мая 1899 года за № 2965, утвержденным определением Синода. И в очень скором времени после утверждения этой системы — через какие-нибудь 5—10 лет — Ильминский уже имел много своих последователей[44].

По словам Ильминского, миссионерские школы нового типа должны были восполнить недостаток христианского влияния на нерусских детей со стороны семьи. «Так как инородческая семья не предоставляет никаких условий к христианскому воспитанию, то эту воспитательную миссию по отношению к инородцам должна принять на себя школа, а именно первоначальная школа, построенная на особых началах применительно к инородцам»[45]. Ильминский всегда заботился, чтобы «основа христианства в школе стала полным достоянием инородческих детей, воплотилась в их жизнь и потом передалась незаметно родителям»[46].

Главными учебными предметами в крещено-татарской и других миссионерских школах явились закон божий, молитва, священная история, краткий катехизис, религиозно-нравственные книги и церковное пение[47].

Чтение и преподавание вначале велось на родном языке, а затем ученики, постепенно упражняясь, переходили на русский. Один из помощников Ильминского в организации этих школ профессор Казанской духовной академии М. Машанов свидетельствует: «Во всех братских школах характер обучения был строго религиозный и обучение инородческих детей начиналось всегда на их родном языке. Отступления от этого, зависевшие от неправильной постановки учебного дела учителем, были крайне редки и пресекались, лишь только бывали замечены»[48].

Крещено-татарская школа просуществовала свыше 50 лет. За это время в ней обучалось 4 449 мальчиков и 1 887 девочек; из них получили звание учителя соответственно: 409—220 человек, священниками стали 167, диаконами — 30 и псаломщиками — 45 человек[49]. Все они получили места в «инородческих» школах и приходских церквях.

Воспитанникам центральной крещено-татарской школы, в какой бы должности они ни находились, вменялось в обязанность вести миссионерскую деятельность среди местного населения, практически осуществлять задачу сохранения и закрепления формально крещенных «инородцев» в православии путем ознакомления их с христианским вероучением и превращения из формально крещенных в истинно верующих. Иначе говоря, они должны были осуществлять русификаторскую политику царизма, вести борьбу с влиянием мусульманства и язычества.

Центральная крещено-татарская школа была связана с учрежденным в 1867 году при Казанском кафедральном соборе и являвшимся филиалом Московского миссионерского общества «Братством святого Гурия», который также занимался практическим осуществлением системы Ильминского.

«Братство» имело своей целью содействовать сохранению, закреплению крещеных «инородцев» в православии посредством перевода и издания богослужебных, религиозно-нравственных и учебных книг на языках нерусских народов и организации миссионерских начальных школ в нерусских селах Казанского края[50].

С тех пор история развития Казанской школы, как и других братских инородческих школ, ежегодно стала вноситься в отчеты «Братства»[51].

Это был боевой миссионерский и обрусительный центр края. Руководили новым обществом архиерей и губернатор, в члены были привлечены наиболее консервативные купцы, вроде миллионера Шетинина.

В 1868 году при «Братстве святого Гурия» по предложению Ильминского была учреждена переводческая комиссия для распространения среди «инородцев» книг религиозного содержания на их родных языках. За 18 лет своего существования она напечатала 846 280 экземпляров книг вероучительного и нравоучительного содержания на 14 языках[52].

26 октября 1872 года была открыта Казанская учительская семинария[53].

Ильминский с особенной обстоятельностью изложил идеи о инородческом просвещении народов Поволжья в своей речи при открытии Казанской учительской семинарии, своего рода публичной защите своей системы. Он выразил убеждение в том, что «сближение инородцев с русскими можно достичь только через христианство, в котором нет различия между иудеем и язычеством, рабом и свободным, а все одно во Христе»[54].

В год открытия учительская семинария состояла из одного первого класса, в составе которого было 50 казенных воспитанников и 7 стипендиатов Чистопольской волости Казанской губернии. В их числе не было ни одного ученика мордвина.

Так как учительская семинария готовила учителей для сельских школ, в нее преимущественно принимались дети крестьян

после окончания ими уездных, духовных, сельских начальных училищ и крещено-татарской школы[55].

В 1873 году, во второй год работы учительской семинарии, в первый класс было принято 57 человек[56], из них русских — 28, крещено-татар — 8, чуваш — 11, черемис — 8, мордвы — 1, вотяков — 1 человек.

В 1874 году для подготовки детей сельских сословий для поступления в учительскую семинарию были открыты при семинарии особые «приготовительные» классы»[57]. Принимались сюда мальчики из бедных крестьянских семей в возрасте от 15 до 17 лет сроком на один или два года[58].

С 1874 года в учительской семинарии постепенно начали открывать начальные инородческие школы: чувашскую, черемисскую[59].

В отчете о состоянии Казанской учительской семинарии за 1876 год встречаются документы, в которых говорится о желательном открытии, кроме чувашской, черемисской, и мордовской начальной школы[60]. Мордовская начальная школа при семинарии была открыта 8 ноября 1876 года. Учителем в эту школу был определен окончивший в 1876 году полный курс семинарии Аксентий Юртов[61].

В 1877 году был открыт «приготовительный» класс для мордвы. В 1878 году в него был принят сын мордовского крестьянина М. Е. Евсевьев[62], впоследствии видный мордовский ученый-просветитель.

С 1872 по 1904 год семинарию окончили 906 человек, в том числе[63]: русские — 473 человека, чуваши — 126, татары — 104, черемисы — 88, мордва — 75, вотяки — 40.

К этому времени в Симбирске была организована центральная чувашская школа, готовившая учителей начальных чувашских школ, в которой воспитывались чуваши Казанской, Симбирской, Вятской, Самарской и других губерний. Учредителем этой школы являлся чуваш И. Я. Яковлев[64].

На мордовском, черемисском, вотякском и других языках готовились кадры в основном для новой системы Ильминского только при Казанской учительской семинарии.

Начиная с конца 60-х годов в нерусских селах стали открываться начальные школы, где вели преподавание воспитанники Казанской учительской семинарии, центральной крещено-татарской школы и Симбирской центральной чувашской школы[65].

Ввиду миссионерского направления школы давали только элементарную грамотность как на родном, так и на русском языке. Основное внимание учителей сосредоточивалось на религиозно-воспитательное направление. «В школах учителя устраивали хоры, которыми и содействовали проникновению христианских идей в сердца учеников. Они с утра до вечера толковали детям закон божий. Все прочие предметы в первые годы существования школ имели второстепенное значение»[66].

Кроме этих школ «Братство святого Гурия» в целях расширения своей миссионерской и русификаторской деятельности стало создавать среди народов Поволжья «братские» школы. В них принимались главным образом дети крестьян. В отчете «Братства» за 1869 год говорится, что «направление братских школ с самого начала постоянно было христианско-воспитательным»[67].

Первая «братская» школа для мордвы была открыта в 1883 году в селе Казарно-Юртикулинске Спасского уезда[68]. С 1883 по 1892 год для мордвы было открыто восемь таких школ, в которых обучалось 289 учащихся[69].

Для того чтобы лучше направлять работу школ, «Братство святого Гурия» открывало кратковременные курсы для инородческих учителей при соответствующих училищах[70].

26 января 1870 года в Москве был открыт Совет православного миссионерского общества[71]. Основная цель названного общества была направлена на содействие православным миссиям в деле закрепления мордвы и других нерусских народов в православии, издании книг, приспособленных к духовным потребностям инородцев[72].

Совет православного миссионерского общества стал открывать епархиальные братства на Среднем Поволжье. Эти церковные братства имели своей главной целью содействовать распространению и утверждению религиозно-нравственного просвещения нерусских народов в духе православной церкви[73]. Средством для достижения этой цели служили, прежде всего, церковноприходские школы и школы грамоты. Этот путь признавался братствами по многим причинам одним из самых верных и надежных. Во-первых, православное духовенство, исходя из развития стремления народов к образованию, старалось использовать эти учреждения в своих целях. Во-вторых, духовенство путем преподнесения любви к православной церкви добивалось доверия и уважения христианской религии.

В третьих, русское духовенство не видело в этих школах принижения христианства, так как преподавание в них велось на русском языке.

Ввиду важного значения церковно-приходских школ в насаждении христианства церковные «братства» прилагали все усилия для их развития и распространения среди нерусских народов Поволжья. Духовенство ходатайствовало перед земством об открытии школ. Открывало их само на свои средства, снабжало школы учебными принадлежностями и т. д. Церковноприходские школы в мордовских приходах играли, по мнению «братств», весьма важную роль в ослаблении перехода мордвы от православия к язычеству. Поэтому они всемерно поддерживались ими денежными пособиями. Например, в 1887—1888 отчетном году Пензенское просветительное Иннокентиевское братство выдало пособие следующим школам: деревни Мордовские

Пашаты Краснослободского уезда—90 рублей, из них 70 рублей на жалование учителю и 20 рублей на учительские пособия; села Новая Толковка этого же уезда—100 рублей[74].

В Пензенской епархии в 1887/88 учебном году было 110 церковно-приходских школ и 13 школ грамоты, в том числе 50 церковно-приходских школ и 5 школ грамоты были в уездах, вошедших в состав Мордовии. По уездам они соответственно распределялись так: в Инсарском—16 и 1, Саранском—11 и 2, Краснослободском—10 и 1 и в Наровчатском—13 и 1.

Все эти школы были одноклассными. В них обучалось 3657 учащихся мужского и 454 женского пола[75].

Особенно важным считало духовенство привлечение в школы девочек, так как через них сильнее было влияние школы на семью, «ибо женщина по преимуществу есть воспитательница молодого поколения, она кладет в него первые семена знания. Мужчине в семье некогда заниматься обучением детей грамоте и религии — это дело матери, сестры, тетки — вообще женщины»[76]. Женских церковно-приходских школ за 1887/88 учебный год было три, остальные были смешанные[77].

В 1875 году в Совете православного миссионерского общества обсуждался вопрос о преобразовании существующей с 1868 года в Казани при «Братстве святого Гурия» переводческой комиссии. В 1876 году она была утверждена с целью развития и упрочения переводческого дела и, главным образом, для составления богослужебных книг на «инородческом» языке[78].

Поэтому существовавшая до этого времени при Совете «Братства святого Гурия» комиссия была центром инородческих переводов и получила щедрые денежные средства от православного миссионерского общества (4000 рублей в год)[79].

Н. И. Ильминский стал одним из самых деятельных ее членов и первым председателем. Переводы составлялись отчасти самими членами комиссии, отчасти преподавателями и учащимися Казанской учительской семинарии и Казанской крещено-татарской школы[80].

Мордовские переводы составлялись сотрудником мордовской переводческой комиссии, наставником учительской семинарии мордвином М. Е. Евсевьевым[81].

За время с 1862 по 1891 год было выпущено более 136 богослужебных книг, учебников и руководств, в том числе: на татарском языке 49, на чувашском 40, на черемисском 25, на вотском 12.

Издание богослужебных книг на мордовском языке началось после открытия переводческой комиссии. Ею с 1876 по 1891 год было напечатано 11 названий книг[82]. Среди них: «Евангелие от Матфея» (на мокшанском наречии)—1 200 экземпляров (1879), «Священная книга Ветхого и Нового завета» (на эрзянском наречии)—1 200 экземпляров (1880), «Главные церковные праздники»

(на эрзянском наречии)—2 400 экземпляров (1881), «Евангелие от Матфея» (на эрзянском наречии)—2400 экземпляров (1882). В 1882 году переводческая комиссия выпустила в свет «Обзор мордовской народной словесности» (выпуск 1-й), «Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии»—800 экземпляров; в 1883 году—«Образ мордовской народной словесности» (выпуск 2-ой)—800 экземпляров. На мордовский язык были переведены рассказы из русской истории—100 экземпляров, главные праздники (30 экземпляров); в 1884 году—«Чин исповедования», «Букварь для мордвы-эрзи»—1200 экземпляров[83]; в 1889 году—«Евангелие Луки» (1 200 экземпляров); в 1890 году—«Молитвы и церковные песни» (1 000 экземпляров)[84]; в 1892—букварь для эрзи (1 200 экземпляров); первоначальный учебник русского языка для эрзи и букварь для мокши. В 1895 году было переведено на мордовский язык (эрзянский) объявление о переписи[85].

С 1893 по 1899 год под председательством М. Машанова было напечатано 256 названий книг священных, богослужебных и учебных[86]: на татарском языке—57, на русском—25, на чувашском—115, на мордовском—12, на вятском—20 и на черемисском—27.

Благодаря всем этим мерам дело христианизации мордвы шагнуло значительно вперед. Были созданы кадры для проведения в жизнь русификаторской политики царизма. Все школы, созданные по системе Ильминского для «инородцев», были проникнуты идеями христианизации, русификации и монархизма. Всю систему Ильминского пронизывало православие и самодержавие. Один из наиболее активных руководителей миссионерских организаций чиновник Синода В. Скворцов на третьем Всероссийском миссионерском съезде в Казани (1897 году) заявил, что «...Русское государство, православие и самодержавие, все это так органически тесно связано между собой, что все вопросы веры и церкви у нас на православной Руси в то же время суть и вопросы государственные»[87].

Распространение среди народов Поволжья православной грамоты проводилось с таким расчетом, чтобы она не стала очагом развития среди них светского образования. Проводники идей Ильминского в жизни говорили, что когда в литературе немало книг, «исполненных учений материалистических и отрицательных, светское школьное образование открывает доступ к таким книгам»[88]. Поэтому миссионерская деятельность сопровождалась полицейско-административным надзором.

Но несмотря на все усилия самодержавия и православной церкви во внедрении религиозной идеологии, мордва и другие нерусские народы Поволжья находили себе опору и защиту в лице русского народа и его передовых представителей. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, петрашевцы, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов были искренними друзьями всех этих народов.

Какие же изменения произошли в культуре, в быту и в хозяйстве мордвы в результате системы Н. Ильминского?

Епархиальные церковные братства, в частности «Братство святого Гурия», основное внимание сосредоточили на составлении и переводе книг религиозного содержания на мордовский и другие нерусские языки и совсем не уделяли внимания вопросам создания национальной литературы по медицине, агрономии и т. д.

Однако при этом нужно учитывать и то обстоятельство, что система Ильминского была связана со школами, с письменностью, с подготовкой учителей через специальные заведения, с подготовкой национальной интеллигенции, хотя это никак не входило в планы царизма. Часть национальной интеллигенции — например Макар Евсевьевич Евсевьев — выдающийся мордовский ученый, просветитель, автор многих научных трудов по языку, фольклору и этнографии мордвы — явилась проводником передовых идей в среду мордовского народа.

В то же время у мордвы в результате внедрения системы Ильминского окончательно исчезла боязнь «русского» и русской культуры, а это облегчало совместную борьбу русского и мордовского народов за свержение самодержавия. В этом главная причина того, что в годы реакции началось гонение против системы Ильминского.

Царизм, видя, что система Ильминского начала давать противоположные результаты, принимает меры к ее свертыванию. 14 июня 1913 года были приняты новые правила об «инородческих» учениях, в них было удалено основное содержание системы Ильминского — родной язык учащихся как орудие первоначального обучения в школах национальных меньшинств. Преподавание на родном языке было запрещено. Этим царское правительство стремилось задержать духовный рост народов России, в том числе и мордовского народа.

На территории Мордовского края кроме церковно-приходских школ в пореформенное время было открыто значительное число школ системы Министерства народного просвещения и земских школ. В 1914—1915 годах здесь насчитывалось 787 школ, из них 769 были начальными, в них работало 1 551 учитель[89]. Такого количества школ было явно недостаточно для полного охвата обучением всех детей школьного возраста. Школы были поставлены под постоянный контроль церковнослужителей. Главным лицом в них были священники, преподававшие закон божий. Они считали основной задачей школы «религиозное воспитание детей, так как семейная обстановка, гражданские обычаи и общественные нравы, по их взглядам, не всегда благоприятствуют правильному религиозному воспитанию, даже церковные учреждения, когда они понимаются неверно или односторонне, могут неблагоприятно действовать на религиозное воспитание юношества»[90]. Цели преподавания закона божия

в начальных школах священники видели не только в том, чтобы «дети выучили как можно больше молитв, знали все подробно св. историю и т. д., но и в укреплении религиозно-нравственного чувства учащихся и приведении их к исповеданию бога не устами только, но и сердцем, возбудить живую и деятельную любовь к богу»[91].

Для этих целей служили в то же время действующие в дореволюционной Мордовии храмы, монастыри и молитвенные дома (754 — почти столько же, сколько начальных школ), количество духовенства которых превышало количество учителей более чем в три раза[92]. Православное духовенство, являвшееся, по выражению В. И. Ленина, «... жандармами во Христе, с темными инквизиторами...»[93], стремилось воспитать из мордвы покорный и послушный царизму народ. Оно освещало эксплуатацию и угнетение мордовского народа повиновением богу, стремилось отвлечь его от классовой борьбы.

И тем не менее в 70-х годах XIX века священники в своих донесениях о религиозной жизни мордвы отмечали слабую их приверженность к православию. Это видно из сведений приходских церквей по Краснослободскому, Инсарскому, Наровчатскому и другим уездам за 1869 и последующие годы[94].

Священник села Волгапино Краснослободского уезда Андрей Беневосевский писал: «Языческие верования крепко держатся среди мордвы, укрывательством от духовенства соблюдаются как священное наследие их предков. Таковы отправления: а) братчины, во дни св. Троицы, в знак дружелюбия и единства, б) установленных их предками праздников: юртозкс и калдазокс и в) поминовения усопших.

Братчину составляют члены одного рода мужского пола, которые, хотя и не помнят между собой родства, но все-таки считаются родными по преданию. Таковых братчин в селе Волгапино было шесть, в деревне Керетино четыре. Приготовления к празднованию братчин у мордвы начинаются за неделю и более — до троицина дня... Каждая братчина варит пиво, которое представляют в распоряжение одного хозяина, называемого старостой (на моляне).

Обряды, совершаемые при погребении покойников и их поминовении, имеют характер чисто языческий»[95].

В чем же главная причина живучести дохристианских религиозных верований мордвы? Почему христианская религия на протяжении столетий так и не могла полностью вытеснить их? Исчерпывающий ответ на эти вопросы дает этнограф Н. Ф. Мокшин. Он пишет, что ответ на эти вопросы следует искать в общественно-бытовом укладе мордвы. «Все дохристианские религиозные верования и обряды были тесно связаны с окружающим миром, с трудовой и общественной жизнью, чем христианская религия, которая слишком была далека от непосредственных нужд и забот крестьянина, слишком абстрактна. Мордва в

свое время с большой охотой и без всякого принуждения со стороны официальных властей заимствовала, например, многое из дохристианских религиозных верований и обрядов русского народа, и это вполне понятно, так как данные верования и обряды были очень сходны с мордовскими, были приспособлены к хозяйственно-бытовому укладу русского крестьянина, который мало чем отличался от хозяйственно-бытового уклада мордовского крестьянина»[96].

Этим объясняется также попытка мордвы придать своим дохристианским обрядам характер христианских молений. С этой целью они ставили во время отправления своих верований и обрядов иконы[97].

Православные священники понимали в какой-то степени это и способствовали приспособлению мордовских языческих обрядов к христианским вероучениям и обрядам. Любопытно в этом отношении высказывание архиепископа Казанского и Симбирского Филарета, который в 1829 году писал: «Я прочил священникам так действовать, чтобы вместо суеверных жертвоприношений стараться возможно приучать их к святым и освещающим и наставляющим церкви нашея обрядам и даже так, чтобы не изменить ни места для священнослужителей — например: они при начале сеяния приносят жертву, почему же и священнику не отслужить молебна со святыми иконами на открытом поле?— и тому подобное. Такой образ действования мне представляется единственным средством к применению их суеверных обычаев на святые обычаи веры»[98].

Как шло приспособление мордовских обрядов и верований к христианской религии, свидетельствуют следующие примеры.

Священник Русанов писал о мордве-эрзе Саранского уезда: «В день моляна мордва предварительно слушает божественную литургию, затем со священнослужителями совершает крестный ход в поле на родник, где, смотря на состояние погоды, бывает молебное пение с водосвящением о ниспослании засохшей земле дождя, или же если время стоит хорошее, то благодарный молебн за великие к ним милости божия»[99].

Видоизменение языческих обрядов и обычаев, приспособление их к христианской религии получили большое распространение в Краснослободском, Инсарском, Саранском и других уездах.

В Краснослободском и Инсарском уездах едва ли не самым главным и важным считался молян, совершившийся мордвою этих уездов в праздник троицы и отличавшийся наибольшею сложностью и торжественностью[100].

В приходе села Волгапино праздновались братчины. Во время празднования этого языческого праздника участвовали и церковнослужители этого прихода, которые при стечении народа отправляли молебное пение с водоосвящением, окропляли принесенное пиво для распива в 1-й день троицы, зажигали

свечи на второй день троицы. На третий день священники не приглашались. В этот день покупалась водка и выбирали старосту на следующий год, передавали ему свечу и икону[101].

Таким образом, итогом приспособления языческих обрядов и обычаев к христианской религии явилось возникновение комплекса верований и обрядов, включавших элементы как дохристианского, так и христианского вероисповеданий. Об этом писал и В. О. Ключевский: «Мордовские праздники, большие моляны, приурочивались к русским народным или церковным празднествам: семику, троицыну дню, рождеству, Новому году»[102]. Например, верховный бог христианской религии получил имя дохристианского бога мордвы. Иисус Христос стал называться шкаем, шкабавазом (по-мокшански), Нишке пазом (по-эрзянски). Мордовские языческие божества постепенно были отождествлены с христианскими. Мордовские божества грома (Пурьгине паз) и молнии (Ендол паз) православное духовенство приспособило к христианскому празднику Ильи Пророка. По поводу приспособления этих божеств к христианскому празднику священник Яков Русанов писал, что «во всех селах, населенных мордвою-эрзею, Пензенской епархии Саранского уезда и Симбирской епархии Карсунского, Ардатовского и Алатырского уездов, каждогодно, в четверток после духова дня или около этого времени, совершают молян. Этот молян есть не что иное, как остаток языческого праздника мордвы, отправляемого в честь грозных явлений природы: грома и молнии, которые мордвою до принятия ими веры христианской почитались за могущественные божества.

Уважение к сему моляну у мордвы так велико, что они по принятии веры православной не оставили оный: это обстоятельство позволило тому, что православная церковь признала этот языческий праздник и изменила языческое значение и форму оного на христианския»[103].

Большой интерес представляет празднование пасхи. Основное содержание одного из главнейших праздников христианской религии мордва свела к поминовению предков, прося содействия предков хорошему урожайному году и т. д.

«На последней день пасхальной недели мордва молятся о благотворности лета и урожае хлеба. Для этого собираются поселками или предками вне села, или за гумны, кому куда удобнее»,— сообщал священник села Мамолаева в Краснослободское духовное правление. Он писал: «Из каждого двора приносят пива, вина, говядины, яиц и каши. И вот одна из женщин (преимущественно старуха), известная способностью излагать свои молитвы, берет продукты из блюд и молится на восток при зажженной свече. Потом закусывает и передает другим для мольбы. Начатие и окончание моляна ознаменовывается одним или несколькими ружейными выстрелами. Мордва вкладывает в молян смысл — провожание Христа»[104].

Языческие религиозные верования и обряды перешли и на другие христианские праздники, но христианские праздники не были восприняты «полно», а подвергались видоизменению со стороны мордвы»[105].

Постепенно у мордвы появились иконы, на кладбищах намогильные срубы были заменены крестами, изменились дохристианские представления о загробном мире, как, например, тонаши (мокшанское) и тоначи (эрзянское) смешались с христианскими представлениями о рае и аде.

У мордвы из всех языческих обрядов более всего сохранили остатки язычества погребальный и поминальный обряды[106]. Но и при погребении покойников не обошлось без влияния православия. Например, во время похорон православная церковь совершает отпевание покойника, этот ритуал православной церкви стал практиковаться и у мордвы[107].

Так постепенно возникли своеобразные формы мордовского варианта христианской обрядности, которые в таком виде выглядели до Великой Октябрьской социалистической революции.

Чем же объяснить сохранение языческих и христианских верований и обрядов у мордвы до 1917 года? Почему язычество оказалось одним из наиболее живучих пережитков? На эти вопросы следует искать ответы в социальных корнях религии.

В. И. Ленин писал: «Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист... Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах — это корни главным образом *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма...— вот в чем самый глубокий современный корень религии»[108].

Однако же и в условиях придавленности мордовского народа гнетом эксплуатации в связи с ростом производительных сил, опыта и знаний в сознании мордвы зрели реалистические взгляды на явления природы и общества. Это подтверждается мордовским фольклором, где мы находим произведения, в которых выступает критическое отношение мордвы к религии. Так, в песне мифологического характера «Нармунесь паро лебедсь» («Птица хорошая лебедь») лебедь, посланный богом Нишке посмотреть, как живут на земле люди, спрашивает бедного крестьянина, почему он не молится богу. Крестьянин дает ему такой ответ:

Мейс монень озномс пазонтень,
Мейс сюконякшномс
Нишкентень!

Монень пазось а лезды.
Нишкесь паро а теи...[109]
(Зачем мне молиться богу,
Зачем поклоняться Нишке!
Бог мне не делает добра,
Нишке мне не помогает.)

В песне «Уцяскань явшема» («Раздача счастья») атеистические мотивы выражены еще отчетливее. В ней обнаруживается понимание ею классовой сущности религии и бога. Они выступают защитниками интересов богачей.

В песне бог, делящий счастье, богачам дает его половниками, беднякам — чаркою, бедным сиротам — кончиком ложки, а молодого эрзянского парня вообще не наделяет им. Когда парень выразил ему свое недовольство, бог обещал и его наделить счастьем, но тем, иронизирует песня, которым каждой осенью их наделяет царь.

Иля аварде, уроске,
Иля мялявто, од цёра!
Мон максан тонеть уцяска,
Мон максан тонеть часия:
Сёксень читнень самосто,
Туят, уроске, солдатокс![110]
(Ты не плачь, сиротинушка.
Ты не горюй, парень!
Я дам тебе счастье,
Я дам тебе долю.
С приходом осенних дней
Пойдешь ты, сирота, в солдаты.)

В ходе классовой борьбы, которая велась угнетенными с угнетателями, росла классовая сознательность трудящихся, способствующая отходу наиболее передовой их части от религии. Как уже отмечалось выше, отход от религии в условиях придавленности мордовского народа гнетом эксплуатации выражается в упадке влияния религии на мордву, в понимании все более широкими кругами верующих явления природы и общества.

В. И. Ленин утверждал, что революционная критика, активное участие в классовой борьбе способствуют освобождению сознания рабочих от влияния религии. В статье «Об отношении рабочей партии к религии» он писал: «Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии...»[111]

Однако в условиях эксплуатации человека человеком полный и окончательный отход всех трудящихся от религии не был возможен. Только победа Великой Октябрьской социалистической революции навсегда освободила мордовский народ, как и другие народы России, от экономического, политического и от духовного гнета, она подорвала социальные корни религии, привела к тому, что большинство советских людей вышло из-под гнета религиозной идеологии, встало на путь научно-материалистического миропонимания.

---

[1] А. Можаровский. Изложение хода миссионерского дела по просвещению Казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М., 1880, стр. 2.

[2] П. Э. Знаменский. На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892.

[3] П. В. Денисов. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1559; Н. Ф. Мокшин. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 87 («Братство святого Гурия» было открыто в 1867 году в Казани).

[5] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2143, лл. 1—12; д. 2144, лл. 1—54.—«Пензенские епархиальные ведомости», 1870, № 16, неоф. часть, стр. 522.

[6] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2143, л. 4.

[7] Там же, л. 5.

[8] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2144, л. 19.

[9] Там же, л. 22—24.

[10] Там же, л. 10.

[11] «Пензенские епархиальные ведомости», 1868, № 1, неоф. часть, стр. 21.

[12] Н. И. Ильминский. Система просвещения инородцев. Казань, 1913, стр. 35.

[13] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 62.

[14] Там же, л. 63.

[15] Там же, л. 16.

[16] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1. д. 192, л. 16.

[17] Там же, л. 17, 23.

[18] Там же, л. 17.

[19] Там же, л. 1.

[20] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 1.

[21] Там же.

[22] Там же, ф. 10, оп. 2, д. 1181, л. 138.

[23] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 2.

[24] Там же.

[25] Там же, л. 16.

[26] ЦГА ТАССР, ф. 10, оп. 2, д. 1119, л. 113; ф. 93, оп. 1, д. 420, л. 38; ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 197, лл. 16—17.

[27] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 618, л. 100.

[28] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 197, лл. 16—17.

[29] Там же, л. 17.

[30] Там же, л. 17.

[31] Там же, л. 17.

[32] Там же, д. 192, л. 58.

[33] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 197, л. 58.

[34] Там же, ф. 968, оп. 1, д. 189, л. 4, 43; д. 192, лл. 23—24.

[35] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 197, л. 39—40.

[36] Там же, д. 192, л. 52.

[37] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 420, л. 38; ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 58; д. 197, л. 9. Отчет «Братства святого Гурия» за двадцать первый братский год (4 окт. 1887—4 окт. 1888 гг.). Казань, 1888, стр. 23.

[38] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 63.

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 43.

[40] ЦГИА СССР, ф. 1574, оп. 1, д. 146; лл. 6—8; ф. 797, оп. 94, д. 256, лл. 20—27.

[41] М. Машанов. Обзор деятельности «Братства святого Гурия». Казань, 1892, стр. 8.

[42] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, лл. 25—26, 30; д. 197, л. 8.

[43] Там же, д. 192, лл. 3, 26, 30; д. 196, л. 45.

[44] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 3.

[45] Н. И. Ильминский. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892, стр. 46—47.

[46] ЦГА ТАССР, ф. 10, оп. 2, д. 1181, л. 138; ф. 968, оп. 1, д. 192, л.27.

[47] П. Знаменский. Указ. соч., стр. 165.

[48] М. Машанов. Указ. соч., стр. 63.

[49] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, лл. 62—63.

[50] Там же, д. 196, л. 31; д. 192, л. 29; ф. 10, оп. 2, д. 1273, л. 199.

[51] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 192, л. 60—61.

[52] Там же, ф. 10, оп. 2, д. 1273, л. 200.

[53] Там же, ф. 93, оп. 1, д. 17, л. 1; д. 375, л. 4.

[54] Там же, ф. 968, оп. 1, д. 197, л. 18.

[55] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 17, л. 1.

[56] Там же, л. 17.

[57] Там же, ф. 93, оп. 1, д. 53, лл. 1—8.

[58] Там же, лл. 3—8.

[59] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 180, л. 8.

[60] Там же, ф. 93, оп. 1, д. 17, л. 93.

[61] Там же, д. 82, л. 2.

[62] Там же, д. 124, л. 27.

[63] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 201, л. 14.

[64] Там же, д. 180, лл. 8—9.

[65] Там же, д. 80, л. 13.

[66] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 618, л. 2.

[67] М. Машанов. Указ. соч., стр. 56.

[68] Отчет «Братства святого Гурия». Казань, 1888, стр. 2.

[69] М. Машанов. Указ. соч., стр. 72—75. Цит. по работе Н. Ф. Мокшина. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968, стр. 126—127.

[70] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 618, л. 7.

[71] Отчет православного миссионерского общества за 1903 (XXXIV его существования) год, М., 1904, стр. 1.

[72] «Пензенские епархиальные ведомости», 1889, № 18, неоф. часть, стр. 3. См. также: Отчет православного миссионерского общества за 1903 (XXXIV его существования) год. М., 1904, стр. 2—3.

[73] Там же, стр. 3—4.

[74] «Пензенские епархиальные ведомости», № 18, неоф. часть, стр. 8.

[75] Там же, 1888, № 24, неоф. часть, стр. 16—17.

[76] «Пензенские епархиальные ведомости», 1889, № 18, неоф. часть, стр. 7.

[77] Там же, 1888, № 24, стр. 16.

[78] ЦГА ТАССР, ф. 10, оп. 2, д. 1273, л. 199; ф. 968, оп. 1, д. 196, л. 32.

[79] Там же, ф. 968, оп. 1, д. 196, л. 32.

[80] Там же, д. 201, л. 22.

[81] Там же, л. 36.

[82] ЦГА ТАССР, ф. 968, оп. 1, д. 201, лл. 23—24, 27.

[83] Отчет «Братства св. Гурия» за двадцать первый братский год (4 окт. 1887—4 окт. 1888 гг.) Казань, 1888, стр. 63—64.

[84] ЦГА ТАССР, ф. 93, оп. 1, д. 128, л. 267.

[85] Там же, ф. 10, оп, 2, д. 1273, л. 20; ф. 93, оп. 1, д. 540, л. 35.

[86] Там же, ф. 968, оп. 1, д. 201, лл. 27—28.

[87] В. Скворцов. Деяние третьего Всероссийского миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и расколо-сектантства. Киев, 1897, стр. 26.

[88] Православный собеседник, 1893, приложение, стр. 176.

[89] А. Л. Киселев. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959, стр. 55.

[90] «Пензенские епархиальные ведомости», 1874, № 2, неоф. часть, стр. 67.

[91] ГАПО, ф. 182. оп. 1, д. 1243, л. 3. См. также «Пензенские епархиальные ведомости», 1874, № 3, неоф. часть, стр. 9.

[92] Н. Ф. Мокшин. Указ. соч., стр. 128.

[93] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 22.

[94] ГАПО, ф. 182, оп. 1, дд. 2143, 2144.

[95] Там же, д. 2144, лл. 22—23.

[96] Н. Ф. Мокшин. Указ. раб., стр. 129.

[97] «Пензенские епархиальные ведомости», 1875, № 7, неоф. часть, стр. 1—2.

[98] А. Можаровский. Указ. раб., стр. 183.

[99] «Пензенские епархиальные ведомости», 1875, № 7, неоф. часть, стр. 2.

[100] Там же, № 4, стр. 3—6.

[101] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2144, лл. 22—23.

[102] В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1. М., 1956, стр. 305.

[103] «Пензенские епархиальные ведомости», 1868, № 1, неоф. часть, стр. 21.

[104] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2144, лл. 3—4.

[105] «Пензенские епархиальные ведомости», 1875, № 7, неоф. часть, стр. 1—2.

[106] ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2143, лл. 11—12; д. 2144, л. 24.

[107] А. Н. Минх. Народные обычаи, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. ЗИРГО по отделению этнографии, т. XIX, вып. II. СПб., 1890, стр. 134.

[108] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418—419.

[109] Устно-поэтическое творчество мордовского народа (составитель Л. С. Кавтаськин), т. 1, Саранск, 1963, № 9.

[110] Там же.

[111] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416.

В. П. ТУМАЙКИН

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ МОРДВОЙ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ (XVIII—XIX вв.)

В конце XIX века на территории Самарской губернии проживало 2 751 336 душ обоего пола, из них 238 598 мордвы[1]. Это был один из самых густонаселенных мордвой районов левобережья Средней Волги. Мордовское население по численности занимало второе место после русского.

Процесс заселения мордвой Самарской губернии в XVIII—XIX веках до сих пор остается малоизученной проблемой. Из дореволюционной литературы этому вопросу посвящена лишь работа М. Гребнева[2], который сделал первую попытку освещения истории появления мордвы на этой территории. Однако в ней имеется ряд недостатков. Во-первых, совершенно неправдоподобно утверждение автора о том, что «мордва в Самарский край переселялась на первых порах под предводительством своих князей»[3]. В действительности же мордва переселялась в этот край под руководством выборных лиц или уполномоченных, которые составляли от имени переселенческой группы прошения, знакомились с местом заселения и при возвращении отчитывались перед своими односельчанами. Время возникновения того или иного мордовского поселения автор определял лишь по времени постройки церквей, не привлекая никаких других источников. Поэтому сомнительна точность определения времени образования поселений, данная М. Гребневым. Например, он считает, что деревня Пискалы Ставропольского уезда появилась в первой четверти XIX века[4], хотя фактически она существовала уже в первой половине XVIII века. В 1747 году во время второй ревизии в ней было зарегистрировано 50 душ мужского пола.[5]

В работе П. А. Преображенского[6] наряду с общей характеристикой заселения края приводится ряд сведений о мордовских переселенцах. Историю возникновения отдельных мордовских поселений автор излагает со слов старожилов. Но в ней очень слаба источниковедческая база.

Наибольшую ценность по исследуемому вопросу представляют статьи В. И. Козлова[7], в которых анализируется динамика численности населения, особенности миграций и условия расселения мордвы в различных районах страны, в том числе и в Самарской губернии.

Основными источниками для написания данной статьи явились архивные материалы, извлеченные из Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Государственного архива Куйбышевской области (ГАКО), списков населенных мест Самарской губернии за 1859[8] и 1897[9] годы, списков инородческих селений Казанского учебного округа[10] и сборников статистических сведений по Самарской губернии[11].

Все эти материалы дали возможность автору в какой-то степени воссоздать историю заселения мордвой Самарской губернии.

* * *

В конце XIX века мордва жила в 24 губерниях Российской империи. Положение ее было тяжелым. Трудящиеся массы мордовского народа подвергались эксплуатации не только со стороны своих «собственных», но и русских помещиков и капиталистов. Такое явление обусловливалось той системой социально-экономического и политического угнетения, которую проводил царизм и господствующие классы по отношению к нерусскому населению.

Насильственный захват мордовских земель монастырями и русскими помещиками-крепостниками, а также усиление феодального гнета были главными причинами переселения мордовского крестьянства в Заволжье. «Если в описываемое время тяжело приходилось русскому человеку в низших слоях служилого и неслужилого сословий,— отмечал Г. Перетяткович,— то инородческому населению при тех же условиях приходилось еще тяжелее. Разность языка и веры ставила инородца в особое положение в глазах быть может не одних воевод, но и вообще русского народа. Вследствие этого воеводы и другие служилые люди в своих вымогательствах и насилиях относительно инородцев ещё менее стеснялись, чем по отношению к русскому православному населению»[12]. Особой жестокостью в первой половине XVIII века отличался Пензенский воевода Жуков. По его приказу денщики хватали мордовских крестьян и приводили в город. Там их держали по восемь и более месяцев, пока не получали от родственников взятки деньгами, лисицами, медом. Заставлял без всякой платы за труд косить сено и возить его в свой воеводский дом[13]. От воеводы не отставали и офицеры, которые приезжали в мордовские деревни с большими командами для покупки лошадей. Они заставляли крестьян кормить солдат, отбирали фураж для лошадей и т. д.

Все это вызывало чувство ненависти к правительству и к представителям местной власти. Достаточно было какого-либо повода, и мордва вступала в открытую, иногда явно безнадежную и отчаянную борьбу.

Важной причиной в усилении миграции мордвы из коренных мест ее обитания явилось также насильственное обращение в христианскую веру. Распространение христианства среди мордвы было поставлено на повестку дня сразу же после присоединения к Москве Казанского царства. С этой же целью основывались монастыри на мордовских землях.

Несмотря на некоторые льготы, представляющиеся новокрещеным, мордва старалась всячески уклониться от крещения. Некрещеную мордву приводили к крещению «не через проповеди слова божия, но совершенным разорением, а именно: окна и двери рубили, печи и трубы ломали, били плетьми без всякого милосердия и сему подобные дела делали, что с монашеским и священным чином ни мало не согласно»[14].

Особое усердие в миссионерской деятельности среди эрзи проявили монастыри, основанные при Иване Грозном: Спасский в Арзамасе и Троицкий в Алатыре. Выведенная из терпения жестокостью и вымогательствами миссионеров, мордва утопила в Суре одного за другим двух архимандритов Троицкого монастыря, а третьего сбросила с монастырской башни, разогнала «братию», разгромила монастырское хозяйство, отобрала жалованные царские грамоты на монастырские вотчины и захватила землю.

Такой же насильственный характер христианизации среди мокши носила деятельность Пурдошанского и Никольско-Черниевского монастырей, которые в 1618 году были разрушены и прекратили свою «просветительную» работу[15].

В XVIII столетии продолжалось усиление крепостнической эксплуатации. Налоги тяжелым бременем ложились на плечи трудового народа. Чтобы выявить число налогоплательщиков, в 1718—1719 годах была проведена перепись населения, известная под названием Первой ревизии. Внесенные в ревизские сказки мордовские поселения должны были доставлять в казну с каждой ревизской души определенную денежную подать.

Кроме тех податей и повинностей, которые мордва несла наравне с русским населением, на нее была возложена особая повинность: мордовские поселения были приписаны к «работам корабельных лесов». 31 января 1718 года был издан указ Петра I, которым повелевалось: «к рубке, теске и возке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ брать на работу Казанской, Нижегородской и Азовской губерний, а также Симбирского уезда служилых мурз, татар, мордву и чуваш, без заплаты вместо тех, которые высылались с них на работы в Петергоф, с наличного числа, которые явятся в этих местах по новым переписным книгам»[16].

Еще тяжелее были условия жизни той части мордовского населения, которая испытала на себе гнет крепостного права. В шестидесятых годах XVIII века получила большое развитие хлебная торговля. Цены на хлеб по сравнению с началом столетия возросли почти вдвое. Помещики всячески старались выкачать как можно больше доходов из своих поместий. Они увеличивали барщину, облагали крестьян непосильным денежным оброком. Правительство покрывало бесчинство помещиков.

В 1765 году Екатерина II подписала указ, по которому помещик без всякого суда и следствия мог ссылать крестьян на каторгу. В августе 1767 года она расширила этот указ: всякий крестьянин, подавший жалобу на помещика, рассматривался как бунтовщик и подлежал наказанию кнутом и ссылке на каторжные работы. Крепостное право было доведено до крайнего предела. «На практике,— писал В. И. Ленин,— как вы знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»[17].

С середины XIX века Россия вступила в новый период своей истории — период капитализма. Отменой крепостного права были подорваны все главные основы барщинной системы хозяйства[18]. Однако эта реформа не улучшила положение крестьян, так как «освободители» *так* повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»[19].

Проникновение капитализма в земледелие вело к быстрому классовому расслоению крестьянства, к образованию значительной массы крестьян-бедняков, частично или полностью оторванных от средств производства. В этих слоях крестьянства с особой силой возникает стремление уладить свои экономические трудности путем переселения. В отличие от стран Западной Европы, где крестьяне пополняли армию пролетариата, в России миграция крестьянского населения была направлена в районы с большими пространствами свободных и пригодных для земледелия земель.

Первые сведения о проникновении мордвы на левобережье Волги относятся к середине XIV века. Речь идет о бортном ухожае на луговой стороне, бывшем сначала в пользовании мордвы деревни Уреня Казанского уезда, а затем мордвы деревни Бахилова Самарского уезда. При межевании этих мест в 1690 году в доказательство своих прав на ухожай и связанные с ним сенные покосы мордва представила два документа: жалованную грамоту Казанского хана Сафая 1358 года и оброчную грамоту Бориса Годунова 1600 года. Место ухожая определялось показанием мордвы о том, что «живут они от тех сенных покосов на нагорной стороне в четырех верстах, а за Волгою в луговой стороне в верховом ухожае бывают наездом. А около де тех

сенных покосов и бортного верхового ухожая жителей русских и мордвы на луговой стороне никого нет»[20].

На основании этого документа можно предполагать, что мордва вначале расселялась на правобережье Волги, имея на противоположном берегу лишь бортные ухожаи и участки для сенокосов. Позднее она стала там обрабатывать землю, хотя на первых порах, возможно, только «наездом». Дело в том, что на этой территории обитали кочевые группы калмыков и башкир, которые своими набегами на возникавшие поселения серьезно препятствовали хозяйственному освоению земель левобережья. Однако они не могли полностью приостановить колонизацию этого края. Вслед за первыми пионерами-колонистами чувашами и мордвой в XVII веке в Самарский край потянулись русские «гулящие» люди, но не в одиночку, а небольшими общинами[21].

Увеличение русского населения в левобережье вызвало необходимость создания надежных укреплений. Правительство само уже было заинтересовано в освоении этих плодородных земель, т. к. ухудшение качества земли в районах, издавна использовавшихся в сельском хозяйстве, уменьшение урожайности, а вместе с тем и сокращение сбора с крестьян различных налогов и поборов вызывали тревогу у правительственных чиновников.

Строительство Закамской укрепленной линии началось с лета 1652 года и было закончено в 1656 году. Линия проходила северо-западнее Самарской губернии, от Белого Яра и до Мензелинска.

В 1702 году началось строительство новой укрепленной линии, которая пролегла значительно южнее первой. Она проходила в 25 километрах к востоку от Самары (крепость Алексеевск), шла на северо-восток к Красному Яру и по реке Сок к Сергиевску, затем к Кондурчинской крепости и реке Черемшану. За Кичуем эта линия у Шешминска соединилась со старой Закамской чертой. В 1736 году приступили к сооружению еще одной линии укреплений, проходившей от Самары на юго-восток к Оренбургу. Здесь были построены крепости: Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и позднее Тевлекев Брод, или Новосергиевская[22].

Строительство укрепленных линий в XVII—начале XVIII века в известной степени обезопасило Заволжские земли от набегов кочевников и дало толчок к интенсивной как помещичьей, так и вольной колонизации.

Переселение государственных крестьян имело некоторые особенности по сравнению с помещичьими. Первые переселялись в основном с разрешения местных властей. Собиралось несколько семей или даже вся деревня, как это сделали жители д. Мордомасовки Пензенского уезда Узинского стана[23], избирали из своей среды одного выборного и составляли прошение в свою

провинциальную канцелярию о дозволении им переселиться в ту или иную деревню на левобережье Средней Волги. Туда они посылали предварительно своих ходоков, которые приносили письменное заверение в том, что «той деревни обыватели желают принять нас на жительство... и в хлебопахотной земле и протчия угодья недостатка не последует...»[24] Эту бумагу направляли в ту канцелярию, под ведомством которой находилась намеченная ими деревня. Получив разрешение на переселение с указанием всех лиц, желающих переселиться, они направлялись на левобережье.

Помещичьи же крестьяне, убегая от своих владельцев, «самовольно захватывали «пустошные» земли и селились «по рекам и лесам» хуторами»[25]. Некоторые из них были переведены сюда своими владельцами. Например, жители деревни Мордовской Бирли Ставропольского уезда Самарской губернии, которые находились во владении Московского Новодевичьего монастыря, были переселены из деревни Бектяшки Симбирского уезда[26]. Часть мордовских крестьян деревни Бесовки того же уезда была переведена из Нижегородского и Казанского уездов[27]. В 1739 году было отменено запрещение покупать башкирские земли, и с этого времени заселение края пошло еще интенсивнее.

Мордовские переселенцы шли обычно в первых рядах, увлекаемые общим потоком колонистов из Поволжья. М. Гребнев отмечал, что «об этих первых поселениях не сохранилось никаких указаний, язычники ли они были, или христиане, и как переселялись в Самарский край — неизвестно»[28]. На основе архивных и других материалов, обнаруженных мною, можно в некоторой степени раскрыть этот вопрос.

В конце XVII — начале XVIII века мордва переселялась в Самарский край некрещеной. По материалам первой ревизии (1718—1719 гг.), в Ставропольском уезде было всего 16 крещеных инородцев мужского пола (татар, мордвы и чуваш), а некрещеных было 2 310 душ мужского пола, из которых 568 было мордвы[29].

В 1747 году в Ставропольском уезде некрещеной мордвы насчитывалось уже 1 103 человека[30]. Следовательно, число некрещеной мордвы за этот период увеличилось на 883 человека. Естественно, такое увеличение могло произойти в основном только за счет прибытия новых переселенцев. Приток некрещеной мордвы продолжался вплоть до середины XVIII века.

Начиная со второй четверти XVIII века в колонизации этого уезда принимает участие и крещеная мордва. В 1747 году в Ставропольском уезде её насчитывалось уже 1 298 человек мужского пола, а всего мордвы было 2 401 душа мужского пола[31]. В большинстве своем это были государственные крестьяне — 1 913 душ, 418 душ — помещичьи и 64 — монастырские. Шесть человек были приписаны к купеческим цехам и проживали в г. Ставрополе.

Местные власти старались быстрее заселить край, не интересуясь прошлым новых поселенцев. Астраханский губернатор, известный историк и государственный деятель того времени В. Н. Татищев[32], принимал на поселение «вольных», «гулящих» людей, не считая нужным доискиваться, откуда и с чьего позволения они пришли в закамские земли[33].Поэтому население уезда менее чем за 30 лет почти утроилось: с 3 422 душ мужского пола в 1719 году оно возросло до 10 300 душ мужского пола в 1747 году[34]. Мордовское же население увеличилось в 4,2 раза (с 568 до 2 401 души мужского пола)[35].

Мордовские поселения левобережья Волги, за исключением двух помещичьих деревень Бесовки и Малыклы, имели малые размеры. Если учитывать, что в это время еще прочно держались патриархальные устои и отдельные семьи состояли из 30 и более человек[36], а в среднем двор насчитывал 10—13 человек, то величина деревни определялась 10—17 дворами. Такого же размера мордовские поселения были и на коренной территории[37].

Но в Самарской губернии они имели более смешанный характер. Например, в деревне Малыкле наряду с мордвой жили чуваши, русские и башкиры, в деревне Ташле — чуваши, татары и марийцы, в деревне Таибе — чуваши, татары и башкиры.

Мордва не препятствовала поселению в своих деревнях семей другой национальности. Это облегчало в какой-то степени платежи податей. Левобережная мордва платила «куничный и денежный ясак, а именно: за куницу по сороку (сорок.— В. Т.) копеек, подушных по четыре копейки, да на откуп полоненников, который сбор по старине назывался ямским, по пяти копеек, всего по сороку по девяти копеек с двора, сколько б во дворе душ не было»[38]. Эти платежи были намного меньше, чем у мордвы правобережья. Например, ясачная мордва деревни Кочкурово Саранского уезда в 1703 году с каждого двора платила по 1 руб. 38 коп., а после переписи 1704 года она стала платить по 4 руб. 76,5 коп.[39]

В начале третьей четверти XVIII столетия на левобережье Волги, в пределах Самарской губернии, возникает ряд новых мордовских деревень: Новая Афонькина в Бугульминском уезде (образованная переселенцами из деревень Топоржки, Пайкислан, Кутуйкино Пензенского уезда, Киржаман Алатырского уезда, Старое Паркино и Мордовские Тюки Симбирского уезда, села Сузгари Саранского уезда и деревень Войкино, Починки, Боганы, Темя и Кутуши Казанского уезда)[40], Большие Толкаи в Бугурусланском уезде (основана выходцами из деревень Верхние и Нижние Кувалы, Губашево, сёл Кузьмодемьянское (Старый Тешнерь тож), Богородское (Кувал тож) Пензенского уезда и деревни Малые Сызганы (Иштеркино тож) Симбирского уезда)[41], Малые Толкаи (выходцами из деревень Сорокино, Кузоватово, Темирзань и Сулеймыси Симбирского уезда, Алово,

Ст. Шкудимо (Шугурово тож), с. Кузьмодемьянское, Новое Шкудимо Пензенского уезда и деревни Кузьмановки Новочатского уезда)[42], Кирюшкино (выходцами из Симбирского уезда (д. Аркаево, Алешкино, Маклауш, Старое Паркино и Верхние Чимершаны), Пензенского (д. Арапино, Барановка, Сучкино, Сыресево, Шаткино, Осанкино, Новое Шаткино, Нижние Дубровки, Старое Бадаево, Славкино и Новое Шкудимо), Алатырского (д. Низовка, Лобаски, Дубенки, Чукалы и Дюркино), Арзамасского (д. Корино) и Казанского (Починки, Малокремни)[43], Мордовский Бугуруслан (выходцами из деревень Шутилино, Раштайкино, Пауново, Пулково, Найман, Новое Саранкино, Среднее Шкудимо, с. Николаевское (Старое Скопино тож) Пензенского уезда, Козлово Арзамасского, Армидеево Алатырского, Кувалы, Новое Шмалаку Симбирского и деревни Старое Абелейково Ставропольского уезда)[44], деревня Ёга, которую образовали переселенцы из Пензенского уезда деревни Ёга[45]. В Самарском уезде возникает деревня Семейкино (из Пензенского уезда села Архангельского (Ёга тож), деревни Верхние Котмисы и деревни Вязовки)[46].

Кроме чисто мордовских деревень возникает ряд новых поселений со смешанным населением. В деревнях Байтермиш и Нуштаеве Бугурусланского уезда жили мордва и чуваши, в деревнях Казбулатове, Алексеевке Бугульминского уезда — мордва, чуваши и татары.

Всего к 1762 году в Самарской губернии было вновь образовано 15 селений, где проживало 3123 человека мордвы обоего пола (1680 мужчин и 1443 женщины). К 1764 году возникли еще две деревни: Семейкино в Самарском и Резяпкино в Бугульминском уездах.

Особенно быстрое увеличение числа населенных пунктов и жителей в них наблюдается с 1764 по 1798 годы. Так, в Ставропольском уезде за это время количество мордовских деревень увеличилось в 1,5 раза, а жителей в них — в 3,6 раза, в Самарском уезде соответственно в 5 и 11,6 раза, в Бугурусланском в 4,7 и 4,03 раза[47].

В конце XVIII века на территории Бугурусланского уезда насчитывалось 57 деревень, что составляло 50% от всех вновь возникших в уезде (всего в течение XVIII столетия здесь было основано 114 селений)[48], из них 39 были чисто мордовскими, 10 — мордовско-русскими, 3 — мордовско-чувашскими, 2 — мордовско-татарскими, 2— мордовско-русско-чувашско-татарскими и одна — мордовско-чувашско-татарская[49].

Из 39 населенных пунктов, возникших в XVIII веке в Самарском уезде, в 20 жила мордва[50].

Новые поселения образованы в основном вновь переселившимися с правобережья Волги. Некоторые же из них возникли путем разделения. Например, в 1764 году возникла деревня Семейкино с населением в 242 человека (125 мужчин и 117

женщин)[51]. В последующие годы часть жителей выселилась из нее и образовала Новое Семейкино. Аналогичная картина наблюдалась и в Ставропольском уезде. В 1762 году в ревизских сказках числилась одна деревня Санчелеево (Тучеево тож)[52], затем она разделилась на Нижнее Санчелеево и Верхнее Санчелеево.

К концу XVIII века намного расширилась территория расселения мордвы. Она достигла восточной границы Самарской губернии. Полностью были охвачены Ставропольский, Самарский, Бугульминский, Бугурусланский, а также северная часть Бузулукского уездов.

Заселение мордвой левобережья Средней Волги продолжалось и в XIX веке. Однако в колонизации края в это время появились некоторые особенности. Если для XVII—XVIII веков характерно заселение северных уездов, то в первой половине XIX века поток мордовских переселенцев направляется и в южные районы Самарской губернии. Вторая особенность состоит в том, что мордва здесь не образовывала новых селений, а оседала в населенных пунктах, где уже проживало население других национальностей.

Поэтому на такой огромной территории, которую занимали Николаевский и Новоузенский уезды[53], было всего лишь шесть чисто мордовских поселений: деревня Таловка с населением 96 человек обоего пола в Новоузенском уезде[54] и пять в Николаевском уезде (деревни Каменный Брод — 2 194 человека, Дергачевка — 826 человек, село Новый Кушум — 137 человек, Ново-Захаркино — 633 человека и Тепловка — 938 человек)[55]. Всего же к 1859 году в Николаевском уезде насчитывалось 21 поселение, где проживала мордва, которая по численности (7,75%) стояла на третьем месте после русских (76,95%) и немцев (12,06%), а в Новоузенском уезде она занимала последнее место (русские — 38,32%, немцы — 33,51%, украинцы — 20,44%, татары — 3,87% и мордва — 3,86%)[56].

Малочисленность мордвы на этой территории объясняется тем, что переселение в этот далекий край сопровождалось большими трудностями и лишениями. Мордовские крестьяне, привыкшие обрабатывать почву одноконной сохой, приехав сюда, не имели никакого понятия о возделывании земли на 8—10 быках или 5—6 лошадях. К тому же казна вынуждена была к этому времени наделять поселенцев менее удобными, а иногда совершенно безводными землями.

Во время переселения люди сотнями умирали в пути. Переселенцы, вышедшие из Курской губернии, по пути в Николаевский уезд из 1000 похоронили 700 человек. По 12 и более человек в одну могилу клали крестьяне Черниговской губернии, которые в 1846 году поселились в селе Большая Черкасовка этого же уезда[57].

В Новоузенском уезде существовала масса бродячих поселенцев, которые постоянно переходили с одного места на другое. Часть жителей бросала свои наделы и исчезала в неизвестном направлении. Так, по-видимому, поступили мордовские жители села Савинки и деревни Чистый Плес. По спискам населенных мест за 1859 год эти селения значились как мордовские, а в 1869 году здесь уже не было ни одной мордовской семьи.

Мордовские переселенцы оставались лишь в тех селах, которые были расположены вблизи водоемов. Все мордовские поселения концентрировались в бассейнах рек Еруслана и Большого Узеня.

Социально-экономические условия миграций мордовского населения, подчиняясь общим закономерностям развития России, имели некоторые особенности. Важным из них было то, что подавляющая масса мордовских крестьян не находилась в крепостной зависимости. Если общая численность крепостных крестьян на территории Европейской России составляла 37,5%, а в губерниях правобережья около 50% от численности всех крестьян, то крепостная мордва составляла лишь около 9% от общей численности мордовского крестьянства[58].

Подавляющее большинство мордвы относилось к разряду государственных крестьян и в меньшей степени — к удельным. Поэтому значительные её переселения в районы левобережья Средней Волги следует объяснять ростом относительного аграрного перенаселения и разложением мордовской сельской общины в ходе развития в ней капиталистических отношений.

Хотя мордовская община и обнаружила признаки относительно прочной устойчивости, что затрудняло выход крестьян из неё, она не могла остановить переселенческого движения. Только за первое десятилетие второй половины XIX века число поселений на левобережье Волги, где проживала мордва, увеличилось на 76[59].

В 1869 году в Самарской губернии насчитывалось 144 мордовских селения: 108— русско-мордовских, 6— мордовско-чувашских, 9— русско-мордовско-чувашских, 4— русско-мордовско-татарских, 3 — мордовско-татарских, 3 — русско-мордовско-татарских, 1— русско-мордовско-мещерякское и 1 мордовско-татарско-башкирское.

Мордовское население в Самарской губернии было значительным по численности, но размещалось не компактно, а проживало вперемежку с другими народностями. В 1869 году мордвы было 174 867 человек обоего пола, в том числе в Бугурусланском уезде 58 823 человека, Ставропольском — 29 471, Бугульминском — 27 564, Бузулукском — 24 124, Самарском — 16 693, Николаевском — 15 651 и Новоузенском — 2 541 человек[60].

Общее число мордвы в Самарской губернии должно быть в это время значительно большим, т. к. «... мордва во многих селениях до такой степени обрусела, что совершенно изгладились

следы её племенного происхождения, а потому в настоящее время невозможно получить о них верных численных данных. Для примера можно указать два селения Самарского уезда: Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 000 жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских»[61].

Подобная ассимиляция особенно была заметна там, где мордва жила в близком соседстве с русскими. Поэтому при перечне этнических групп по Самарскому уезду статистическое бюро даже исключило мордву, «так как она в настоящее время почти совершенно утратила свои племенные отличия и вполне ассимилировалась с великорусским элементом»[62].

В результате естественного прироста (1,4%)[63] и за счет переселения из Правобережья, Спасского и Чистопольского уездов Казанской губернии число мордовского населения в Самарской губернии с 1869 по 1897 год увеличилось на 63,7 тыс. человек. По численности мордва стояла на втором месте после русских.

Наибольший прирост мордовского населения наблюдался в Новоузенском и Бузулукском уездах. В первом оно увеличилось на 52% (с 2 541 в 1869 году до 3 818 человек в 1897 году), во втором на 51% (с 24 124 до 36 502). А всего по губернии число мордовских жителей увеличилось на 36%[64].

В 1897 году на территории Самарской губернии насчитывалось 270 населенных пунктов, где проживала мордва. Из них 127 сел, 135 деревень, два хутора, один поселок, два выселка, две слободы и один женский монастырь (Раковский) в Самарском уезде[65].

Величина селений соответствовала географическому расположению уездов. Два уезда (Николаевский и Ставропольский) имели селения с большим числом дворов, чем остальные. Это объясняется тем, что в хорошо орошаемых местностях при обилии лугов население селилось мелкими поселками, в местностях же скудно орошаемых, имеющих обширные степные безводные пространства, население скучивалось вдоль берегов рек в очень крупные поселки. Причина большого процента мелких и средних поселений в Самарском уезде заключалась в принадлежности крестьян к тому или другому разряду. Здесь большинство мелких поселков было населено бывшими помещичьими крестьянами, владевшими подворными земельными участками (из 166 общин с подворным владением по губернии 130 относились к Самарскому уезду)[66], на которые никогда не садились новые поселенцы, здесь никогда не наблюдался приём новых душ на выморочные участки, как это сплошь практиковалось у бывших государственных крестьян.

Значительный приток мордовских переселенцев в Самарскую губернию, особенно в южные уезды, во второй половине XIX века объясняется её сравнительно слабой заселенностью (средняя плотность крестьянского населения по губернии составляла

15,2 души обоего пола на одну кв. версту, а со включением населения прочих сословий и городского населения на ту же единицу площади составляла 19 человек. Статистика признает население данной страны густым, если приходится 40 человек на одну кв. версту)[67].

До «Положения» 1866 года крестьяне имели значительные льготы. Им отводились свободные земли, выдавались денежные пособия от 50 до 100 рублей на семью, в лесистых местах на постройку избы давали по 25—50 бревен, а в степных вместо леса выделялись деньги по 40—50 руб. на двор. Кроме того, все они получали трехлетнюю льготу в отбывании рекрутской повинности и в уплате податей, а в течение следующих трех лет — в уплате половины суммы податей. Некоторые из переселенцев направлялись к месту поселения «по маршруту» на казенных подводах.

После «Положения» 1866 года крестьяне переселялись на свой риск и страх. Отдельные семьи годами вынуждены были ждать нарезки казенных земель или даже возможности ее аренды, пробавляясь временно случайными заработками или нищенством. Из-за куска хлеба нанимались зимой кормить хозяйский скот, а весной пахать землю по 1 руб. 30 коп. с хозяйственной десятины[68]. Обычно только после двенадцатилетней аренды казенной земли получали ее в надел по 8 дес. на душу[69].

Все это, а также частые неурожаи заставляли мордовских крестьян покидать левобережье Волги и направляться в пределы Оренбургской губернии и далее — в Казахстан и в Сибирь.

Особенно тяжелыми для жителей Самарской губернии были 1873, 1891 и 1892 годы. Л. Н. Толстой, живший в 1873 году в деревне Гавриловке Бузулукского уезда, писал: «Проехав по деревням от себя до Бузулука 70 верст и в другую сторону от себя до Борска 70 верст и ещё до Богдановки 70 верст и заезжая по деревням, я, всегда живший в деревне и знающий условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что видел: поля голые там, где сеяны пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно. И это в половине июля! Там, где рожь, поле убрано или убирают пустую солому, которая не возвращает семян; где покосы, там стоят редкие стога, давно убранные, так как сена было в десять раз меньше обычных урожаев, и желтые высохшие места»[70].

Из года в год росли недоимки. В 1873 году по Самарской губернии они составляли 968 484 руб., а в 1883 году—11 565 668 руб. Полицейские власти описывали имущество недоимщиков, уводили со двора последнюю корову, продавали с торгов домашний скарб.

К концу XIX века платежи возросли до громадной цифры и в 1895 году составляли 40 306 008 руб., из них недоимки — 27 412 531 руб. В среднем на один двор налоги и недоимки составляли 110 руб., а на одну душу около 42 руб. Недоимки бед-

няцко-середняцких дворов в 3—4 раза превышали размер налога текущего года[71]. Поэтому начиная с 60-х годов количество выселявшихся семей из Самарской губернии постепенно увеличивалось. Если в 60-е годы выселилось 1 255 семей, то в 70-е уже 2 556[72], а к концу XIX века этот процесс достиг своего кульминационного пункта. Только в пределы Алтайского округа с 1884 по 1898 годы выселилось 11 776 человек обоего пола[73], а число всех выселившихся по губернии составило за это время 398 935 чел. (51 581 семьи)[74].

В 60-е годы мордва выселилась из деревень Мордовских Липяг (в 1859 году было 843 человека, в 1869 году осталось 357), Мордовской Селидьбы (1 011 и 995), села Кобельмы (1 564 и 1 302) и Нового Студенца (496 и 251) Самарского уезда; из села Новой Бесовки (1 749 и 1 359) Ставропольского уезда; из деревень Старого Суркина (237 и 214), Нового Урметьева (380 и 132), Подлесной Андреевки (545 и 393) Бугульминского уезда; из деревни Старой Узели (1 325 и 1 075), села Большой Сурмети (1 253 и 1 047) Бугурусланского уезда[75].

В конце XIX века сокращение населения наблюдается в населенных пунктах Губашеве (в 1869 году 1 368 человек, в 1897 году 832 человека) Самарского уезда, в Старой Куликовке (943 и 785), в Старой Бесовке (2 391 и 1 719) Ставропольского уезда, в Новой Домосейкине (627 и 437) Бугульминского уезда и в других местах[76].

Таким образом, процесс миграции мордовского населения в левобережье Средней Волги шел непрерывно с середины XVII до конца XIX века. Если в 1747 году в 21 населенном пункте была 2 401 душа мужского пола[77], то к концу XIX века — более 230 тыс. обоего пола. По переписи 1897 года в Самарской губернии насчитывалось 238 598 человек мордвы, что составляло 8,7%[78]. По количеству населения мордва занимала второе место в губернии после русских.

В основном она проживала в сельской местности (99,4%), в городах зарегистрировано всего 1 359 человек, что составляло 0,6%[79].

Основными районами заселения мордвой левобережья Средней Волги явились Бугурусланский (80 262 человека), Ставропольский (39 361 человек), Бугульминский (37 498 человек) уезды[80].

Миграция населения играла прогрессивную роль, так как она способствовала хозяйственному освоению свободных окраинных земель. Мордовские переселенцы вложили свою лепту в развитие экономики Самарского края.

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904, стр. 63.

[2] М. Гребнев. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк.— «Самарские епархиальные ведомости», Самара, 1886, №№ 20—23; 1887, №№ 1—2.

[3] М. Гребнев. Указ. раб.— «Самарские епархиальные ведомости», 1886, № 21, стр. 433.

[4] Там же, стр. 436.

[5] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 4264, лл. 391—394 об.

[6] П. А. Преображенский. Колонизация Самарского края. Самара, 1923.

[7] В. И. Козлов. Миграция мордвы в капиталистической России. Записки МНИИЯЛИЭ, № 19. История, археология и этнография. Саранск, 1958. Его же. Расселение мордвы. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960.

[8] Списки населенных мест Российской империи, т. XXXVI, Самарская губерния. СПб., 1864.

[9] Списки населенных мест Самарской губернии. Самара, 1900.

[10] Списки инородческих селений Казанского учебного округа. СПб., 1870.

[11] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. I, Самарский уезд. М., 1883; т. II, Ставропольский уезд. М., 1884; т. III, Бузулукский уезд. Самара, 1885; т. IV, Бугурусланский уезд. Самара, 1886; т. V, Бугульминский уезд. Самара, 1887; т. VI, Николаевский уезд. Самара. 1889; т. VII, Новоузенский уезд. Самара, 1890; Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии; т. VIII, Самара, 1892.

[12] Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Очерк из истории колонизации края. Одесса, 1882, стр. 197.

[13] А. Гераклитов. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М., 1931, стр. 46.

[14] Там же, стр. 91.

[15] Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Под ред. Г. А. Полумордвинова. Пенза, 1927, стр. 39.

[16] Там же.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

[20] А. Гераклитов. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1932, стр. 9.

[21] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1, стр. 9.

[22] Е. П. Бусыгин. Русское сельское население Среднего Поволжья. Изд-во Казанского университета, 1956, стр. 63—64.

[23] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, е. х. 5620, лл. 906—907.

[24] Там же, лл. 385—385 об.

[25] Сборник статистических сведений по Самарской губернии, т. IV. Самара, 1886, стр. 7.

[26] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4264, лл. 171—175.

[27] Там же, лл. 215—251.

[28] М. Гребнев. Указ. раб., стр. 432.

[29] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4264.

[30] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4264, л. 713 об.

[31] Там же.

[32] С 1717 года значительная часть Самарской губернии входила в состав вновь созданной тогда Астраханской губернии.

[33] Е. П. Бусыгин. Указ. раб., стр. 65.

[34] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4264, л. 714.

[35] Подсчитано автором по данным переписной книги г. Ставрополя и Ставропольского уезда (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4264, лл. 171—647 об).

[36] Семья дьячка Чичурина по крещении Тихона Терентьева, проживавшего в деревне Степной Шенгале, в 1762 году насчитывала 52 человека (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. 4265 ,лл. 482—494 об.; в селе Дмитриевском (Малыкла тож) у Первушки Кистаева, по крещении Петра Петрова, она состояла из 31 человека (там же, лл. 251—252) и т. д.

[37] В 1721 году в деревне Малые Чукалы насчитывалось 206 человек мужского пола, в деревне Андреевке —106, в деревне Новое Баево — 75, в деревне Болдасово —99, в деревне Кечушево —45 и т. д.; А. Гераклитов. Алатырская мордва по переписям 1624—1721 гг. Саранск, 1936, стр. 33—48.

[38] П. Рычков. Топография Оренбургская, ч. 1. СПб., 1762, стр. 183.

[39] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 146.

[40] ЦГАДА, ф. 350, ед. 5620, лл. 118—128, 131.

[41] Там же, лл. 194—208, 212.

[42] Там же, лл. 559—560 об., 564—570 об., 570—573 об., 580—585, 595—595 об.

[43] Там же, лл. 362—369, 373—375, 377—388, 390—392.

[44] Там же, лл. 393—394, 397—402, 411—412, 420, 423—424, 426, 428, 430, 433—434.

[45] Там же, лл. 596—598 об., 600—607, 609—611.

[46] Там же, ф. 350, оп. 3, ед. 3011, лл. 549—557.

[47] Подсчитано автором по материалам ЦГАДА. За 1764 год ф. 350, оп. 3, ед. 3011; 4265; 5620. За 1798 год ф. 1355, е. х. 1422, 1430, 1874, 1876.

[48] Сборник статистических сведений по Самарской губернии, т. IV. Самара, 1886, стр. 9.

[49] Подсчитано по материалам ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1876.

[50] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. М., 1883, стр. 10.

[51] ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 3011, лл. 549—557.

[52] Там же, д. 4265, лл. 114 об.—133.

[53] Эти два уезда занимали 49% от всей площади Самарской губернии (Николаевский —22,1%, Новоузенский —26,9%). См.: Списки населенных мест Самарской губ. Самара, 1900, стр. 11.

[54] Списки инородческих селений Казанского учебного округа, стр. 213.

[55] Там же, стр. 210.

[56] Списки населенных мест Российской империи, т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1864, стр. XXXVIII.

[57] Сборник статистических сведений по Самарской губернии, т. VI. Самара, 1889, стр. 12.

России — Плехановым. «Если мы спросим себя, кто из русских историков оказал на Плеханова большее влияние, то одно из самых первых мест в ряду имен будет принадлежать Василию Осиповичу Ключевскому. Вся работа Плеханова пронизана изучением Ключевского... Можно встретить даже отдельные главы, ему посвященные»[3].

Выяснение отношения Ключевского к вопросу о своеобразии истории нашей страны представляет определенный научный интерес. Автор данной статьи, не претендуя на полноту раскрытия темы, в меру своих возможностей делает попытку осветить позицию Ключевского по данной проблеме.

Большинство дореволюционных буржуазных исследователей отрицало наличие в истории России феодальных общественных отношений и видело в этом главную черту самобытности русской истории по сравнению с западноевропейской, поэтому есть необходимость выяснить отношение Ключевского к этому вопросу.

В удельном периоде истории нашей страны произошли изменения, которые способствовали установлению новых общественных отношений. На Верхней Волге старый быт расстроился, «общество расплывалось или распадалось на мелкие местные миры; каждый уходил в свой тесный земляческий уголок»[4]. Государство в новых условиях не остается в своем прежнем состоянии, «оно также распадается на мелкие тела»[5]. В западноевропейских странах вышеназванные изменения были предвестником феодализма, а у нас они послужили основой удельной системы. Социально-политические отношения удельного периода во многом напоминали черты феодализма стран европейского Запада, но, по мнению В. О. Ключевского, на Руси во взаимоотношениях бояр и вольных слуг к удельному князю недоставало двух особенностей феодализма: 1) «соединения служебных отношений с поземельными и 2) наследственности тех и других»[6].

В общественных отношениях удельного порядка В. О. Ключевский видел феодальный момент «только в юридическом значении удельного князя», который был государем и верховным собственником земли. В этом отношении «удельный князь похож на сеньора, но его бояре и слуги вольные совсем не вассалы»[7]. Отрицая наличие феодализма на Руси, Ключевский вместе с тем неоднократно указывал на те черты общественных отношений удельного времени, которые напоминали феодальный строй Западной Европы.

В воззрениях Ключевского нельзя не обратить внимания на то, какое значение отводил он монастырской колонизации, которая, по его словам, «придала особый характер целому веку нашей истории»[8]. Этот процесс интересен сам по себе и в том отношении, что он невольно наталкивает на вопрос: «Как могло случиться, что общества людей, отрекавшихся от мира и всех его благ, явились у нас обладателями обширных земельных богатств»[9].

Выявляя причины «пустынного движения», Ключевский говорил, что чисто материальные общественные условия древней Руси действовали здесь под аскетическими формами. Отшельники, подобно богатырям наших песен, были освоителями девственных дремучих лесов России. Они медленно и трудно развивали жизнь среди суровой обстановки, знакомя почву с земледельческим трудом и другими ремеслами. С развитием монастырского движения на северо-востоке России появляются крупные монастыри, как Троицкий, Соловецкий и другие, которые «были значительными крепостями, хорошо вооруженными, ... где монастырь был государем. Такие монастыри больше всего напоминали собой феодальные замки»[10].

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевский указывает на «признаки сходства» и «сходные элементы» между удельной системой и феодальными общественными отношениями Западной Европы. Но социальный строй удельного периода в России, в понимании историка, имел под собой совершенно другую социальную базу — «подвижное сельское население». При рассмотрении воззрений Ключевского по данной проблеме нельзя обойти позицию его учителя С. М. Соловьева. Коренное отличие русского исторического процесса от западноевропейского Соловьев объяснял природными условиями России, считая, что на Западе «в камне свили свои гнезда западные мужи и оттуда владели мужиками», что там на Западе, «все прочно, все определенно, благодаря камню»[11]. Раскрывая особенности географических условий России, Соловьев подчеркивает, что у нас нет камня, на русской земле все ровно. «Здесь мужам негде вить себе каменных гнезд, не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому, беспредельному пространству»[12]. Непрочность и текучесть общественного состава удельной России Соловьев поясняет природными особенностями нашего отечества. «Построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такою легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжкой подати, от дурного воеводы и подьячего»[13].

Подобно своему учителю С. М. Соловьеву Ключевский был привязан к географическому детерминизму. Эта привязанность не позволила ему выйти на более широкие обобщения и послужила основой для подтверждения своей точки зрения о коренном отличии истории России от стран европейского Запада. Отсутствие феодальных отношений в истории нашей страны Ключевский доказывал природными условиями России, предопределившими подвижный характер русских людей, «не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые»[14]. Русская равнина с ее лесами, пожары деревянных построек, по мнению историка, обусловили «переселенческую бродячесть» русского народа.

Небезынтересны суждения Г. В. Плеханова по данной проблеме, которые, по-видимому, сложились под влиянием Ключевского. В полемике с В. И. Лениным о характере русского феодализма, который убеждал Плеханова в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе, Плеханов возражал, подчеркивая, «что сходства в этом случае не больше, чем между «российским Вольтером-Сумароковым» и настоящим французским Вольтером»[15].

Зарождение поместной системы Ключевский объясняет не экономическими причинами, а расширением территории Московского государства. Увеличение пограничной полосы России, указывает историк, способствовало изменению характера службы слуг, она перестает быть вольной и становится обязательной. Забота об охране границ государства содействовала стиранию различий между дворцовой и военной службами, которые резко отделялись в удельные века, эти рода служб сливаются, теряют юридическое различие[16].

Земля в руках правительства постепенно становится «основанием системы народной обороны»[17]. Участки теперь стали даваться за исполнение своих служебных обязанностей по принципу: кто служит, тот и должен иметь землю. Помимо всего, утверждает Ключевский, «в XVI веке дворянская служба становится сословной и наследственной повинностью»[18]. Военная обязанность в служилых семьях распространялась на всех наследников: «Достигнув призывного возраста, сын — на коня защищать отечество, дочь — под венец готовить резерв защитников»[19].

«Отступление» вотчины перед поместьем, по социологической схеме В. О. Ключевского, способствовало закрепощению служилого класса. Это положение из социологических воззрений историка перекочевало к Плеханову. Сравнивая общественно-политический строй Московского государства со строем западноевропейских стран, мыслитель писал: «Государство это отличалось от западных тем, что закрепостило себе не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс ... и это его закрепощение,— может быть, еще большее, нежели закрепощение крестьянства,— уподобляет общественно-политический строй Московской Руси строю великих восточных деспотий[20].

Связывая возникновение поместной системы с военными нуждами Московской Руси, Ключевский вместе с тем не умалчивает о тех процессах, которые происходили в экономической жизни Русского государства. Служилые князья и бояре заинтересованы были в умножении своей земельной собственности. Ключевский отмечает, что «в этом движении участвовали не одни государственные расчеты московского правительства, но и хозяйственные побуждения самих служилых землевладельцев»[21]. В связи с географическими открытиями и развитием товарно-денежных отношений в странах Западной Европы Рос-

сия все больше втягивается в торговые отношения с ними. Революционная деятельность ростовщика способствовала обратному процессу; перерастанию поместий в вотчины, о чем многократно говорил Ключевский.

Об этом факте упоминает и Г. В. Плеханов. Во введении к «Истории русской общественной мысли» он пишет: «Уже в XVII веке поместья постепенно сливались с вотчинами»[22]. Стоит сожалеть о том, что Плеханов из этого не делает никаких выводов. Напротив, он обосновывает свой тезис о национализации земли в Московской Руси, который послужил для него ключом к Востоку в объяснении путей исторического развития России.

Несмотря на то, что Ключевский считал возникновение поместной системы плодом государственного творчества, в то же время ни единым словом не упоминает о национализации земли, наоборот, дает диаграмму распределения крестьянских дворов между различными видами землевладения[23], которая служит подтверждением социальной дифференциации, вызванной естественным ходом экономического развития Московского государства во второй половине XVI и начале XVII века. При описании положения служилого дворянства, в руках которого находилось $^2/_3$ земли, Ключевский говорит о любопытном явлении. Он писал: «Развитие поместного землевладения создало в служилой среде слой, прежде незаметный, который можно назвать служилым землевладельческим пролетариатом»[24].

На IV объединительном съезде РСДРП в дискуссии вокруг аграрной программы В. И. Ленин в полемике с Г. В. Плехановым не без основания обращается к В. О. Ключевскому, опровергая констатацию Плеханова о национализации земли в Московском государстве. Он утверждал, что «говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится,— сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др.»[25].

Рост поместного и монастырского землевладения, настоятельное развитие товарно-денежных отношений способствовали увеличению повинностей и усилению эксплуатации. «Пока господствует рабство,— писал Маркс,— или прибавочный труд съедается феодалами и их челядью и они попадают под власть ростовщичества, способ производства остается тот же, только он становится более суровым»[26]. Объединенные усилия вотчинника и монастыря, помещика и новоявленного купца под эгидой всемогущего государя подрывали ту основу, на которой зиждилось благополучие Русского государства, и подготовляли предпосылки для ожесточенной классовой борьбы.

Исследователи В. О. Ключевского упрекают его за то, что он не даёт желаемого описания или не делает тех обобщений, которых бы следовало ожидать.

Мы считаем это не вполне правомерным: Ключевский строго последователен в своем повествовании. Хочется отметить, однако, особенность его творческого наследия в плане описания

крестьянских войн в России: они действительно показаны силуэтно.

Главными причинами Смутного времени Ключевский считает пресечение династии в истории русского монархического государства и ухудшение положения трудового народа, которое он объяснял задачами внешней политики. «Едва ли в истории какой-либо другой страны,— отмечал Ключевский,— влияние международного положения государства на его внутренний строй было более могущественно»[27]. С усилением эксплуатации возрастало недовольство низших классов общества. Ключевский объективно подчеркивал последствия крепостной петли, которая была накинута на шею русского крестьянства и пагубно сказалась на общественном организме России. В то время, когда в ряде стран Западной Европы приступили к разрешению крестьянского вопроса, в законодательстве Русского государства не было ни единого параграфа, ограничивающего произвол душевладельцев.

Если в древней Руси Ключевский отрицал наличие элементов восточного деспотизма, то в период новой истории он заявлял: «Робкое бессилие перед порядком при безграничной власти над лицами, чем отличались у нас все правительства этой эпохи,— это обычная особенность государств восточно-азиатской конструкции хотя бы с европейски украшенным фасадом»[28]. Прав был Ключевский, когда подчеркивал, что «такая школа гражданственности могла воспитать только пугачевца, или работника-автомата»[29].

Показывая позитивные стороны русского общества, В. О. Ключевский не скрывает классового антагонизма, вылившегося в эпоху крестьянских войн в отечественной истории. Останавливаясь на народном восстании под предводительством С. Разина, он писал: «Огромный мятеж Разина, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»[30].

Будучи сторонником «гармонического» и «мирного» развития общества Ключевский называл незаконными выступления крестьян, считая виновником всенародного пожара правительство, которое не могло вовремя предупредить пугачевский бунт «посредством правомерного определения отношений к земле»[31]. Наряду с этим он справедливо отмечает ограниченность крестьянских войн, останавливаясь на тех недостатках, которые мешали достижению желаемых результатов. Основным пороком национально-освободительного движения в России Ключевский считает приоритет экономических требований над политическими. Останавливаясь на характеристике крестьянского движения, он подчеркивал: «Политические стремления этих классов совсем неясны; да едва ли и можно предполагать у них что-либо похожее на политическую мысль. Они добивались в Смуте не

какого-либо нового государственного порядка, а просто только выхода из своего тяжелого положения, искали личных льгот...»[32]

Несмотря на свою стихийность и распыленность, крестьянские войны имели немаловажное значение в русской истории, ибо они расшатывали устои феодального способа производства и будили мысль о благоустроенном обществе. В. И. Ленин писал: «И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие... начинали... чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью...»[33]

В. Г. Плеханов противопоставлял крестьянские войны в России освободительной борьбе третьего сословия западных стран, подчеркивая её революционный характер тем, что «она подготовляла торжество нового способа производства... а протест казаков исторически был бесплоден»[34]. В. О. Ключевский, сожалея о разрушительных последствиях крестьянских войн, не отворачивается от действительности в их оценке. «Смутное время,— по его мнению,— можно назвать поворотной эпохой в нашей истории»[35].

Являясь сторонником «мирного развития» общества, Ключевский вместе с тем давал высокую оценку крестьянским выступлениям в отечественной истории. Вопреки своей классовой принадлежности он отмечал, что выступление низов под предводительством Пугачева «несло с собой идею законной власти против екатерининской узурпации с её пособниками-дворянами»[36]. Бури народных мятежей, замечал Ключевский, оказали ощутимое влияние на народные массы, ибо они «утратили политическую выносливость» и перестали быть «безропотным и послушным орудием в руках правительства»[37]. Подчеркивая неустроенность общественного строя, базирующегося на крепостной неволе, историк констатировал: «Если бы народ терпеливо вынес такой порядок, Россия выбыла бы из числа европейских стран»[38].

Независимо от своей противоречивой позиции в оценке освободительного движения В. О. Ключевский не считает бесплодными выступления народа против господ и отводит классовой борьбе должное место в живой действительности русской истории.

В. О. Ключевский придавал большое значение дискуссии между славянофилами и западниками о судьбах исторического развития России. Он подчеркивал научную и методологическую важность вопроса об отношении России к европейскому Западу. В 1892 году он писал: «... освобождаясь от полемической горячки... патриотическая оборона русской жизни превращалась в спокойное сравнительное изучение русской истории, а такое изучение побуждало искать законов местной народной истории и тем приучало понимать закономерность общего исторического процесса»[39]. Эти два течения первоначально возникли,

указывал Ключевский, в головах тех, кто пережил смутную эпоху. Классовая борьба в России показала несостоятельность и неусовершенство общественного порядка, и поэтому появляется необходимость оглянуться по сторонам и остановить свой взор на странах Запада.

Выяснив причину возникновения обоих течений в русской общественной мысли, Ключевский останавливается на особенности каждого из них. Западникам, писал он, присуща «дисциплина мысли, любовь к точному изучению, уважение к научному знанию», а славянофилам — «широкая размашистость идей, бодрая вера в народные силы и та струйка лирической диалектики, которая так мило прикрывала в них промахи логики и прорехи эрудиции»[40]. Свобода от всякого догматизма в оценке общественных явлений позволила Ключевскому выявить долю истины в каждом из течений. Признавая превосходство культурного развития стран буржуазного Запада, он не страшился говорить об отсталости России и с научной добросовестностью вскрывал причины ее отставания. Успехи Западной Европы были обусловлены тем, что там благодаря географическим открытиям и техническим изобретениям открылся широкий простор для народного труда, который способствовал развитию производительных сил политической централизации, а в целом — установлению буржуазных общественных отношений.

Отставание России в области экономической и духовной жизни от западноевропейских стран Ключевский связывает с татаро-монгольским нашествием и международным положением Русского государства. «Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживал этот напор азиатов... спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации[41].

Преобразования Петра I он не считал уязвлением патриотического чувства русских и потому давал высокую оценку пореформенному периоду. «Рядом с земледелием, остающимся главной производительной силой государства, является с возрастающим значением в народном хозяйстве и промышленность обрабатывающая, заводско-фабричная, поднимающая нетронутые дотоле естественные богатства страны»[42].

В развитии промышленности В. О. Ключевский подобно другим социологам придерживался взгляда о превосходстве крупных предприятий над мелкими и был сторонником консолидации капиталов и промышленных сил для их успешного развития. В научном творчестве ученого нельзя не обратить внимание на то, что он больше говорит не столько о развитии капитализма, сколько о тех причинах, которые тормозили его развитие в России.

Ключевский многократно констатировал, что крепостная си-

стема всячески тормозила развитие производительных сил страны и вредно отразилась на естественно-географическом распределении земледельческого и промышленного труда, так как основная производительная сила русского государства — крепостной люд — была частной собственностью помещичьего класса. Названные последствия крепостного строя явились главной причиной медленного роста городского населения и городской промышленности. Безграничная широта помещичьей власти над крепостными душами и гарантия в любое время выжать со всех своих подданных столько, сколько необходимо было для удовлетворения потребностей душевладельцев, порождало равнодушие к техническим новшествам и сельскохозяйственным знаниям.

Вопрос об общине явился стержневым в проблеме исторических путей России. Общину В. О. Ключевский не считает исконным явлением русской жизни; его суждение о ее происхождении соприкасается с одним из представителей, а впоследствии главы «государственной школы» — Б. Н. Чичериным. «Наша поземельная община,— писал Ключевский,— как известно, самая поздняя в мире и создана чисто искусственно без всякого участия — действительного или фиктивного — традиций кровного родства; её создали в XVII веке две чисто политические силы: помещик — крепостной владелец и дьяк финансового управления»[43]. Особенностями, в которых выражалось основное начало общины, Ключевский считает: 1) обязательную уравнительность наделов; 2) строго сословное значение общины и 3) круговую поруку[44], отсюда «обязательный труд и принудительная разверстка земли по наличным рабочим силам»[45]. Соприкосновение со взглядами Б. Н. Чичерина не помешало Ключевскому рассмотреть общину в её динамике и правильно заметить происходившие в ней процессы. Если славянофилы считали общинное устройство основой своеобразия русского исторического процесса и аргументировали его незыблемость при всех переменах в социально-экономических отношениях, то Ключевский видел внутреннее расслоение и социальные противоречия, раздиравшие русскую общину. «Увеличение населения,— писал ученый,— сильно уменьшило земельные наделы крестьян и уронило раздробленные хозяйства, обессилив их. Неизбежные переделы лишают крестьянина главного стимула хорошей обработки, прочности использования, уверенности в будущем»[46].

Замечая трещины внутри сельской общины, Ключевский говорил о том, что правительство всячески стремилось поддержать её, так как община и круговая порука служили «средством обеспечения податной исправности сельских обществ»[47]. Вследствие внешних препятствий, созданных искусственным вмешательством государства в судьбы общины, в ней не создалась свобода труда, затруднено было деление больших обществ на меньшие, а также не было устранено правило безвозмездного

выхода из неё. При выходе из общества уходящий формально оставался членом общины и всегда мог претендовать на продукт из общего участка. Помимо всего община лишалась просвещенного члена, так как получивший образование крестьянин должен был выйти из неё. «Без этих тормозов,— писал Ключевский,— община, возможно, подвинула бы равномерное развитие и оздоровление народа»[48].

Будучи западником Ключевский вместе с тем возлагал немалые надежды на роль общины в судьбах русского народа и тем самым соприкасался со славянофилами. Говоря о развитии капитализма и его разрушительном действии на русскую общину, Ключевский писал: «Понятно, что новым людям, предпринимателям и аферистам не может прийтись по нутру община, затрудняющая их эксплуатацию»[49]. Находят полное подтверждение мысли А. И. Герцена, который славянофилов и западников «сравнивал с двуликим Янусом или двуглавым орлом с одним сердцем»[50].

Появление подворного владения на праве собственности подготовляло наступление на общую землю и раскололо сельские общины на противоположные классы. В. О. Ключевский дает убедительную картину всевозрастающей экономической и социальной дифференциации сельских обществ. Он писал: «... от общины отпадают снизу многие её члены, поступающие в ряды безземельного пролетариата, без иного достояния кроме труда рук своих, а с другой стороны, над общиною выстраивается ряд мелких землевладельцев»[51]. Историк указывал, что крестьянство не является однородною группою населения вследствие раскола сельской общины на «деловитых и безземельную массу»[52].

В своем научном творчестве В. О. Ключевский большое внимание уделил крепостному праву, которое называл «великим позором русского государства», «костью, которую грызли все классы русского общества». Поэтому обнародование Положения 19 февраля 1861 года об отмене крепостной неволи он считал важным законодательством, определившим собою развитие всех сфер жизни Российского государства. Характеризуя сущность реформы, он писал, что отмена крепостного права не нарушила общественную безопасность и не пошатнула устои государственного порядка, «не нарушив революционным образом ничьего права»[53]. Высоко оценивая значение реформы, Ключевский вместе с тем указывает на её узость и ограниченность. Он не без тревоги подмечал, что «... развитие освобожденного народного труда запуталось столькими узлами, что наша экономическая будущность остается под сомнением»[54].

В своих социологических воззрениях В. О. Ключевский подчеркивал закономерность общего исторического процесса, но его привязанность к географическому детерминизму способствовала его настоятельной констатации своеобразия русской ис-

тории, поскольку под влиянием природы страны «наше общество строилось по-своему». Вместе с тем взгляды мыслителя по проблеме своеобразия русского исторического процесса занимают важное место в истории русской общественной мысли на пути от географического детерминизма к историческому материализму.

---

[1] В. О. Ключевский. Соч. в 8-ми т. Т. 8. М., Соцэкономиздат, 1956—1959, стр. 354, 358.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 147.

[3] М. В. Нечкина. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922, стр. 155.

[4] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 352.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 360.

[7] Там же, стр. 361.

[8] Там же, т. 2, стр. 245.

[9] Там же.

[10] Отдел рукописных фондов Института истории Академии наук СССР. Фонд 4, оп. 1, д. 124.

[11] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., Соцэкономиздат, 1965, стр. 46.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 71.

[15] Ленинский сборник. М.—Л., 1924, т. 2, стр. 93.

[16] В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 220.

[17] Там же, стр. 215.

[18] Там же, стр. 226.

[19] Там же, стр. 227.

[20] Г. В. Плеханов. Соч., т. XX. М.—Л., 1925, стр. 88, 78.

[21] В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 232.

[22] Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 107—108.

[23] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 232.

[24] Там же, т. 2, стр. 237.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 14.

[26] К. Маркс. Капитал. Т. 3, стр. 405.

[27] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 12.

[28] В. О. Ключевский. Соч., т. 4, стр. 332.

[29] Там же, стр. 329.

[30] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 240.

[31] В. О. Ключевский. Соч., т. 5, стр. 181.

[32] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 48.

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

[34] Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, стр. 104—105.

[35] Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, стр. 66.

[36] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 14.

[37] Там же, стр. 89.

[38] Там же, стр. 14.

[39] В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 156.

[40] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 261.

[41] В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 397—398.

[42] В. О. Ключевский. Соч., т. 3, стр. 7.

[43] В. О. Ключевский. Методология истории. Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[44] В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 298.

[45] Там же, стр. 300.

[46] В. О. Ключевский. Краткое пособие по русской истории. Владимир, 1907, стр. 175.

[47] В. О. Ключевский. Соч., т. 2, стр. 299.

[48] В. О. Ключевский. Краткое пособие по русской истории, стр. 175.

[49] Отдел рукописных фондов ИИАН СССР, оп. 1, д. 70.

[50] А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли.— «Вопросы философии», 1966, № 6, стр. 124.

[51] В. О. Ключевский. Краткое пособие по русской истории, стр. 175.

[52] Там же, стр. 175—176.

[53] В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 109.

[54] Там же.

Н. Д. МАРКОВ

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА. РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Взгляды В. О. Ключевского на историю человеческого общества опирались на определенные общетеоретические воззрения. Как историк, Ключевский естественно меньшее внимание уделял философской проблематике, хотя и не был чужд философским явлениям и философской борьбе своего времени. Большее значение для него имела социология как наука, поскольку при определении задач исторического изучения он выдвинул два предмета: одним из них является история культуры или цивилизация, другим — «изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие»[1]. Если объектом первого исторического исследования служат «результаты исторического процесса», то «историческая социология» рассматривает силы и средства его движения.

Несмотря на то, что Ключевский не был социологом по специальности, тем не менее он неоднократно подчеркивал, что «целый ряд соображений побуждает историка... быть по преимуществу социологом»[2], поэтому его нельзя обойти молчанием в истории русской общественной мысли.

Русская историческая школа до Ключевского и в его время значительно преодолела фактологически-описательный подход к воспроизведению событий прошлого. Как в первой, так и во второй половине XIX столетия в русской исторической мысли явственно отмечается стремление концептуального подхода к истории и поискам ее имманентных сил. При всем расхождении воззрений на общество историки различных школ и течений обращаются к прошлому, к истолкованию его фактов с определенных позиций. История как наука оказывается вовлеченной в сферу идеологической борьбы; во-первых, потому, что в воззрениях историков все яснее выявляются их политические и общетеоретические позиции, и, во-вторых, потому, что определенным образом истолкованные события или периоды в истории России становятся важнейшими аргументами в столкновении партий.

В системе воззрений Ключевского на историю, на наш взгляд, важный элемент составляет проблема роли географической среды в общественно-историческом развитии. Эта проблема в его концепции своеобразно сочетается с влияниями, которые были оказаны в небольшой степени гегельянством и в значительной — антропологизмом.

Вопрос о роли географической среды, или, иначе, о взаимодействии природы и человека, с давних пор привлекал внимание мыслителей. Сам по себе этот вопрос может считаться центральным, поскольку люди всегда стремились осмыслить место человека в системе природы и познать те силы, которые привели его в мир, вооружили разумом, и тем самым сделали властелином природы. Не случайно поэтому еще в XVII веке возникло особое направление — географическая социология. В XVIII веке наиболее ясным выразителем этой школы был Ш. Монтескье, французские материалисты, в XIX веке — Л. И. Мечников, С. М. Соловьев, А. П. Щапов, В. О. Ключевский и другие.

Суждения по вопросу о соотношении природы и общества, несмотря на их различие, сходятся в одном — в отрицании или в признании единства природы с обществом. Представители географической школы подчеркивали единство человека с природой, видя в нем генетическую связь. Но история социологической мысли знает и точки зрения, противопоставляющие природу и общество. Гегель и его последователи природу и человека рассматривали как проявление абсолютного духа в его инобытии и тем самым отстаивали свое «бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом»[3]. Представители объективного идеализма движущую силу истории видели не в самом обществе, и поэтому для них она лежала вне реального процесса исторического развития.

Подавляющее большинство мыслителей XVIII и XIX столетий отождествляли законы природы с законами общества. Так, основатель буржуазной позитивистской социологии О. Конт, выступая против применения теологического и метафизического методов при изучении общественных явлений, в свое время выдвинул задачу создания «социальной физики», подчеркивая, что «... основная характеристическая черта положительной философии состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и низведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий, хотя мы и признаем абсолютно недоступным и бессмысленным искание первых или последних причин»[4].

Из позитивизма выросла так называемая «органическая школа», которая в объяснении общественных явлений сошла с небес на землю, тем не менее она упорно навязывала свое мнение о том, «что весь социальный механизм действительно основы-

вается на убеждениях»[5]. Но сколько бы позитивисты не рассуждали о «социальной физике», они в социологии оставались идеалистами, так как были уверены, «что идеи управляют и переворачивают мир»[6], да и вся картина исторического развития у Конта и его последователей представляла собой развитие человеческого ума и методов познания.

Появление географической школы в социологии точно так же, как антропологической в философии, выражало поиск объективного начала истории. Но несмотря на это, географическая школа все-таки не вышла за рамки идеалистических представлений, потому что она еще не умела вывести человеческое сознание, общественные идеи, влияние которых на исторические события было установлено уже давно, из объективно-материальных начал. Географическое направление не умело связать субъект с объектом, и потому лишало общественные идеи своих истинных оснований. Географический детерминизм также не мог преодолеть идеалистического понимания истории по той причине, что роль географической среды возводилась в абсолют и тем самым определяющее значение в общественном развитии отводилось природному фактору, а не материальному производству.

В России во второй половине XIX столетия широкое распространение получили религиозно-идеалистическая, государственная, антропологическая и географическая точки зрения. Впрочем ни одно из этих направлений не содержит в себе того или иного принципа, чаще всего элементы религиозно-идеалистического толкования встречаются в комбинации воззрений. То же самое можно сказать и о научном наследии Ключевского. В воззрениях историка, деятельность которого падает на конец прошлого века, отразились все течения, но сильнее всего у него проявились взгляды антропологической и географической школ, которые выражали прогрессивное течение русской общественной мысли.

Ценным источником, раскрывающим генезис духовного развития молодого Ключевского, является его переписка с другом по пензенской семинарии П. П. Гвоздевым, а также дневниковые записи, которые отражают впечатления и суждения о противоборстве между различными школами философского идеализма и материализма[7].

По духу писем Ключевского к Гвоздеву можно предположить, что он был в курсе борьбы вокруг работы Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии»[8] и непосредственно знаком с этим материалистическим произведением, печатавшимся на страницах журнала «Современник», который пользовался среди молодежи большой популярностью.

В стенах Московского университета Ключевский с большим интересом продолжает следить за борьбой в русской общественной мысли, с удовлетворением отмечая роль Чернышевского —

этого «бесцеремонного» семинариста-социалиста[9] со своим «Современником», который «вопиет о бедствии пролетариев и частит по-русски праздную умозрительную философию»[10].

С первого курса университета Ключевский горел желанием восполнить пробел семинарского образования по философии. Не имея достаточного опыта в этом отношении, он поначалу заинтересовался курсом богословия. Однако первое восхищение слушанием Сергиевского вскоре сменяется пониманием противоестественного совмещения догматичности и софистичности под воздействием толков об учениях, «возникших и возникающих в стране систем, т. е. в Германии, из которых многие, безусловно, отвергают не только христианство, но и вообще религию...»[11] Пытливый ум Ключевского не довольствовался лишь тем, что проповедывалось с кафедры богословия; он добирается до запрещенной царской цензурой литературы и читает лекции Л. Фейербаха «О сущности религии». Фейербах произвел глубокое впечатление на Ключевского, о чем он с энтузиазмом сообщает Гвоздеву: «Фейербах — материалист и выдвигает на первый план природу, признаваясь, что ему не стыдно зависеть от природы и подчиняться ей, как действительно существующему, а не произведению воображения!»[12]

Царское правительство и официальные академические круги были обеспокоены ростом материалистических настроений в среде московского студенчества. С целью сокращения количества приверженцев материалистического учения в Московский университет был приглашен профессор Киевской духовной академии П. Д. Юркевич. Реакция возлагала большие надежды на богослова по образованию и убеждениям, рассчитывая, что его лекции ослабят интерес к материалистической философии. На первых порах появление Юркевича на кафедре философии, как видно из писем Ключевского, было новостью поважнее, нежели его возражения Гвоздеву в дискуссии вокруг лекций Фейербаха «О сущности религии». Но как скоро обнаружилось, те философские идеи, которые проповедывал Юркевич в своих лекциях по истории философии, были чужды Ключевскому. Несогласие Ключевского с ходом мыслей богослова, по-видимому, возникло на почве различного отношения к идеалистическому толкованию истории на основе гегелевского принципа о разумности всего действительного. В то время, когда бывший семинарист Ключевский произнес «Вечную память» над патриархальной, незабвенной духовной семинарией, которая, исключая всякую свободу мысли, «больше поучала, чем учила»[13], тогда пропаганда идеализма Юркевичем, ведущим «свою историю особняком как-то от остальной общественной жизни»[14], не могла быть принята Ключевским. Материалистические идеи Н. Г. Чернышевского и немецких мыслителей Фогта, Бюхнера, Молешотта и Фейербаха крепко засели в головах передового студенчества России. Надеждам развенчать материализм, выхолостить

его из умонастроения молодежи, показав, как мало заслуживает он презрения и страха, а тем менее поклонения, не суждено было осуществиться. «Студенческая молодежь встретила Юркевича в штыки»[15]. Когда Юркевич приступил к чтению лекций, студенты в своей анонимной записке предупреждали богослова: «Материализм уже сильно въелся в убеждения, потому надобно обращаться с ним строго деликатно... Если в следующих лекциях вы не оставите цинизм, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки»[16].

Свое отношение к Юркевичу Ключевский высказывал в письмах. Сообщая о чрезвычайном происшествии, когда ряд профессоров Московского университета (Соловьев, Чичерин, Бабст и др.) в знак протеста против нарушения правил демократических начал внутриуниверситетской жизни реакционным большинством совета подали свои прошения об отставке, Ключевский с глубокой тревогой сообщал Гвоздеву о том, что «во главе этого большинства стоят ректор Леонтьев, Юркевич и Любимов; это самые крупные подлецы»[17].

Эволюция теоретических воззрений Ключевского дает возможность предположить, что они формировались под влиянием немецкого материалистического учения Фогта, Бюхнера, Фейербаха и материалистической мысли русских революционных демократов в лице Чернышевского.

Если Ключевский не у самого Гегеля, а через русских его толкователей усвоил идею закономерности истории, он однако не мог согласиться с гегелевским мнением о соотношении природы и человека. В отличие от Гегеля при решении вопроса о возникновении природы и общества Ключевский придерживался материалистического понимания данной проблемы. Он выступал против гегелевского толкования природы и общества как «состояния абсолютного, разложившегося в явлениях реального мира, в пространстве и времени, когда абсолютное отчуждено от самого себя, находится в состоянии инобытия (вне-себя-бытия)»[18]. Ключевский исключал участие «мыслящего и отвлекающего, т. е. индивидуального духа» в создании безличной природы и человеческого общества[19]. Он стремился найти объективное начало истории в реальном процессе общественного развития, опираясь на антропологическую точку зрения в объяснении человека и природы, которая составляет важный элемент в его социологии. Указывая на то, что «в истории вскрывается общежительная природа человека», ученый вместе с тем выводит генезис сознания человека из физической природы и физиологического механизма. Как и Чернышевский, Ключевский разделял мнение, утвердившееся в русской мысли во второй половине XIX века о том, что животные подобно людям обладают мышлением. Отталкиваясь от антропологического принципа, он настаивает не на различиях, а на общности людей

и животных. Историк не учитывал специфичность законов природы и общественного бытия и поэтому подчеркивал, что «у животных нет нашего дара слова, но есть свой язык для выражения мыслей. Лексикон есть, нет нашей грамматики»[20].

Ставя задачей исторического предмета изучение происхождения, развития и свойств людских союзов, Ключевский подразделяет их на естественные и искусственные. В понимании Ключевским генезиса общества особое место занимает семья как естественный союз, «первичная протоплазма», возникшая на основе инстинкта противоположных полов. При рассмотрении семьи, как звена на пути от животного к социальному состоянию, он не усматривает в нем производственно-общественных связей, а рассматривает семью в антрополого-физиологическом аспекте. При этом ученый подчеркивал, что «физическая природа человека есть источник тех инстинктов, которыми были вызваны первоначальные и простейшие формы общежития»[21]. Узость антропологического принципа не позволила Ключевскому выйти за пределы половых связей в объяснении возникновения социальной ячейки — семьи и понять, что «общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны,— труда, с другой — семьи»[22].

В отличие от идеалистических воззрений на общество Ключевский не допускает, что дух непосредственно действует в истории. Он как общественная сила в представлении историка возможен только в форме реального человеческого сознания, проявляясь в индивидуальном сознании человека или как совокупный коллективный разум. Таким образом, человеческий индивид, как непосредственно несущий в себе природное начало, является активно действующей силой общественно-исторического процесса или, по выражению Ключевского, инициатором общежития[23]. В процессе исторического развития на основе трудовой деятельности происходит социализация личности, и эта настоятельная необходимость превращается в дальнейшем в потребность, поскольку «лицо не только не может, но и не хочет обходиться без общения с другими»[24].

Как происхождение сознания, так и возникновение языка Ключевский объясняет на основе физиологической конституции человека, не учитывая социального фактора, определившего появление членораздельной речи. Язык в понимании ученого является результатом совокупного действия нескольких сил. Считая его способностью духа выражать ощущения, мысли и чувства, он ставит язык в непосредственную зависимость от механизма мышления и рассматривает его только как «продукт физической природы человека»[25]. Ключевский не понимал социальной основы появления членораздельной речи и того, что «подобно сознанию язык возникает лишь из потребности, из

настоятельной необходимости общения с другими людьми»[26]. Язык по своей природе материален, это «способность, связанная с нашей физической организацией»[27], но его нельзя выводить только из природы, как это делает Ключевский. При таком взгляде на язык нет разницы между звуками, издаваемыми обезьяной, имеющими информационное содержание, и языком человека. Ключевский полностью разделяет эту точку зрения и до конца остается верен своим убеждениям. По его представлениям, способностью выражать свои чувства и мысли обладают все животные.

Язык — способность физического, материального, но по своей сущности он — социален. Природа создала аппарат, однако совершенство языка возникает из многообразия форм социального общения наших предков. В процессе трудовой деятельности «формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»[28].

В воззрениях антропологического порядка по вопросу генезиса человека и его сознания у Ключевского теснейшим образом переплетается географическая точка зрения. Внешняя среда в его понимании не остается безучастной в процессе формирования языка: «На язык кладет свой отпечаток и природа страны, потому что даже на одном и том же языке люди, воспитанные неодинаковыми физическими условиями, говорят иначе»[29]. Историк настоятельно проводит мысль о том, что люди различных географических широт меридианов, независимо от разностей лексикона и грамматики, неодинаково выражают свои мысли и чувства, подчеркивая, что «Юг и Восток отличаются от Севера и Запада большею образностью выражения своих ощущений»[30].

Хотя Ключевский и высказывался по вопросу «общежительного характера» языка как средства общения между людьми, поскольку «совершенно уединенный человек не имел бы ни потребности в нем, ни возможности создать его»[31], все-таки груз антропологизма в его воззрениях подавляет отдельные элементы понимания социальной сущности языка. Особенность социологических взглядов Ключевского о взаимоотношении природы и общества заключается в том, что, рассматривая общество как уже возникшее, он принимал во внимание функциональную зависимость исторического бытия и общественного сознания[32]. Однако, рассматривая генезис сознания, ученый не учитывал роли общества при выработке мышления, утверждая, что «психический аппарат менял лишь только свои способности по мере накопления исторического опыта и знания, а в целом всегда оставался один и тот же»[33].

В процессе своей трудовой деятельности человек не только выделяет себя из природы, но и меняет механизм эмоций. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»[34].

Обсуждая проблему взаимодействия природы и человека, Ключевский достаточно убедительно, даже с точки зрения современных наших понятий, рассмотрел их материальное единство, опустив человека с заоблачных высот, куда он взгроможден был церковниками и идеалистами. Однако он не смог нащупать постепенного возникновения и развития социального фактора, сыгравшего решающую роль в окончательном выделении человека из животного мира, так как не понимал роли труда в процессе эволюции человека. Без этого Ключевский был не в состоянии последовательно провести материалистический монизм и распространить его на историю общества. Непонимание им основных форм движения материи, их соответствующей субординации и координации привело к тому, что явления общественного порядка он рассматривал через призму законосообразности природы. Ключевский не осознавал диалектической общности законов развития естествознания и принципа несмешиваемости их с законами общественного развития, поэтому происхождение сознания и возникновение языка людей объяснял их биологической природой, что не исключало идеализма, а вело лишь к социологическому антропологизму и механицизму. Узость антропологического принципа в объяснении генезиса человека и его сознания не позволила ему выйти за рамки натурализма, а в конечном итоге и исторического идеализма. Если естественные союзы в представлении Ключевского были «завязаны самой природой» непроизвольным, бессознательным побуждением инстинкта, то уже возникновение государственного объединения как формы искусственного союза он истолковывает на основе сознания. Считая естественные союзы объединениями дообщественными, Ключевский создание государственного общества объясняет на основе идеи, возникшей из необходимости поддержания общего блага, «потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество»[35].

Нельзя до конца понять представлений Ключевского о взаимоотношении природы и общества, не рассмотрев его взглядов на роль географической среды в общественно-историческом процессе. Имеется достаточный материал, который раскрывает его суждения по данной проблеме.

По свидетельству Р. Ю. Виппера, В. О. Ключевский хорошо был знаком с Ф. Гизо[36]. Можно предположить, что именно от него он воспринял мысль о влиянии природы страны на историю ее народа. Французский историк различие исторических

судеб народа объяснял неодинаковыми природными условиями, считая, что «в континентальных государствах прогрессивное движение цивилизации отличалось меньшею сложностью и полнотою... Всякий политический опыт ... получал там более простора и оконченности» по сравнению с Англией[37]. Особенности воззрений Гизо, его акцент на роль географической среды, в которой народу суждено творить свою историю, нашли отражение в работах Ключевского.

В тенденции развития социологической мысли географическое направление на протяжение XVIII—XIX веков сильнее всего выражало поиск объективной основы общественного развития. Такого рода тенденция с конца XVIII века под влиянием французских просветителей и материалистов замечается и в России. Элементы географического подхода при рассмотрении развития общественного организма история русской социологической мысли отмечает еще у А. Н. Радищева. Он «неоднократно отмечал действие климата и других естественных условий существования на облик общества»[38]. Такие же черты у русских социологов, в частности у В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, справедливо подмечает М. Г. Федоров, который, однако, излишне увлекаясь, объявил их представителями географического направления, считая, что «прогрессивная геосоциология своим влиянием даже в судьбе философии истории такого выдающегося мыслителя и революционера, как В. Г. Белинский, оказалась шагом вперед к критическому отрицанию «абсолютного» исторического идеализма»[39]. Федоров, выделяя географическое направление, упускает из виду, что Белинский и Чернышевский не были по преимуществу географистами. Скорее всего следует говорить о том, что основополагающее значение в решении социологических вопросов следует искать в их антропологичности, а Чернышевский уже непосредственно подходил к признанию экономического фактора в качестве определяющего в историческом развитии. Однако Федоров совершенно прав в главном, утверждая о том, что в русской социологической мысли сложилось целое географическое течение, и вообще идеи географического детерминизма были сильны в русской социологии.

Наследуя традиции о значении естественно-географических условий в развитии общества, русские ученые обогатили это течение созданием географической школы в русской социологии. Наиболее типичным представителем этого направления является Л. И. Мечников, для которого географический детерминизм является универсальным принципом. Рассматривая влияние географических условий на общественную жизнь, он подчеркивал, «что различная степень цивилизации у различных народов обусловливается влиянием среды»[40]. При определении основного источника развития человеческого общества Мечников абсолютизирует роль географических условий и считает, что «с нашей

точки зрения основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки»[41]. Этот принцип в социологической концепции ученого является доминирующим, поскольку основное внимание уделяется рекам, морям и океанам, которые, по его мнению, предопределяют возникновение цивилизации и направление социального прогресса.

Социологическая концепция Ключевского вобрала в себя суждения различных социологических школ. Однако более всего у него выражена точка зрения географической социологии, хотя его нельзя, по-видимому, считать чистым географическим детерминистом. Выводы географической школы просматриваются в его трудах, начиная от ранних и кончая зрелыми. Уже в первые годы научной деятельности Ключевский не довольствуется религиозно-идеалистической трактовкой истории, он ищет объективную основу общественного развития. Под влиянием французских историков времен реставрации, которые, как указывал Г. В. Плеханов, говорили об имущественном неравенстве и о значении природы в развитии общества, в исторической науке большое распространение получило отыскание материально-экономических основ общественной жизни.

При рассмотрении вопроса о ведущих силах социально-исторического процесса Ключевский в первую очередь обращается к природе страны, «которая держит в своих руках колыбель каждого народа»[42]. В этом отношении нельзя не согласиться с ним. Действительно на заре человечества климатические условия сыграли решающую роль в возникновении и развитии нашего предка. Вероятно, можно предположить, что наиболее благоприятная среда для появления человека сложилась в умеренно-теплом и жарком поясах, где были все необходимые условия. В этом отношении природа — зыбка человечества, но в процессе общественного развития взаимоотношение внешней среды и общества меняется. С усовершенствованием орудий труда человек все более освобождает себя от жесткой зависимости природных условий, более того, опираясь на производительные силы, он все больше подчиняет себе силы природы, оставаясь в ее рамках как особая, высшая форма материального мира.

Сохраняя свое первоначальное представление о географической среде, Ключевский позднее писал: «Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями»[43]. В этой обоюдной работе географическая среда побуждает человека к деятельности, а в процессе активного воздействия на природу, указывает Ключевский, общество «вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям»[44]. Рассматривая круг вопросов, связанный с влиянием физической природы на историю общества, Ключев-

ский отмечает положительное значение разнообразной географической среды, которая способствует раскрытию внутренних сил человека и обусловливает многообразие форм соприкосновения между обществом и природой, «ею возбужденной и обращенной на ее же самое»[45].

Марксизм, как известно, не отрицает значение разнообразия природной среды в развитии общества. «Не абсолютное плодородие почвы,— писал К. Маркс,— а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»[46].

Однако если К. Маркс взаимодействие человека и природы рассматривает через производственную деятельность, опосредуя отношение природы и общества способом производства, то Ключевский географическую среду считает фактором, непосредственно определяющим развитие общества. В зрелых трудах историка этот принцип приобретает форму концепции, которая проявилась в понимании структуры, периодизации и в целом построении методологии исторического процесса. В его сознании окрепли убеждения, что природная среда по преимуществу определяет развитие общественного организма. Из нее ученый выводил хозяйственный быт и способы удовлетворения потребностей человека, а вместе с ними — политические и юридические отношения общества. Иногда Ключевский видит, что общество не всегда непосредственно зависимо от природы, и указывает, что «не все стороны его деятельности в одинаковой мере подчинены ее действию»[47]. Но эти верные его замечания остаются недостаточно развитыми и поглощаются географическим детерминизмом, который провозглашается в методологии. Несмотря на признание активной деятельности «рук и ума человека» на окружающую природу, Ключевский убежден в том, что «производительность человеческого труда останавливается там, где указывает ему эту остановку природа»[48].

Проводя направление механистического взгляда на развитие общества, Ключевский ставил человека в полную зависимость от природных условий. Поскольку окружающая среда обеспечивала существование своего дитя — человека всем необходимым, постольку она пронизывала все стороны общественной жизни, оказывая решающее влияние на ход ее развития. В процессе взаимодействия между обществом и природой Ключевский был далек от понимания такого определяющего звена материального производства, каким являются производительные силы вообще и орудия производства — в частности. Он не понимал активного воздействия общества на природу и то, что «человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознатель-

ную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»[49].

Принцип географического детерминизма в объяснении развития общества у Ключевского особым образом сочетается с антропологической точкой зрения. Географический подход к общественному процессу в его концепции не противоречит антропологическому, и он пытается соединить их в одну систему. Видя в человеке только исключительно существо природы и полагая его биолого-физиологические основы определяющими при выделении человека из вида животного мира, Ключевский совершенно не касается проблем биолого-социального характера. Отсюда внешняя среда, в его понимании, не остается «только обстановкой» для деятельности человека, а является активным, решающим фактором «в очень важных явлениях, особенно экономических, в истории народного хозяйства вообще, в ходе накопления капитала и т. п.»[50]

Проблема соотношения природы и общества для Ключевского имеет не только общетеоретическое значение. Из природы стран он выводит своеобразие национальных исторических процессов.

Труды В. О. Ключевского по русской истории не могли обойти проблему, поставленную еще П. Я. Чаадаевым, который, «характеризуя безрадостное положение руского народа, пытался ответить на вопрос о судьбах России и найти корни современной жизни в прошедшей истории»[51].

Тема Запада и Востока была одной из главных в русской общественной мысли, поэтому Ключевский не мог не касаться ее. Сравнивая историю нашего отечества со странами Западной Европы, имея в виду те стороны социальной структуры России, по которым она отставала от стран Западной Европы, Ключевский отмечает немало причин, предопределенных особенностями природных условий Русского государства. Сопоставление природных условий России с географической средой различных народов входит в методологию Ключевского как определяющий элемент и проводится им подробно, систематически. Его внимание обращено не только на природные богатства страны в целом, но и на областнические различия: рельеф, наличие рек, лесов, водных пространств, которые обусловливают ход исторического процесса. В географическом очерке Ключевский отмечает три особенности природных условий России: а) разнообразие «ботанических полос» с неодинаковой растительностью; б) своеобразие водной сети с разным направлением рек и в) наличие смешанного ботанического и гидрографического района в Центральной России[52], из которых сложились благоприятные условия в историческом развитии Российского государства.

В первые века русской истории ученый не отмечает заметного влияния физико-геологических условий на народнохозяйственный быт восточных славян. Заняв территорию юго-запад-

ной и средней России, славянские племена, по мнению Ключевского, оказались в различных географических условиях. Согласно его взгляду, из несходности природной среды должны были бы выработаться «местные экономические типы»: охотничий и земледельческий, однако в конкретном историческом анализе Ключевский не предполагает подобное разделение труда.

В более поздние периоды истории России природа ее страны принимает наиболее активное участие в строении исторической жизни русского народа, определяя характер и направляя ход ее развития. Подобно Л. И. Мечникову, который основным фактором человеческой цивилизации считал «воду», Ключевский рассматривал историю России согласно программе, определенной гидрографией страны. «Речная сеть,— утверждает он,— по-видимому, оказала более раннее и сильное действие на разделение народного труда по местным естественным условиям»[53]. Связывая судьбу русского народа с реками нашей страны, Ключевский в своем «Курсе» считает, что в первый период своей истории основная масса русского населения сосредоточилась в бассейне реки Днепр, который определил хозяйственный уклад «днепровского периода» истории России. Если на заре исторической жизни нашего отечества основной хозяйственной деятельностью народа было звероловство и земледелие, то в днепровской Руси господствующим фактором экономической жизни становится внешняя торговля. Днепр со своими притоками, являясь важным торговым путем, по представлениям Ключевского, определил направление экономического развития, поскольку по рекам, «как главным торговым путям, сгущалось население, принимавшее наиболее деятельное участие в торговом движении»[54]. Внешняя торговля в процессе расширения все больше подчиняла своим интересам экономическую жизнь прибрежных районов, поставлявших «вывозные статьи» центрам русской торговли — приречным городам древней России. При подобном влиянии природных условий на народное хозяйство страны реки не остались безучастными и в ее политической жизни. Ключевский строит прямой мост не только между географией и экономикой, но даже формы политической организации он выводит из речной системы, считая, что «речными бассейнами направлялось географическое размещение населения, а этим размещением определялось политическое деление страны»[55]. Наблюдая внутреннее строение русской исторической жизни, Ключевский в основу жизнедеятельности русского народа кладет природный фактор, обусловивший весь механизм древнерусского общества. Жизненный процесс древней России он рассматривает под углом зрения географической социологии, ставя его в непосредственную зависимость от Поднепровского водного бассейна с его обоюдосторонними притоками, убежденный в том, что «на этой географической основе держался экономический и политический строй древней Киевской Руси»[56].

Схема периодизации русской истории Ключевского основана не на смене производственных отношений. Факт переселения и смена географических условий являются основной причиной зарождения новых форм общественного организма. Одобряя общее направление географической школы в социологии, Ключевский при построении «Курса русской истории» опирается на факт колонизации, который «ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития»[57]. В процессе миграции русский человек попадал под воздействие различных физических особенностей новозанятого края с его своеобразным географическим очертанием, климатом, рельефом, каждый раз определявшими хозяйственный быт и политическую структуру вновь сложившегося общества. По представлениям Ключевского, природа участвует во всем своем многообразии в формировании исторического пути, пройденного русским народом. Лес, степь, реки — вот основные силы русской природы, из которых каждая по-своему «приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека»[58]. В совокупном действии сил природы наиболее важное значение отводится рекам, оказавшим решающее влияние на ход истории России. По мнению Ключевского, роль рек в русской истории настолько велика, что он считает возможным взять ее за критерий периодизации отечественной истории. Для полного представления о влиянии водоемов на исторические судьбы русского общества историк останавливается не только на тех удобствах, которыми водные потоки наделяли русского человека при его переселениях. «Река,— как считает ученый,— является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе»[59].

Созвучие Ключевского с Мечниковым не вызывает сомнения. Кроме того нужно отметить, что историк с большим предпочтением относился к трудам «казанского светилы»—А. П. Щапова. Из высказываний автора «Курса русской истории» по проблеме роли естественных условий в историческом развитии общества можно предположить, что географизм Ключевского обнаруживает соприкосновение с геодетерминизмом Щапова, который считал личность «продуктом своего природного жилища». Русский историк-демократ разделял точку зрения географического направления во взглядах на общественную жизнь, поэтому натуралистически рассматривал генезис общества, считая, что «... всякий человек в пространстве служит зеркалом своей местности»[60].

Проводя принципы антропологической и географической социологии, Ключевский переносил закономерность природы на общественное развитие. Поэтому русская река помимо своих удобств и богатств, предоставленных населению, принимала

живое участие в обучении народа порядку своими закономерными половодьями, «совершающимися правильно, в урочное время»[61]. «Река,— говорит Ключевский,— воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества...»[62]

Взаимодействие явлений природы, по мнению Ключевского, невольно наталкивало человека на познание мироздания и применение его стихийных сил своим целям. «Сила, оказываемая текущею водою на покойные предметы, могла легко навести на мысль, применить ее к одной из труднейших работ — к молотью»[63]. Здесь Ключевский перекликается со Щаповым, который, подчеркивая значение водных пространств в совершенствовании характера мысли русского человека, отмечал, что «... море совсем иначе действовало на склад характера и образа жизни своих поселенцев, чем горы; оно развивало ум предприимчивый и сильную смышленость. Недаром Ломоносов вышел из поморья, на котором он был взлелеян с детства, и о котором у него сохранились глубокие воспоминания»[64].

При выяснении причин отставания России от стран Запада Ключевский, как и другие представители географического детерминизма, отталкивается от естественных обстоятельств, обусловивших течение жизни народов. Сравнивая природные условия нашей страны с географической средой Западной Европы, он видит особенности ее физической природы, предопределившие ход ее общественного развития. «Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, разнообразие форм поверхности и, во-вторых, чрезвычайно извилистое очертание морских берегов... Европе принадлежит первенство в силе, с какою действуют в ней эти условия»[65]. Отношение к водным пространствам проходит красной нитью через социологические воззрения Ключевского. Отсутствие климатического разнообразия, вызванного короткой линией морского берега, как полагает историк, обеднило природу России, тем самым наложив отпечаток на хозяйственную деятельность русского народа. В связи с тем, что «направление и степень напряжения народного труда, выбор естественных богатств для разработки указывается более всего природой страны»[66], русские люди были заняты разрешением хозяйственной загадки, которую задавала им природа каждый раз в процессе миграции по территории страны. В то время, когда народы Западной Европы пожинали плоды естественных богатств, наш народ, приученный меньше ждать от природы, тратил свою энергию на борьбу с ее стихиями, «напрягая силы на черную подготовительную работу цивилизации»[67]. В упорной борьбе с природными условиями, разъясняет Ключевский, нашим предкам пришлось больше трудиться над

выработкой своей «житейской выносливости», нежели «развивать свои умственные и нравственные силы» и совершенствовать общественные отношения. Хотя историк делает оговорку, заметив, что германские племена поселились на обломках римской цивилизации, которая способствовала их быстрому культурному росту, однако в своих теоретических суждениях причиной интеллектуального отставания России Ключевский считает географическую среду со своими болотами и лесами. Поэтому, на наш взгляд, нельзя полностью согласиться с мнением М. Г. Федорова, который считает, что «автор «Курса русской истории» поэтизирует русскую природу... и не дает особых перед ней преимуществ природе Западной Европы с точки зрения практических действий человека»[68]. Европейская Россия, по мнению Ключевского, не имела того разнообразия географических условий, которым обладала Западная Европа. Черты европейского климата русская природа разделяла с азиатской частью света, это оказало большое влияние на ход истории России, превратив ее в посредницу между двумя мирами[69].

Культурную отсталость России Ключевский объясняет особенностями ее географических условий, поскольку в его понимании в Европе не было «народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы более выносливого»[70]. Нетрудно заметить, что и здесь русский историк в своих суждениях единодушен со Щаповым, который считал умственный застой русских результатом борьбы со стихиями природы, в преодолении которых «русский народ потратил много сил и времени в ущерб интеллектуальному развитию и умственным занятиям»[71].

При выявлении национальных особенностей общественного развития Ключевский за основу берет своеобразие географических условий стран, поэтому он «охотнее отмечает черты различия русской истории и западноевропейской, чем пункты сходства»[72]. Сообразно своим взглядам, связывая смену укладов экономической жизни с изменением природных условий, историк настаивает на самобытности исторического развития России. В силу внешних обстоятельств русский народ вынужден был перебазироваться с южных степей на верхневолжский суглинок, где природа изобиловала продуктами внешнеторгового спроса, однако удаленность от торговых магистралей поставила перед необходимостью заняться обработкой земли. Вопреки географическому подходу, Ключевский забывает о том, что Донские области, как и Окско-Волжское междуречье, были покрыты лесами. В конкретном историческом исследовании он констатировал, что Киев был основан «среди леса и бора великого», и древляне, помимо торговых занятий, «делали нивы своя и земле своя»[73]. Однако в своих методологических выводах историк настаивает на отличии географической среды открытого Поднепровья от природных условий Верхней Волги, которые

круто изменили направление хозяйственной деятельности русского народа. «Внешние международные отношения, влиявшие на размещение населения в стране, сплетались с внутренними географическими ее особенностями в такой запутанный узел, что народный труд, подчиняясь одним условиям, получал направление, не соответствовавшее другим»[74]. Из такого своеобразного склада народнохозяйственного быта, продолжает Ключевский, естественно вытекали явления, не подходящие под привычные нормы[75].

Творческое наследство ученого дает основание предположить, что отличие «удельного периода» русской истории от феодальной эпохи Запада он объясняет природными условиями России. В «Курсе русской истории» он обнаруживает признаки сходства между удельной системой русского исторического развития и западноевропейским феодализмом, однако удельный порядок в России под собой имел другую социальную базу — «подвижное сельское население»[76], предопределенное широкими просторами Русского государства.

Речная система, по представлениям Ключевского, наложила наиболее глубокий отпечаток на своеобразие исторических судеб России. Близость рек и однообразная форма поверхности не позволяли расположившимся по ним частям населения обособляться друг от друга, поддерживали общение между ними, способствуя государственному объединению страны. Эти суждения Ключевского — еще один аргумент для предположения того, что отсутствие феодального момента в русской истории он истолковывает географическими условиями России.

В связи с тем, что географическая школа в социологии основой исторического развития считала географическую среду того или иного народа, а не общественное материальное производство, она не смогла преодолеть исторического идеализма. Принцип географизма особенно сковывал мыслителей при рассмотрении социальных явлений надстроечного порядка, которые являются выражением интересов различных групп классового общества. Это в полной мере касается и В. О. Ключевского. Опутанный географическим детерминизмом, он не мог преодолеть природную мотивировку «Наказа» Екатерины II, составленного на основе «Духа законов» Монтескье. Несмотря на то, что при рассмотрении свода законов историк отмечал его классовое содержание, выраженное в стремлении Екатерины II не выпустить из рук ни одной нити самодержавия[77], тем не менее вторая посылка «Наказа» — «Россия по своему естественному, т. е. географическому протяжению должна иметь самодержавный образ правления»[78],— осталась вне критического анализа автора «Курса русской истории». Ключевский был не в состоянии одолеть давление географизма, поэтому он оставил нетронутой классовую природу самодержавия вопреки доводам о том, что «самовластие само по себе противно как политический прин-

цип. Его никогда не признает гражданская совесть»[79]. Груз географизма настолько довлеет над Ключевским, что даже возникновение такого политического органа, какими были Земские соборы в России, он считал не результатом политической борьбы, а как явление, возникшее «само собою из неудобства географических расстояний»[80] и из-за «почтового соображения». В воззрениях Ключевского по проблеме взаимодействия природы и общества заслуживает внимания элемент материалистического подхода при рассмотрении данного вопроса. Здесь важно отметить то, что он первым среди русских историков выдвинул важную проблему о необходимости гармонического взаимодействия общества с природой[81]. Предупреждая о последствиях нарушения гармонии при воздействии человека на природу, Ключевский писал: «Увеличивая и регулируя энергию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение. Иначе природа станет в противоречие сама с собой и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться в помехи народному благосостоянию»[82].

Основное внимание Ключевского обращено к земельным богатствам России, на то, чтобы люди всегда проявляли заботу о сохранности структуры почвы, оберегая ее от эрозии и последствий неосторожности человека в процессе ее обработки. Проблема сохранения влаги в почве всегда волновала его, и он с большой тревогой говорил о вреде оврагов для сельского хозяйства. Ключевский подчеркивает значение верховьев рек и лесных массивов, оскудение которых «содействуют понижению уровня почвенных вод, которое все выразительнее сказывается в учащающихся засухах»[83]. Эти выводы Ключевского были новыми и ценными не только для своего времени, они представляют интерес и для современных социологических исследований.

Важным в мыслях Ключевского является его предупреждение потомков о сохранности равновесия естественных сил природы, которое может быть нарушено «непредусмотрительными» действиями человека. При оценке реформ Петра I, Ключевский отмечал хозяйственную бережливость преобразователя, подчеркивая, что он дорожил природными богатствами России, «оборонял их от хищнических рук, от бесцельного истребления, особенно берег строевой лес, зная бестолковое отношение к нему русского народа»[84].

При всем этом историк в человеке видел только субъекта, находящегося под влиянием среды и полностью зависящего от игры совокупных стихий природы. Ставя человека в непосредственную зависимость от природных условий, он не смог увидеть, что союз труда и производительных сил общества позво-

ляет людям доказать справедливость утверждения, идущего из глубины веков: «В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего»[85].

Во взаимоотношениях общества с природой Ключевский в основном рассматривает те противоречия, которые возникают при взаимодействии физических сил самой окружающей среды. Человек, по его представлениям, удовлетворяя свои насущные потребности, как бы опосредует эти природные явления, способствуя их глубокому и более разрушительному проявлению. Общество лишь изредка противопоставляет стихийным силам окружающей среды свои искусственные сооружения: «изгороди, плетни» — в борьбе с невзгодами природы. Ключевский не понимал роли материального производства как начала и основы всего того, что связано с покорением и преобразованием внешней среды человеческим обществом. По этой причине при обсуждении круга вопросов, связанных с нуждами сельского хозяйства, русский историк был не в состоянии увидеть коллективных усилий поколений и того, что «весь этот труд положен в землю, как в огромную сберегательную кассу»[86].

В процессе исторического исследования, под воздействием фактов, Ключевский в какой-то мере показывает влияние человека на окружающую природу, но преобладание географизма в его воззрениях не позволило ему объективно оценить роль природной среды в жизни общества.

Исключая участие мыслящего духа и индивидуального сознания в происхождении природы и человека, Ключевский с материалистических позиций рассмотрел их единство. Однако распространение законов развития природы на человеческое общество привело к тому, что историк антропологически объяснял генезис сознания человека. Он не понимал роли труда в процессе выделения нашего предка из животного мира, поэтому человеческое мышление истолковывал только на основе физиологического механизма отражения, не учитывая существенного социального фактора, предопределившего появление разумного существа. Без учета социальной природы человека Ключевский не мог выйти за рамки идеализма в объяснении возникновения сознания, поскольку физиология не определяет его содержания. Помимо антропологического принципа при решении социологических вопросов русский мыслитель опирался на географическую точку зрения. Упустив из вида историчность процесса взаимодействия природа — общество и важность материального производства в жизни людей, Ключевский природные условия считает фактором, определяющим ход социально-исторического развития. Географический фактор, в понимании историка, не только обусловливает экономическую жизнь общества, но и вступает в историю через физиологию человека, участвуя непосредственно в формировании характера, понятий и склада мысли русского народа. В процессе взаимодействия между внешней

средой и обществом Ключевский не учитывал значение производительных сил общества, с помощью которых оно покоряет силы природы.

Мыслитель так и не понял, что возникновение сознания и вся деятельность человека связаны не только с биологической природой, но, главным образом, определяются социальными факторами. Натурализм в объяснении генезиса сознания человека во взглядах Ключевского тесно переплетается с географизмом в понимании общественного развития. По этой причине он не смог научно рассмотреть проблему взаимодействия природы и человеческого общежития, а также вопрос о значении географической среды в историческом развитии. В конечном итоге он не преодолел исторического идеализма, оставаясь до конца в его рамках.

При всем этом воззрения В. О. Ключевского по рассматриваемой проблеме находились в русле прогрессивной мысли второй половины XIX века. Его взгляды по вопросу взаимоотношения природы и общества нужно оценивать исторически, так как в свое время антропологический и географический принципы подготовили торжество материализма в русской социологической науке. Вопреки всякому вероятию можно сказать, что социологические размышления крупного ученого, каким является В. О. Ключевский, послужили каналом к материалистическому пониманию истории России.

---

[1] В. О. Ключевский. Соч. в 8-ми т. Т. 1. М., Соцэкономиздат, 1956—1959, стр. 15.

[2] Там же, стр. 17.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 496.

[4] О. Конт. Курс положительной философии. Т. 1, отдел 1, СПб., 1899, стр. 8.

[5] Там же, стр. 21.

[6] Там же.

[7] В. О. Ключевский. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории (дальше ПДА). М., 1968.

[8] Там же, стр. 73, 425.

[9] Там же, стр. 94.

[10] Там же.

[11] Там же, стр. 64.

[12] Небезынтересно отметить, что письма Ключевского к Гвоздеву представляют собой своего рода ответы-трактаты об идейной жизни Московского университета, поэтому П. П. Гвоздев снимал копии с писем Ключевского для других членов семинарской товарищеской семьи. См.: В. О. Ключевский. Письма к Гвоздеву. М., 1924, стр. 10—11. Предисловие. В. О. Ключевский. ПДА, стр. 64.

[13] Там же, стр. 26.

[14] Там же, стр. 86.

[15] А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, стр. 343.

[16] «Современник», 1863, № IV, апрель, стр. 358—360.

[17] В. О. Ключевский. ПДА, стр. 132.

[18] В. О. Ключевский. Методология истории. Отдел рукописных фондов Института истории Академии наук СССР (далее ОРФИИ АН СССР), фонд 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[19] В. О. Ключевский. ПДА, стр. 242.

[20] Там же, стр. 342.

[21] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 26.

[23] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

[27] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 489.

[29] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[33] Там же.

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии».— «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 88.

[35] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 34.

[36] Р. Ю. Виппер. Памяти великого ученого.—«Русские ведомости», 17 мая 1911.

[37] Ф. Гизо. История цивилизации в Европе. СПб., 1905, стр. 268, 288.

[38] А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, стр. 139.

[39] М. Г. Федоров. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972, стр. 9.

[40] Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. Париж, 1899, стр. 96.

[41] Там же, стр. 159.

[42] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 45.

[43] Там же, стр. 43.

[44] Там же, стр. 62.

[45] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 62.

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, стр. 522.

[47] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 62.

[48] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[49] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

[50] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф .4, оп, 1, ед. хр. 82.

[51] А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, стр. 204.

[52] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 62—63.

[53] Там же, стр. 63.

[54] Там же.

[55] Там же, стр. 64.

[56] Там же, стр. 347.

[57] Там же, стр. 32.

[58] Там же, стр. 66.

[59] Там же, стр. 69.

[60] А. П. Щапов. О влиянии гор и моря на характер поселений. Соч., т. 2, СПб., 1906, стр. 173.

[61] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 69.

[62] Там же.

[63] В. О. Ключевский. Дополнения к работе П. Кирхмана «История общественного и частного быта». М., 1867, часть 1, стр. 31.

[64] А. П. Щапов. О влиянии гор и моря на характер поселений. Соч., т. 2, стр. 180.

[65] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 46.

[66] В. О. Ключевский. Методология истории. ОРФИИ АН СССР, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 82.

[67] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 43.

[68] М. Г. Федоров. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972, стр. 31.

[69] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 47.

[70] Там же, стр. 311.

[71] А. П. Щапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч., т. 2. СПб., 1906, стр. 235.

[72] М. В. Нечкина. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922, стр. 195.

[73] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 63.

[74] Там же, стр. 27.

[75] Там же.

[76] Там же, стр. 362.

[77] В. О. Ключевский. Соч., т. 5, стр. 83.

[78] Там же, стр. 82.

[79] В. О. Ключевский. Соч., т. 4, стр. 222.

[80] В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 11.

[81] М. Г. Федоров. Указ. соч., стр. 33.

[82] В. О. Ключевский. Соч., т. 1, стр. 71.

[83] Там же, стр. 72.

[84] В. О. Ключевский. Соч., т. 4, стр. 109.

[85] Софокол. Антигона.— В кн.: Хрестоматия по античной литературе, т. 1. М., 1965, стр. 242

[86] Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949, стр. 201.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Полин. Промышленность Мордовии в годы первой мировой войны 3

Е. И. Кривяков. Социально-экономическое положение переселенцев на родине 11

Е. И. Кривяков. Промысловые занятия новоселов из Мордовии в местах водворения 38

М. П. Солдаткин. Н. И. Ильминский и насаждение православия среди мордвы во второй половине XIX века 47

В. П. Тумайкин. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII—XIXвв.) . . 73

Н. Д. Марков. Проблема своеобразия русского исторического процесса в социологической концепции В. О. Ключевского 89

Н. Д. Марков В. О. Ключевский о взаимоотношении природы и общества. Роль географической среды в общественно-историческом процессе 101

Исследования по истории Мордовской АССР.

И 889 *(Науч.-исслед. ин-т. языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР.)* **Труды, вып. 47.** Саранск. Мордовское книжное издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР, 1974 г. 124 стр.

9(с147)

Редактор Н. А. Сычугова
Художественный редактор Л. В. Попов
Технический редактор А. А. Коровина
Корректор Р. П. Овечкина

Сдано в набор 27/XII 1973 г. Подписано к печати 13/III 1974 г. Ю02113. Бумага 60×90¹/₁₆. № 2. Печ. листов 7,75. Уч.-изд. листов 8,15. Тираж 500 экз. Заказ № 173. Цена 49 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь" Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.